

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 21 (122)

Academic Journal

Series:
International Relations.
Area Studies

Moscow 2013

ВЕСТНИК РГГУ
№ 21 (122)

Научный журнал

Серия «Международные отношения.
Зарубежное регионоведение»

Москва 2013

УДК 327 (05)
ББК 66.4я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Международные отношения.
Зарубежное регионоведение»

Редакционная коллегия:

Е.И. Пивовар (ректор РГГУ, чл.-кор. РАН) – ответственный редактор

А.Б. Безбородов (РГГУ)

Н.А. Борисов (РГГУ)

А.Д. Воскресенский (МГИМО (У))

А.В. Гущин (РГГУ)

В.И. Журавлева (РГГУ) – ответственный за научное редактирование и выпуск серии

Ш. Карнер (директор Института по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Вена–Грац–Клагенфурт)

М. Крэмер (Гарвардский университет, США)

А.С. Левченков (РГГУ)

Б. Луайер (директор Института геополитики, Париж-8, Франция)

О.В. Павленко (РГГУ) – ответственный за научное редактирование и выпуск серии

Е.Ю. Сергеев (РГГУ, ИВИ РАН)

Д.С. Фоглесонг (Университет Ратгерс, США)

Т.А. Шаклеина (МГИМО (У))

Секретарь – К.А. Соловьев

Номер подготовили:

В.И. Журавлева, О.В. Павленко, К.А. Соловьев

СОДЕРЖАНИЕ

I. Международные отношения и мировая политика: вопросы теории и практики

<i>Е.И. Пивовар, А.В. Гуцин</i> Основные направления изучения постсоветской интеграции в российской историографии	11
<i>О. Pavlenko</i> Russia's Mission in the World: the Geopolitical Debates (Миссия России в мире: геополитические дебаты)	39
<i>Д.А. Журавлев</i> Международный терроризм в сетевом измерении мировой политики	59
<i>О.Б. Игнаткин</i> Идеи политического реализма в современных международных отношениях	74

II. История международных отношений

<i>А.Д. Воскресенский</i> Историческая эволюция международного сообщества и ее влияние на формирование региональных подсистем международных отношений	83
<i>М.М. Сиротинская</i> Европейские революции середины XIX в. в контексте революционного опыта США: курс «Молодой Америки»	95
<i>А.Г. Сенокосов</i> Роль «либерал-пацифистов» во внешней политике Великобритании накануне Первой мировой войны	109
<i>В.И. Журавлева</i> Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма	121

П.К. Симонов

Религиозный вопрос в советско-американских отношениях 1920-х годов (по материалам центральных церковных обновленческих изданий в СССР)	147
--	-----

III. Страны и регионы в современной системе международных взаимодействий

III.1. Страны постсоветского зарубежья

А.С. Левченков

Отношения Украины с государствами – участниками Центральноевропейской инициативы в контексте евроинтеграции	161
---	-----

К.А. Соловьев

Западноукраинский национализм в контексте современных российско-украинских отношений	174
---	-----

И.А. Баскакова

Перспективы развития приграничного сотрудничества России и Казахстана в рамках Таможенного союза	186
---	-----

III.2. Америка и мир

И.Ю. Кравченко

Новый курс Б. Обамы в палестино-израильском конфликте	196
---	-----

Н.С. Самаркина

Российский экспорт вооружений в Латинскую Америку: геополитические аспекты	210
---	-----

Б.А. Антонов

Язык права России и США: сравнительный анализ	220
---	-----

III.3. Азиатско-Тихоокеанский регион

А.А. Киреева

Проблема разграничения акватории и освоения энергетических ресурсов Восточно-Китайского моря между Китаем и Японией	231
---	-----

**IV. Международные отношения и зарубежное регионоведение
как научно-образовательный проект**

Д.А. Журавлев

Международный терроризм как научно-педагогический объект:
методические разработки 243

О.Б. Игнаткин

Учебник Оксфорда по международным отношениям 268

Abstracts 272

Сведения об авторах 279

CONTENTS

I. International Relations and World Politics: Theory and Practice

<i>E. Pivovarov, A. Guschin</i>	
Post-Soviet Integration in Russian Historiography: Key Trends and Approaches	11
<i>O. Pavlenko</i>	
Russia's Mission in the World: the Geopolitical Debates	39
<i>D. Zhuravlev</i>	
International Terrorism in the Networking of World Politics	59
<i>O. Ignatkin</i>	
The Ideas of Political Realism in Contemporary International Relations	74

II. History of International Relations

<i>A. Voskressenskiy</i>	
Historical Evolution of International Society and its Influence on the Formation of Regional Sub-Systems of International Relations	83
<i>M. Sirotinskaya</i>	
European Mid-Nineteenth-Century Revolutions and the US Revolutionary Experience: Discourse of "Young America"	95
<i>A. Senokosov</i>	
The Role of Liberal-Pacifists in the Foreign Policy of Great Britain on the Eve of the First World War	109
<i>V. Zhuravleva</i>	
American Corn in Russia: Lessons of the People-to-People Diplomacy and Capitalism	121

P. Simonov

Religious Issue in Soviet-American Relations in the 1920s (Based on the Central Church Renovatory Periodicals in the USSR)	147
---	-----

**III. Countries and Regions within Contemporary System
of International Interactions**

III.1. Post-Soviet States

A. Levchenkov

Relations of Ukraine with the Participants of the Central European Initiative in the Context of European Integration	161
---	-----

K. Solovyov

The West Ukrainian Nationalism in the Context of Contemporary Russian-Ukrainian Relations	174
--	-----

I. Baskakova

Prospects of Russia-Kazakhstan Border Cooperation within the Customs Union	186
---	-----

III.2. America and the World

I. Kravchenko

New Deal of Barack Obama in the Israeli-Palestinian Conflict	196
--	-----

N. Samarkina

Russian Arms Export to Latin America: Geopolitical Aspects	210
--	-----

B. Antonov

Language of Law in Russia and in the United States: Comparative Analysis	220
---	-----

III.3. Asian-Pacific Region

A. Kireeva

Maritime Boundary Delimitation between China and Japan in the East China Sea and Their Joint Development of Hydrocarbon Resources	231
---	-----

IV. International Relations and Area Studies as an Academic Project

<i>D. Zhuravlev</i>	
International Terrorism as an Object of Study and Teaching: Methodological Issue	243
<i>O. Ignatkin</i>	
The Oxford Handbook of International Relations	268
Abstracts	272
General data about the authors	281

І. Международные отношения и мировая политика: вопросы теории и практики

Е.И. Пивовар, А.В. Гуцин

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена развитию отечественной историографии по вопросам интеграции и регионализации на постсоветском пространстве в начале XXI в. Внимание обращено на исследования, в которых определяется генеральное направление постсоветской интеграции, дается всеобъемлющий анализ различных факторов, которые влияют на характер и интенсивность деятельности этих организаций. Делается вывод, что феномен постсоветской интеграции еще не подвергался детальному и всестороннему изучению. Эта тематика является полем дальнейшего изучения и дискуссий, посредством которых должны быть выработаны общие критерии и терминология.

Ключевые слова: историография, интеграция, постсоветское пространство, регионализация, СНГ, ЕврАзЭС, Таможенный союз, Союзное государство России и Белоруссии, Евразийский экономический союз.

Не подлежит сомнению, что важнейшей чертой современного мира является процесс динамичного изменения экономических, политических и социальных систем. В этих условиях базовой тенденцией, отражающей качественные сдвиги в развитии, становится интеграция. Участие в интеграционных процессах, несомненно, является актуальным для России, учитывая ее роль как в мире, так и на постсоветском пространстве.

И отечественные, и зарубежные специалисты убеждены, что эффективная интеграционная политика может способствовать созданию благоприятного внешнего окружения – необходимого

фактора устойчивого внутривнутриполитического развития. В этой связи важно учитывать, что Россия, являясь федеративным государством и располагая богатым историческим опытом межцивилизационного взаимодействия, обладает значительными возможностями для реализации интеграционных проектов. Отношения России с бывшими республиками Союза Советских Социалистических Республик носят стратегический характер. Вместе с тем сочетание политических, экономических и социокультурных факторов в политике постсоветских государств обуславливает цикличность и неоднородность этих взаимоотношений и делает изучение данных процессов, с одной стороны, чрезвычайно актуальным и интересным, а с другой – очень сложным.

Распад СССР в 1991 г. знаменовал собой завершение целой эпохи. Одновременно он породил комплекс проблем политического, экономического, военного и гуманитарного характера. В новом пространстве, которое мы сегодня называем постсоветским, на первый план вышли проблемы интеграции и дезинтеграции, вопрос формата отношений между новыми независимыми государствами.

Взаимоотношения между бывшими республиками СССР складывались противоречиво. Их невозможно осмыслить и оценить без глубокого анализа истории как советского периода, так и дореволюционной России. Взаимосвязь и взаимозависимость бывших советских республик наложили глубокий отпечаток на характер их государственного строительства после распада СССР.

На формирование моделей взаимодействия постсоветских республик в новом суверенном статусе огромное влияние оказывали и продолжают оказывать объективные факторы. В первую очередь это сложность и болезненность разделения единого в прошлом хозяйственно-культурного комплекса. Не меньшую роль играет и фактор субъективного порядка – этнонациональная напряженность, связанная с новой самоидентификацией новых национальных элит.

Сегодня отношения между новыми государствами на постсоветском пространстве во многом определяются форматом интеграционного взаимодействия в экономической, социокультурной и военно-политической областях в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Таможенного союза (ТС), Единого экономического пространства (ЕЭП), Зоны свободной торговли СНГ (ЗСТ СНГ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а в ближайшей перспективе,

вероятнее всего, также Евразийского экономического союза. К перечисленным выше «россииориентированным» организациям следует добавить также ряд «антироссийских», таких как ГУАМ.

Жаркие споры относительно характера, эффективности и перспектив этих интеграционных структур не утихают в среде политиков, экономистов, политологов. У двух парадигм, характеризующих сущность новых политических и экономических объединений – новой формы интеграции и формы «цивилизованного развода», есть свои сторонники и противники. Однако ни те ни другие не могут представить однозначно убедительную систему аргументов в доказательство своей точки зрения. В связи с этим представляется необходимым концептуально изменить подход к проблеме дихотомии интеграционных и дезинтеграционных процессов, оценки причин возникновения интеграционных структур, их генезиса, функционирования и той роли, которую они играют в современном мире.

Проблемами интеграционных процессов на постсоветском пространстве занимается целый ряд российских исследовательских и научно-аналитических центров в ведущих научных институтах. Различные аспекты становления новой государственности постсоветских стран, вхождения их в международное сообщество, проблемы формирования и функционирования их в рамках интеграционных объединений сегодня все чаще становятся объектом исследований.

Особое значение приобретают работы, в которых освещаются общетеоретические вопросы региональной интеграции. Необходимо упомянуть труды таких известных теоретиков интеграции, как Н.Б. Шеленкова, В.Г. Шемятенкова, Д.Б. Казаринова и других. Большой интерес с точки зрения изучения роли России на европейской арене и постсоветском пространстве, анализа различных моделей интеграции представляет исследование А.О. Чубарьяна «Российский европеизм»¹.

Роль интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве как инструмента политического и культурного диалога между бывшими союзными республиками, что справедливо отмечается специалистами, трудно переоценить. По мнению подавляющего числа исследователей постсоветское/неоевразийское пространство можно рассматривать как уникальную «исследовательскую площадку»², так как, с одной стороны, это яркий пример взаимосвязи интеграционных и дезинтеграционных процессов, а с другой – это феномен, не получивший еще в современной политологической науке должной теоретической проработки (сейчас

понятие «постсоветское пространство» в основном анализируется только в историко-практической плоскости, где акценты ставятся на анализ советского прошлого и его наследия).

Политико-правовые аспекты интеграционных процессов в различных регионах мира анализируются с позиций теории интеграции, общей теории права, концепций модернизации.

При рассмотрении геополитических реалий, в которых оказались Россия и другие страны Содружества после распада СССР, существенное значение имеют работы Г. Бордюгова и П. Гобла, И.П. Блищенко, К.С. Гаджиева, В.А. Густова, А.В. Дугина, В.В. Журавлева, Д.Н. Замятина, Ю. Иванова, Л.Г. Ивашова, М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева, С.А. Караганова, А.А. Королева и В.И. Буренко, А.И. Мосякова, М.М. Лебедевой, А.С. Панарина, А.И. Подберезкина, А.В. Соловьева и А.В. Чаевича, В.Г. Федотовой, И.С. Хорина, П.А. Цыганкова, А.И. Шендрика и других³.

Необходимо отметить также ряд исследований в области политологии, истории, экономики, международных отношений, философии и юриспруденции, анализирующих национальные интересы России, проблемы обеспечения безопасности постсоветского пространства, влияние международных процессов на отношения в рамках Содружества, стабилизирующую роль России на евроазиатском пространстве и необходимость углубления интеграции в рамках СНГ. Эти проблемы нашли свое отражение в работах Р.Г. Абдулатипова, С.В. Алексеева, О.А. Арина, К.Л. Астапова, С.Н. Бабурина, Е.П. Бажанова, В.Г. Барановского, Ш.У. Гарнетт, С.В. Гвоздиковой, В.В. Егозарьяна, Е.Г. Журавской, В.А. Золотарева, В.Н. Иванова, М.В. Ильина, И.М. Ильинского, Н.К. Исингарина, С.В. Косилкина, Г.М. Костюниной, С. Кузьмина, В.Л. Манилова, В.Б. Мантусова, А.Н. Михайленко, Г.В. Осипова, Т.А. Пачаджановой, А.А. Прохожева, В.В. Серебрянникова, Е.В. Скурко, М.В. Стрежневой, Г.С. Хозина, В.Ц. Худовердяна, В.У. Чиналиева, Н.Г. Шапиро, В.Г. Шемятенкова, Ю.В. Шишкова, Е.Н. Шувалова, Н.Н. Шумского, Р.Г. Яновского и других, а также в многочисленных коллективных работах сотрудников различных институтов и центров, занимающихся проблемами интеграционного развития, в том числе сотрудников Института социально-политических исследований Российской академии наук⁴.

Ставится проблема «интеграционного» выбора для России – между Западом, Европой и Евразией, причем в качестве наиболее востребованного варианта интеграционной идеологии для нее рассматривается неоевразийство. Кроме того, анализируются отдельные особенности интеграционного взаимодействия в разных

форматах, политико-правовые вопросы, проблемы СНГ и субрегиональных объединений, в том числе Союза и Союзного государства Белоруссии и России, которые чаще всего признаются образованиями с тенденцией к федерализации⁵.

Безусловно, вопросы, связанные с образованием и развитием интеграционных объединений на постсоветском пространстве, на протяжении последних двух десятилетий находятся в центре внимания большого числа отечественных специалистов⁶.

Среди работ современных отечественных исследователей, непосредственно изучающих проблемы постсоветской интеграции в целом, можно выделить труды А.Н. Быкова, Л.Б. Вардомского, Н.А. Васильевой, Е.Ю. Винокурова, П.А. Калиниченко, Л.С. Косиковой, Т.С. Левыкиной, А.М. Либмана, Я.Р. Стрельцовой, Е.Д. Халевинской, Б.А. Хейфеца, Н.А. Черкасова, Ю.В. Шишкова.

Особенно следует отметить такие монографические исследования и коллективные труды, как «Реинтеграция и интеграция братских народов постсоветских республик – историческая необходимость современности», «Геополитические аспекты евразийской интеграции» А.Н. Быкова, «Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции» Н.А. Васильевой, «Евразийская континентальная интеграция» и «Eurasian integration challenges of transcontinental regionalism» Е.Ю. Винокурова, «Евразийская интеграция в XXI веке», «Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве» Е.Д. Халевинской, «Регионализация постсоветского пространства: факторы, особенности, тенденции» Л.Б. Вардомского и ряд других⁷.

Немало научных работ вышло в последние годы по вопросам экономической интеграции и взаимодействия постсоветских государств в области финансовой сфере. Эти вопросы находятся в сфере внимания таких исследователей, как Д.Р. Вахитов, В.Р. Евстигнеев, А.Н. Быков, Т.С. Левыкина, И.Т. Рустамова, А.П. Жихарев, Н.М. Зубарев, В.В. Смирнов, Д.К. Чистилин, А.А. Урунов и многих других.

Можно отметить такие монографические исследования, как «Проблемы интеграционного сотрудничества России на постсоветском пространстве в энергетической сфере» Т.С. Левыкиной, «Перспективы экономической интеграции в ЕврАзЭС» И.Т. Рустамовой, «Самоорганизация мировой экономики: евразийский аспект» Чистилина Д.К., «Вызовы глобализации и перспективы евразийской интеграции: (вопросы внешнеэкономической стратегии России)» А.Н. Быкова, «Влияние интеграции на экономический рост (ис-

следование экономики России и стран ЕврАзЭС» А.А. Урунова, «Лизинг как фактор развития производственной интеграции стран ЕврАзЭС» Д.Р. Вахитова, «Валютная интеграция в постсоветском экономическом пространстве: актуален ли западноевропейский опыт?» В.Р. Евстигнеева, «Интеграция и государственное регулирование информационных ресурсов на региональном уровне» А.П. Жихарева, «Методология формирования промышленной политики регионов в условиях интеграционных преобразований» Н.М. Зубарева, «Инвестиционный потенциал Евразийского Экономического Сообщества (концепция формирования и использования в условиях интеграции)» В.В. Смирнова и др.

Выделяются также коллективные научные и научно-аналитические труды: «Таможенный союз и соседние страны: модели и инструменты взаимовыгодного партнерства: исследование на примере Армении, Молдовы и Таджикистана», «Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ», «Комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС», «Интеграционный барометр ЕАБР», «Риски для государственных финансов государств-участников СНГ в свете текущей мировой нестабильности», «Евразийская экономическая интеграция: научно-аналитический журнал», «Евразийская интеграция: экономика, право, политика: международный научно-аналитический журнал», «Евроазиатское бюджетное пространство: вызовы интеграции»⁸.

Среди сравнительно недавних работ, посвященных Евразийскому экономическому сообществу, большой интерес представляют сборники, регулярно издаваемые Центром исследований интеграции Евразийского банка развития. В частности, сборник «ЕврАзЭС и интеграционный опыт ЕС / Eurasian economic community and EU integration experience»⁹ посвящен возможностям использования интеграционного опыта ЕС для развития Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Статья «ЕврАзЭС: некоторые итоги и перспективы использования опыта ЕС», написанная Ю.А. Борко, отвечает на вопрос, можно ли использовать опыт Европейского союза в Евразийском экономическом сообществе. Согласно статье, из опыта ЕС следует вывод, что интеграция имеет шансы на успех, если есть конечная цель, общие задачи и стратегия (главные этапы и их последовательность). Необходимо также выполнять поставленные задачи поэтапно и не торопиться, согласовывать национальные интересы государств. Кроме того, отмечается, что функционирование и развитие ЕС

обеспечивается целой системой институтов, норм, методов и процедур, которые создавались и совершенствовались десятилетиями. Первостепенная роль в развитии интеграции была отведена праву, но не менее важную роль сыграли механизмы связи между высшими институтами ЕС, принимающими решения, и гражданским обществом. Автор отмечает важность политических лидеров, способствовавших успешной интеграции.

Анализируются и причины неудач ЕврАзЭС. Ю.А. Борко отмечает, что состав этого объединения нельзя назвать оптимальным; в ЕврАзЭС постоянно нарушалась последовательность и поэтапность целей и задач; правящие «верхи» постсоветских республик не готовы делегировать создаваемым наднациональным органам реальные полномочия; отношение государств-членов ЕврАзЭС к принятым обязательствам отставляет желать лучшего. В конечном счете, автор снова подчеркивает, что все упирается в качество политической культуры – культуры управления и культуры межгосударственных отношений.

Статья Н.Ю. Кавешникова «Институциональная структура Евразийского экономического сообщества» посвящена становлению и развитию институциональной структуры Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), включая порядок взаимодействия его органов, механизмы принятия и исполнения решений. Автор называет три ключевые особенности институциональной структуры ЕврАзЭС: 1) интеграционные процессы в ЕврАзЭС имеют разноскоростной и разноуровневый характер, 2) ход интеграции в ЕврАзЭС не соответствует классической схеме региональной экономической интеграции: Зона свободной торговли (ЗСТ), Таможенный союз, Общий рынок, экономический и валютный союз; 3) слабость в принятии решений на основе консенсуса и исключительно на высшем уровне, отсутствие органа, способного выражать общие интересы сообщества, неэффективные механизмы исполнения решений и контроля за их исполнением. На основе этих особенностей для совершенствования институциональной структуры автор рекомендует: продолжать активное взаимодействие в отдельных секторах; усилить бюджетную солидарность при реализации отраслевых программ и отдельных проектов; учитывать, что судьба ЕврАзЭС зависит от успешного завершения создания Таможенного союза; не ограничивать деятельность Таможенного союза только вопросами внешней торговли; трансформировать комиссии Таможенного союза в орган, способный отстаивать общие интересы Сообщества; улучшить координацию работы отраслевых советов; упорядочить систему решений органов ЕврАзЭС и др.

Н.Б. Кондратьева в статье «Таможенный союз ЕврАзЭС: от деклараций к делу?» рассматривает такие вопросы, как практика регулирования единого внутреннего рынка ЕС, правовые основы интеграции в ЕврАзЭС, выгода от Таможенного союза для стран ЕврАзЭС, а также оценивает совокупность последствий создания Таможенного союза. В статье анализируются различные трудности, возникающие на пути интеграции стран ЕврАзЭС. Автор указывает на то, что власти государств ЕврАзЭС пока не готовы идти на компромиссы. Однако, по ее мнению, вряд ли стоит полагаться, что интеграция экономики постсоветских стран способна естественным путем победить тенденции к автономизации. Автор отмечает, что необходим обмен опытом с ЕС по различным аспектам, организация конференций, рабочих визитов, обучение, мониторинг и т. п.

О.Ю. Потёмкина отмечает, что опыт организации свободного передвижения лиц в Европейском союзе показывает, что необходима согласованная иммиграционная политика, включающая борьбу с нелегальной иммиграцией, усовершенствование охраны внешних границ: визовая политика, меры, регулирующие порядок пересечения границ, а также обмен информацией и ее анализ. В то же время автор оговаривает, что в Европейском союзе объединены заинтересованные в решении вопросов нелегальной иммиграции государства, которые служат основными пунктами назначения иммиграции. В СНГ и ЕврАзЭС все государства, кроме России, Казахстана и Белоруссии, являются поставщиками рабочей силы, и как результат разработанные нормативные акты ЕврАзЭС либо не подписаны, либо не ратифицированы участниками, что осложняет решение проблемы.

Л.О. Бабынина в статье «Транспортные системы ЕС и ЕврАзЭС: перспективы интеграции» рассматривает развитие транспортных отраслей в рамках интеграционных объединений ЕС и ЕврАзЭС и перспективы их взаимодействия. Автор отмечает, что развитие транспорта в Европейском союзе и в ЕврАзЭС имеет схожие цели и задачи, однако стартовые позиции различны. Перед ЕС стоит задача объединения транспортных систем всех государств-членов, в то время как ЕврАзЭС решает задачу восстановления общего транспортного пространства, его модернизации и адаптации к требованиям сегодняшнего дня. Автор приходит к выводу, что при формировании общей транспортной политики в рамках ЕврАзЭС может быть использован опыт Европейского союза, адаптированный к местным условиям. Исходя из практики Евросоюза, условием успешного создания единого транспортного пространства в рамках ЕврАзЭС является реализация планов по формированию

Таможенного союза. Что касается развития сотрудничества в области транспорта между ЕС и ЕврАзЭС, то это, по мнению автора, зависит от прогресса в переговорах по созданию общего экономического пространства ЕС и России.

Н.В. Говорова в статье «Человеческий и конкурентный потенциал стран ЕврАзЭС» предлагает анализ социально-экономической ситуации в странах ЕврАзЭС, рассматривает специфику развития человеческого потенциала в этих странах по нескольким индексам: индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), индексу нищеты населения (ИНН-1), индексу развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ), показателю расширения возможностей женщин (ПРВЖ). Исследователь приходит к выводу, что специфика заключается в крайней бедности населения, гендерном дисбалансе в обществе, в серьезных демографических проблемах, обусловленных снижением качества медицинского, образовательного и социального обслуживания населения. Рассматривая конкурентоспособность стран ЕврАзЭС, автор статьи обращается к данным Всемирного экономического форума (ВЭФ) и Международного института развития менеджмента (МИРМ). Проанализировав социально-экономическую ситуацию в регионе, автор делает вывод, что главная стратегическая задача – это борьба с бедностью.

Г.И. Чуфрин в работе «Очерки евразийской интеграции»¹⁰ отмечает, что, несмотря на многочисленные трудности политического, экономического и организационного характера, реальный процесс многостороннего экономического сотрудничества и интеграции на постсоветском пространстве успешно стартовал в середине первого десятилетия нового столетия. Инициаторами и наиболее твердыми и последовательными сторонниками становления и развития интеграционных мероприятий явились Россия, Казахстан и Белоруссия. Результатом предпринятых ими усилий стало создание в 2010 г. Таможенного союза, а затем и решение о формировании с 2012 г. Единого экономического пространства.

По мнению автора, создание этой более высокой формы экономической интеграции на постсоветском пространстве в свою очередь ставит вопрос о завершении деятельности ЕврАзЭС как интеграционного объединения, созданного в 2000 г., на которое возлагались задачи первичного стимулирования многостороннего экономического сотрудничества между входившими в него странами. В течение первого десятилетия текущего столетия эти задачи в основном были решены, и мандат, выданный ЕврАзЭС, был практически исчерпан в новых политических и экономических условиях. Ведь три из пяти учредителей ЕврАзЭС, а именно Россия, Бело-

руссия и Казахстан, развивая отношения тесного экономического сотрудничества и интеграции, смогли сформировать Таможенный союз и ЕЭП и планируют на их базе создание Евразийского экономического союза. Два других члена ЕврАзЭС – Киргизия и Таджикистан – свое экономическое будущее также связывают с участием в этих интеграционных объединениях.

В этих условиях, как считает Г.И. Чуфрин, завершение деятельности ЕврАзЭС и замена его Евразийским экономическим союзом – не просто смена названия ранее созданной организации многостороннего хозяйственного сотрудничества или ее бюрократическая реорганизация, а отражение начала более сложного этапа в постсоветской интеграции, на котором его участники намерены активно углублять взаимодействие во всех основных сферах производственной и инвестиционной деятельности, на рынках труда и капитала, расширяя обмен товарами и услугами и проводя в этих целях согласованную макроэкономическую политику с переводом все большего числа функций на наднациональный уровень.

Среди последних работ, опубликованных Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЕАБР)¹¹, можно отметить «Анализ экономического эффекта и институционально-правовых последствий Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей и Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств для государств-членов Единого экономического пространства». В этом документе представлена оценка влияния на экономику стран региона Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей и Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств для государств-членов Единого экономического пространства (Белоруссия, Казахстан, Россия). Евразийский банк развития рассматривает трудовую миграцию как главный компонент в рамках Единого экономического пространства, оказывая экспертную поддержку межгосударственным процессам в этой области.

В ходе исследования был проведен комплексный анализ вступивших в силу 1 января 2012 г. соглашений ЕЭП в области миграции, определена их новизна и влияние на существующую правовую базу Белоруссии, России и Казахстана, а также на уровень социальной защищенности трудящихся-мигрантов, оценен потенциальный эффект для экономик стран региона, включая страны Центральной Азии (доступ к рынку труда, производительность труда, доля денежных переводов в ВВП экономик стран и др.), и предложены возмож-

ные пути совершенствования политики в области регулирования трудовой миграции на национальных и международном уровнях.

В абсолютном большинстве работ по экономической интеграции авторы уделяют преимущественное внимание сотрудничеству по укреплению интеграции на межгосударственном уровне. Вместе с тем в ряде работ исследуется и тема влияния частного бизнеса на интеграцию и потенциальный рост роли бизнес-сообществ в этих процессах. В частности, Б.А. Хейфец и А.М. Либман в работе «Корпоративная интеграция: альтернатива для постсоветского пространства» обращают внимание на проблемы и возможности корпоративной интеграции как модели организации региональных интеграционных процессов¹². По мнению авторов, если регионализм – «интеграция сверху» – реализуется за счет формальных институтов и договоренностей, формирующихся на межгосударственном уровне, то регионализация представляет собой процесс «спонтанного» сближения и взаимопереплетения экономик стран региона. Традиционно к регионализации, как указывают авторы, относят три компонента: процессы инвестиционного и торгового взаимодействия бизнес-структур; миграцию трудовых ресурсов; проекты трансграничного сотрудничества на уровне субнациональных органов власти. Еще одно преимущество корпоративной интеграции – формирование спонтанных норм и правил поведения, облегчающих функционирование бизнеса. В то же время, как отмечают авторы, потенциальное воздействие корпоративных структур на институты формальной интеграции является менее оптимистичным и заставляет предположить, что рассчитывать на серьезное содействие формальной экономической интеграции со стороны корпоративных структур России и стран СНГ едва ли возможно.

В любом случае бизнес не станет актором, «предъявляющим спрос» на формальный региональный проект. Хотя он, содействуя сохранению неформальной интегрированности постсоветского пространства, создает базовые предпосылки для формирования такого проекта. Поэтому с точки зрения интеграционных перспектив основные надежды могут быть связаны с активной деятельностью государства по «созданию спроса» на те или иные формы экономической политики. Лишь «доказав» бизнесу путем реализации последовательной политики преимущества интегрированного взаимодействия, возможно включить сомоусиливающийся механизм интеграции и лоббирования, подобный функционирующему в успешных интеграционных группировках. Исследователи уверены, что развитие корпоративной интеграции, уже приносящей

ощутимые экономические результаты, даст толчок к развитию зашедшей в тупик интеграции формальной и будет способствовать реальному сближению заинтересованных государств Содружества и их динамическому экономическому развитию.

Большое количество работ посвящено военно-политическому сотрудничеству в рамках СНГ. Исследователи Е.Г. Моисеев, В.В. Пустогаров, В.А. Ржевский, Майсара Аль-Халед, Ф.Г. Павленко и В.Д. Новицкий, С.Л. Ткаченко, С. Петерманн, В.Г. Манов и другие в своих работах проанализировали различные аспекты, касающиеся международного статуса СНГ и органов Содружества (Совет глав государств, Совет министров обороны государств-участников СНГ, Штаб по координации военного сотрудничества государств – участников СНГ и др.)¹³.

Во многих работах рассматриваются отношения стран Содружества в военной сфере после распада СССР и влияние на эти отношения Североатлантического альянса. В этой связи представляют интерес труды отечественных ученых, занимавшихся военно-техническим сотрудничеством в советский период. Значительный материал содержится в работах о системе военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами после распада СССР, а также о принципах государственного управления военно-техническим сотрудничеством с другими странами СНГ¹⁴.

При рассмотрении современного состояния военно-технического сотрудничества России с другими странами Содружества Независимых Государств большое значение имеют работы отечественных исследователей А.Ю. Бельянинова, В.В. Кудашкина, Б.Н. Кузька, А.Л. Рыбаса, А.И. Симакова, С.В. Чемезова, В.В. Юдина и других. Авторы рассматривают вопросы обеспечения национальной безопасности России, законодательной и нормативно-правовой базы ВТС, военно-технической политики России по отношению к другим странам-участницам СНГ, взаимосвязи тенденций мирового рынка продукции военного назначения и современных геополитических процессов. Особое внимание уделяется анализу объемов экспорта и реальных доходов СССР в торговле оружием в период 1981–1990 гг., положению России на мировом рынке оружия в 1991–2003 гг.

Цельный ряд работ посвящен исследованию истории подписания и реализации Договора о коллективной безопасности (1992), а также его трансформации в военно-политический союз¹⁵.

Среди последних научных работ, исследующих военно-политическое и военно-техническое сотрудничество, немалый интерес представляют труды А.В. Чаевича, В.Д. Николаенко и некоторых

других¹⁶. В числе работ, вызвавших наибольший интерес у авторов данного труда, хотелось бы отметить такие монографии и коллективные труды, как «Инновационный потенциал современного региона: проблемы региональной безопасности и внутрирегиональной интеграции на постсоветском пространстве», «Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации» и «Интеграционные процессы в постсоветском пространстве и национальная безопасность России» А.В. Чаевича, а также «Коллективная безопасность России и ее союзников: военно-политическая интеграция на постсоветском пространстве» В.Д. Николаенко.

Большое внимание уделяется интеграционной политике России и Белоруссии¹⁷. В целом высказываются различные оценки развития российско-белорусского союза – от пессимистичных (М.Г. Делягин, Т. Гомар и другие) до умеренно оптимистичных (Н.Г. Федулова, Н.С. Зиядуллаев, Р.Я. Евзеров). Большинство авторов не склонны к односторонним оценкам, поискам «виновников» неудач в области интеграции, а пытаются найти системные причины «торможения» в разных сферах политики и взаимоотношений государств.

Попытки представить комплексный научный анализ существующих проблем и перспектив взаимодействия России и Белоруссии в рамках Союзного государства содержатся в работах Ю.Ф. Година, Д.И. Ушкаловой и некоторых других исследователей.

В центре внимания современных исследователей, безусловно, находятся и вопросы взаимодействия России с Украиной и Казахстаном как в рамках действующих интеграционных проектов, так и в поиске новых оптимальных форматов сотрудничества¹⁸.

Важное место в работах отечественных исследователей в последнее время отводится роли и месту Евросоюза и влиянию евроинтеграционной идеи на современное состояние и перспективы постсоветской, прежде всего россиецентричной, интеграции¹⁹.

Наконец, не обходят стороной российские ученые и вопросы социокультурной интеграции, роли и влияния наших соотечественников и русского языка на интеграционные процессы на постсоветском пространстве. В числе наиболее значимых, на наш взгляд, работ следует выделить такие монографические и коллективные труды, как «Культура России и международные отношения к 1150-летию российской государственности», «Евразийский опыт: культурно-историческая интеграция», «Сохранение и развитие русского языка в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве», «Российская диаспора как

фактор укрепления национальных интересов России на постсоветском пространстве», «Книжная культура в контексте научной и культурной интеграции на постсоветском пространстве (По материалам научно-исследовательского проекта “Книжная культура России и Беларуси. Комплексные исследования в контексте историко-культурного взаимодействия”)», «Общество знаний: партнерство культуры, науки и образования для инновационного развития: материалы конгресса (Москва, 6–7 декабря 2005 г.)», «К каким альянсам ведет “цивилизованный развод”: Рациональное и иррациональное в российской политике в СНГ: Материалы круглого стола, посвященного 15-летию образования СНГ», «Интеграционные евразийские процессы в науке, образовании и производстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции», «СНГ: интеграционные процессы в образовании» В.А. Мясникова и др.

Еще одно важное направление в исследованиях российских авторов – место и роль евроинтеграции в процессах интеграции на постсоветском пространстве. Среди наиболее значимых работ, посвященных данному вопросу, можно выделить такие монографии и коллективные труды: «Европейский союз на постсоветском пространстве: право, интеграция, геополитика» П.А. Калиниченко и К.И. Трубачевой, «Россия и Украина в общеевропейском пространстве: возможности и пределы интеграционного взаимодействия», «Интеграционное право: опыт Европы для постсоветского пространства», «ЕврАзЭС и интеграционный опыт ЕС / Eurasian economic community and EU integration experience», «Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества», «Регионализация и глобализация: общественные процессы в России и на Европейском Севере в XX–XXI вв.», «Россия и СНГ в новейших европейских интеграционных процессах = Russia and CIS in Recent European Integration Processes» и др.²⁰

После распада СССР существенно возрос интерес западных исследователей к изучению постсоветского пространства. Среди фундаментальных работ западных авторов, посвященных изучению постсоветского пространства, особо следует отметить работы М. Олкотт, А. Коэна, Г. Фуллера, Ф. Стара, З. Бжезинского и других²¹. В центре внимания – вопросы энергетической безопасности ведущих индустриально развитых стран Запада. Все формы интеграции на постсоветском пространстве рассматриваются этими авторами как инструмент давления России на своих соседей, стремление сохранить контроль над бывшими союзными республиками.

Вкратце характеризуя современное осмысление состояния постсоветской интеграции в трудах современных российских ученых, можно выделить ряд наиболее характерных черт, присущих исследованиям по рассматриваемой проблематике.

В большинстве работ затрагивается вопрос о причинах возникновения и сущности существования самой первой интеграционной организации на постсоветском пространстве – СНГ. Применительно к данному вопросу мы по-прежнему, несмотря на достаточно большое время, прошедшее с момента основания данной организации, имеем две полярные точки зрения, причем в последние годы одна из них безоговорочно превалирует: СНГ – это форма «цивилизованного развода»²².

Общие для большинства работ замечания о неэффективности СНГ противопоставляются перспективности ряда более молодых интеграционных объединений, таких как ЕврАзЭС и Таможенный союз. Более перспективными по сравнению с СНГ выглядят в глазах современных исследователей пока еще не реализованные (только набирающие обороты) проекты – Единое экономическое пространство или Евразийский союз.

Многим представляется, что рост влияния региональной политики на мировые процессы способствует превращению регионов в центры притяжения и центры силы²³. И необходимо рассматривать нарождающийся Евразийский союз как новую интеграционную форму регионального сотрудничества, соответствующую основным тенденциям развития глобального мира. Существует возможность объединить концептуальные положения политики европейского соседства и азиатской политики открытого регионализма, итогом чего является теоретическое синтезирование европейского и азиатского опыта интеграции – концепция евразийского соседства как теоретического подхода к решению проблемы стагнирующей дезинтеграции постсоветского пространства. Неоевразийская интеграция представляет собой качественно новую форму взаимодействия в рамках глобального региона Евразия. На данный момент классические концепции интеграции все менее соответствуют новым реалиям и трендам глобальной регионализации. Евразийское интеграционное пространство рассматривается как имманентно организованная многовекторная интеграция, что подчеркивает ее вариативность и многообразие возможных форм интеграции.

В отечественной историографии отсутствует единая система оценки того, какие организации и по какому принципу должны относиться к интеграционным, а какие нет. Так, наиболее явственно

плюрализм мнений по данному вопросу можно наблюдать при анализе таких военно-политических (или преимущественно военно-политических) организаций, как Шанхайская организация сотрудничества и Организация договора о коллективной безопасности. Некоторые исследователи утверждают, что военно-политические организации и блоки вообще нельзя относить к интеграционным, хотя военно-техническое и военно-политическое сотрудничество вносит свой вклад в развитие интеграционных процессов. По мнению некоторых, сотрудничество в рамках таких организаций, как ШОС и ОДКБ, «формально не является интеграцией, но они непосредственно влияют на интеграционные процессы»²⁴.

Ряд исследователей употребляют термин «военно-политическая интеграция», отмечая, что для нее «характерны близость или совпадение интересов государств в оборонительной области»²⁵. Данные авторы исходят из так называемого расширительного толкования сферы безопасности, при котором «в эту сферу включают различные общественные и индивидуальные потребности, так что любые жизненно важные проявления, связанные с оптимальным функционированием личности, государства, социума, в той или иной мере объекты обеспечения безопасности». Нередко отмечается, что интеграция в СНГ проходит в напряженной геополитической обстановке, что создает потребность в совершенствовании интеграционных процессов в военной сфере, создании эффективной модели коллективной безопасности. В связи с этим ряд ученых считает, что позитивный сдвиг в плане интеграции может произойти именно в сфере военно-технического сотрудничества на почве общей внешней угрозы²⁶.

Отмечается, что только благодаря достижению политического доверия и расширения экономических связей между странами СНГ возможно улучшение и развитие направлений, форм их взаимодействия в области военного сотрудничества. При этом военно-политическое сотрудничество России с государствами – членами СНГ является мощным фактором укрепления бывшими советскими республиками своей обороноспособности и своего международного авторитета. Несмотря на сохранение противоречий внутри СНГ, создание и развитие коллективной системы обеспечения их безопасности являются необходимостью в условиях существования современных вызовов и угроз национальным интересам постсоветских государств. Следовательно, эффективное взаимодействие в военной сфере необходимо для всех государств СНГ.

Как считает А.В. Чаевич, в СНГ существуют реальные предпосылки для повышения действенности региональной интеграции.

Главное, чего не хватает на данном этапе странам Содружества, это твердой и где-то даже жесткой политической воли, способности политических элит по-новому взглянуть на взаимодействие стран СНГ, стремления к компромиссам и уступкам в малом, для того чтобы достигнуть главного. Развитие же военного сотрудничества на постсоветском пространстве без участия Российской Федерации малоэффективно, так как оно не позволит обеспечить защиту национальных интересов бывших советских республик и их становление как равноправных участников системы международных отношений.

При разработке модели коллективной безопасности странам Содружества необходимо учитывать: наличие существующих и потенциальных угроз в этом регионе; реальное состояние сил и средств, обеспечивающих их безопасность; тенденции развития мировых процессов и перспективы интеграционных отношений между странами Содружества²⁷.

Необходимо отметить, что общепризнанный терминологический аппарат по интересующей нас проблематике в настоящее время отсутствует. Так, понятие «регионализация» употребляется в разных смыслах и контекстах. Иногда данный термин противопоставляется термину «интеграция», иногда несет в себе смысловую нагрузку как понятия «интеграция» (в региональном масштабе), так и понятия «дезинтеграция». Иногда исследователи определяют регионализацию как процесс, выражающийся в различных формах экономической интеграции, способствующей соединению экономических потенциалов государств для повышения эффективности их развития и противостояния вызовам глобализации²⁸.

Важным вопросом в историографии постсоветской интеграции является соотношение двух процессов – интеграции и регионализации в этом субрегионе. По мнению большинства исследователей, на территории бывшего СССР до сегодняшнего дня несформированность структуры региональной системы и наличие центробежных тенденций тормозят интеграцию.

В качестве наиболее частых и значимых, с точки зрения российских исследователей, причин неудач тех или иных интеграционных проектов называются либо неразвитость политико-правовых систем государств постсоветского пространства, либо элементы авторитарности постсоветских режимов, вступающие в противоречие с принципами рыночной экономики, либо отсутствие необходимых для развития интеграционного процесса экономических условий (слишком слабые экономики), либо управленческие

ошибки руководства государств-участников, либо, наконец, и то и другое вместе взятые.

Нередко отмечается, что на рубеже 2000-х годов ни экономически, ни политически регион СНГ не готов к реальному экономическому интегрированию на рыночной основе. Констатируется, что в постсоветских странах-участницах интеграционных процессов отсутствует политико-правовая зрелость, что обусловлено спецификой исторического развития региона. Некоторыми учеными высказывается мнение, что «в политическом плане ситуация ужасна: слабые демократии в России и Украине, просвещенный авторитаризм Беларуси и Казахстана, трайбализм Кыргызстана и т. д.»²⁹

Для отечественной историографии характерно отсутствие единых критериев оценки эффективности интеграционных процессов, а также тех выгод, которые страны должны получить от интеграции. Чаще всего в качестве эталона для оценки успешности того или иного интеграционного проекта, равно как и для анализа необходимых для интеграции предпосылок и условий, берется Европейский союз и его более чем полувековой опыт. Большинство исследователей, ориентируясь на опыт ЕС, считают, что главными признаками эффективности интеграционных процессов являются формирование развитой системы наднациональных органов как экономического, так и политического характера, формирование единого экономического, валютного пространства и т. д.

Однако существуют и другие оценки эффективности интеграции: прежде всего, с точки зрения внешнеполитических (геополитических) интересов отдельно взятой страны – России. Следует, тем не менее, заметить, что в подобных случаях, как правило, отсутствует комплексный подход к исследованию собственно интеграции как явления, нередко упускаются из виду интересы других участников, в результате чего возникает упрощенная картина и недопонимание значения системных (прежде всего экономических) факторов, оказывающих влияние на характер и формы процессов на постсоветском пространстве.

В российской историографии (здесь отечественные специалисты сходятся в едином мнении) традиционно считается, что важнейшим элементом интеграции является регулирование этого процесса на государственном и межгосударственном уровнях. При этом подавляющее большинство работ отечественных исследователей анализируют интеграционные процессы прежде всего с точки зрения их стимулирования/поддержки/регулирования/отрицания теми или иными государствами.

В некоторых трудах делается попытка анализа взаимовлияния интеграции и интересов самого бизнеса, хотя выводы авторов, как правило, заключаются в слабости бизнеса с точки зрения возможностей определять характер экономической интеграции стран СНГ. Вместе с тем констатируется, что корпоративная интеграция в некоторых случаях – действенный рычаг углубления интеграционного регионального сотрудничества в СНГ, поскольку корпоративные структуры, используя свои лоббистские возможности, способствуют ускорению ряда интеграционных проектов, что особенно важно в условиях сохраняющейся авторитарности в ряде стран СНГ, усиления протекционизма в отношении основных ресурсов.

Исследователи периодически обращаются и к другим факторам, влияющим на интеграцию, таким как средства массовой информации и др. По мнению многих исследователей, как и практически всех экспертов, современные средства массовой информации могут в позитивном или негативном ключе воздействовать на образ интеграции, формировать соответствующим образом общественное мнение.

Для отечественной историографии характерно в целом восприятие России как естественного ядра постсоветской интеграции. Однако исследователи видят много препятствий на пути к реализации этой доминирующей в нашей стране идеи. Отмечается, в частности, что 2004 г. не в последнюю очередь по причине цветных революций на пространстве бывшего СССР стал рубежным для формирования новой стратегии России в отношении интеграции. Если в 1990-е годы интеграционные инициативы были не подкреплены реальными действиями, а идея экономического союза СНГ провалилась, то в последние годы ситуация меняется. В новых условиях центрально-периферийная концепция отношений между Россией и сопредельными государствами не имеет будущего³⁰.

Ю.В. Шишков доказывает, что реально интегрироваться могут лишь страны высокоразвитые, индустриальные или постиндустриальные, с широким ассортиментом производимых товаров и услуг. Аграрно-индустриальные страны, национальное богатство и доход которых составляют топливо, минеральное сырье либо продовольствие, являются соперниками, борющимися за рынки сбыта. Они слабо дополняют друг друга и, скорее, взаимно отгораживаются торговыми барьерами.

Другим условием успешной интеграции, отсутствующим в странах постсоветского пространства, является высокий уровень политической организации, т. е. наличие гражданского общества,

плюрализма, сбалансированности между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти. По причине того что большинство стран СНГ не достигло необходимого уровня «интеграционной зрелости» в технико-экономическом, политическом и культурном развитии, на постсоветском пространстве отсутствуют условия для создания и функционирования успешных интеграционных проектов. В силу этого торгово-экономические связи данных стран переориентируются на дальнейшее зарубежье, что все больше размывает почву для их сближения. Элиты бывших союзных республик в отличие от демократических государств Европы руководствуются не интересами населения, а своекорыстными интересами, что также препятствует интеграции.

Автор книги «Post-Imperium: евразийская история» Д. Тренин задается вопросом, может ли наша страна выступать центром притяжения для стран постсоветского пространства? Находят ли наши ближайшие партнеры и союзники привлекательным тот образ, с которым ассоциируется политика Кремля в ближнем и дальнем зарубежье? Автор «Post-Imperium» исполнен скепсиса по поводу адекватности интеграционных инициатив Москвы как в старом, так и в новом прочтении начала 2010-х годов. При этом он не отрицает потенциальную значимость реализации интеграционных проектов с участием России, но с иным целеполаганием и ясным осознанием пределов собственных возможностей. Для Д. Тренина «естественная» интеграция России – это прежде всего движение на Запад. Вероятно, именно такая расстановка приоритетов, своего рода «евроцентризм» исследователя вызовет чувство легкого раздражения у специалистов по странам бывшего Советского Союза. «Широкие мазки», которыми автор рисует картину отношений Москвы со странами СНГ и Балтии, дают общее представление о процессах, происходящих в Центральной Азии, на Южном Кавказе, в Украине и Белоруссии, о сложном, специфичном отношении элит новых независимых государств к российской политике³¹.

С другой стороны, большинство авторов, среди которых такие известные специалисты, как А.Н. Быков, высказывают сдержанный оптимизм по поводу перспектив интеграционных проектов бывших союзных республик под руководством России. А.Н. Быков особо подчеркивает необходимость развития евразийского проекта для России в связи с перемещением центра мирового экономического развития в Китай.

Характерно, что при анализе региональной интеграции на примере Союзного государства исследователи противопоставляют ее более глобальным интеграционным проектам. Это отчасти верно,

ибо интеграция меньшего числа субъектов, как правило, скорее достижима, чем в случае, если интегрируется их значительное число. С другой стороны, следует учитывать такие факторы, как разница потенциалов экономик, разница экономического уклада, политический фактор, которые зачастую уходят из поля зрения исследователей.

Наконец, российская историография уделяет заметное внимание анализу влияния внешних сил на ход и перспективы постсоветской интеграции, и здесь также налицо различные, часто полярные мнения. Более или менее общая позиция характерна для оценки влияния США, которые определяются чаще всего как противник интеграции с активным участием и вокруг России. Так, А.Н. Быков пишет, что «США стремятся любыми путями воспрепятствовать восстановлению единства государств СНГ с Россией»³². В то же время оценки роли Евросоюза разнятся. Ю.В. Шишков отмечает, что «переориентация на ЕС, Турцию или даже Китай может достичь критической массы, когда возвращение “под крыло” России будет бессмысленным»³³. Однако некоторые исследователи считают, что «отношения между ЕС и странами ЕврАзЭС имеют глубокую перспективу, характер и динамика их развития предопределят становление единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока в XXI веке»³⁴.

Вопросы интеграционных процессов затрагиваются и в учебной литературе по истории России, рекомендованной Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебных пособий для студентов высших учебных заведений³⁵. В последние годы вышел также ряд пособий, затрагивающих экономические и правовые аспекты интеграции на постсоветском пространстве³⁶.

Подводя краткие итоги анализа историографической базы по проблемам развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, следует отметить, что, несмотря на наличие значительного количества работ по данной проблематике, эти вопросы еще ждут глубокого и комплексного исторического анализа. Часто проводятся достаточно подробные, но нередко «одномерные» исследования политических факторов постсоветской интеграции: либо «изнутри», с точки зрения правящих элит, либо «извне». При этом преобладает изучение социально-экономических и правовых вопросов интеграции с акцентом на выявление количественных показателей (объема товарооборота, миграционных потоков и т. п.). Перед российской историко-политологической наукой по-прежнему стоит задача системного историографического исследования всех векторов развития постсоветской интеграции.

- ¹ *Шеленкова Н.Б.* Европейская интеграция: политика и право. М.: НИМП, 2003. 340 с.; *Шемятенков В.Г.* Европейская интеграция. М.: Международные отношения, 2003. 400 с.; *Этциони А.* От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. 384 с.; *Казаринова Д.Б.* Европейская интеграция: политико-институциональное и социокультурное измерения. М.: РТВ-медиа, 2006. 160 с.; *Чубарьян А.О.* Российский европеизм. М.: Олма-Пресс, 2006. 415 с.
- ² *Васильева Н.А.* Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2012. С. 7.
- ³ *Бордюгов Г., Гобл П.* Межнациональные отношения в России и СНГ // Семинар московского Центра Карнеги. Вып. 2: Доклады 1994–1995 гг. М.: АИРО-XX, 1995. 223 с.; *Ильинский И.М.* Куда идти России. М.: Голос, 1995. 128 с.; *Блищенко И.П.* Международно-правовые проблемы государств, входящих в СНГ // Московский журнал международного права. 1997. № 1; *Дугин А.В.* Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. 608 с.; *Ильин М.В.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 82–94; *Панарин А.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. 320 с.; *Он же.* Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-пресс, 2002. 416 с.; *Он же.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.; *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику. М.: Логос, 2003. 336 с.; *Замятин Д.Н.* Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Полис. 1998. № 6. С. 80–92; *Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Academia-Наука, 1999. 724 с.; *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарика, 2002. 590 с.; *Королев А.А., Мосяков А.И.* Процессы глобализации: есть ли плюсы для России? // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 72–86; *Журавлев В.В.* Глобализация: вызовы истории и ответы теории // Там же. С. 43–46; *Лебедева М.М.* Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2004. 365 с.; *Федотова В.Г.* Меняющийся мир и глобализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 47–58; *Ивашов Л.Г., Кефели И.Ф.* О доктрине геополитической безопасности России // Обозреватель. 2004. № 5 (172). С. 39–46; *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2009. 280 с.; *Он же.* Однажды Россия потеряет свой Восток // Независимая газета. 2005. 23 июля; *Соловьев А.В., Чаевич А.В.* Глобализация, интеграция и национальная безопасность Российской Федерации // Вестник Московского ун-та. 2005. № 5. С. 25–37; *Караганов С.А.* Спешить не НАТО // Российская газета. 2006. 29 марта. *Он же.* Россия – США: Обратно к мирному сосуществованию? // Там же. 24 марта; *Густов В.А., Манько В.Х.* Россия – СНГ:

сотрудничество во имя развития и прогресса. СПб.; М.: АВОК-Северо-Запад, 2007. 222 с.; *Быков А.Н.* Постсоветское пространство. Стратегии интеграции и новые вызовы глобализации. СПб.: Алетейя, 2009. 192 с.

- 4 *Шишков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: III тысячелетие, 2001. 478 с.; *Барановский В.Г.* Политическая интеграция в Западной Европе: Некоторые вопросы теории и практики. М.: Наука, 1983, 158 с.; *Он же.* Западная Европа: военно-политическая интеграция. М.: Международные отношения, 1988. 194 с.; *Журавская Е.Г.* Региональная интеграция в развивающемся мире: немарксистские теории и реальность. М.: Наука, 1990. 150 с.; *Абдулатипов Р.Г.* Россия: национальное возрождение и межнациональное сотрудничество // Регионоведение. 1994. № 2–3. С. 8–48; *Иванов В.Н.* Россия: обретение будущего. М.: ИСПИ РАН, 1996. 84 с.; *Манилов В.Л.* Угрозы национальной безопасности России // Военная мысль. 1996. № 1. С. 7–17; *Он же.* Безопасность в эпоху партнерства. М.: ТЕРРА, 1999. 263 с.; *Прохожев А.А.* Национальная безопасность: основы, теория, сущность, проблемы. М.: РАГС, 1996. 48 с.; *Осинов Г.В.* Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. 205 с.; *Бабурин С.Н.* Территория государств: правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1997. 480 с.; *Серебрянников В.В.* Войны России. М.: Научный мир, 1998. 398 с.; *Золотарев В.А.* Военная безопасность Отечества. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1998. 462 с.; *Шумский Н.Н.* Интеграция в Содружестве Независимых Государств: проблемы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 1. С. 72–82; *Яновский Р.Г.* Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Академия, 1999. 358 с.; *Стрежнева М.В.* ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 210 с.; *Она же.* Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 1 (7). Янв.–апр. С. 25–37; *Арин О.А.* Россия на обочине мира. М.: Линор, 1999. 292 с.; *Шатино Н.Г.* Интеграция стран СНГ: политический и экономико-теоретический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7. С. 203–215; *Астапов К.Л.* Проблемы экономической интеграции России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // Внешняя торговля. 2001. № 2–3. С. 36–40; *Шувалов Е.Н.* Конституционные основы интеграционных процессов Российской Федерации и стран – членов СНГ в таможенной сфере: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; *Чиналиев В.У.* Актуальные проблемы участия стран СНГ в экономических организациях и интеграционных объединениях. Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001; *Егозарьян В.В.* Военно-политическое сотрудничество России и стран СНГ как фактор интеграции: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. 171 с.; *Скурко Е.В.* Глобальная и региональная торгово-экономическая интеграция. М.: Юридический центр пресс, 2003. 297 с.; *Шемятенков В.Г.* Европейская интеграция. М.: Международные отношения,

2003. 400 с.; *Кузьмин С.* Перспективы России в развитии современных мирохозяйственных тенденций // *Экономист*. 2002. № 1. С. 14–25; *Лихачев А.Н.* Экономическая дипломатия России. Новые вызовы и возможности в условиях глобализации. М.: Экономика, 2006. 461 с.
- 5 *Авакьян С.А.* Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о создании Союзного государства: конституционно-правовой аспект // *Вестник Моск. ун-та*. 2001. № 1. Серия 11. Право. С. 3–15; *Вишняков В.Г.* О соотношении норм международного и конституционного права (на примере Белоруссии и России) // *Журнал российского права*. 2002. № 9. С. 10–21; *Михалева Н.А.* Правовые проблемы создания Союзного государства России и Беларуси // *Государство и право*. 2002. № 6.
- 6 *Густов В.А., Пустогаров В.* Содружество в ракурсе международного права // *Международная жизнь*. 1992. № 8. С. 23; *Аваков Р.М., Малышева Д.Б.* Россия и новые развивающиеся государства. М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1993. 47 с.; *Моисеев Н.Г.* Правовой статус Содружества Независимых Государств. М.: Юристъ, 1995. 331 с.; *Пирожков С.И. и др.* Россия – Украина: проблемы экономического взаимодействия. Киев: НИУРО, 2000. 88 с.; *Ржевский В.А.* О юридической природе форм нового Содружества Независимых Государств // *Государство и право*. 1992. № 6. С. 27–38; *Иванов И.С.* Внешняя политика России в эпоху глобализации: Статьи и выступления. М.: МГИМО (У) МИД РФ; РОССПЭН, 2002. 415 с.; *Он же.* Хозяйственные интересы России и ее экономическая дипломатия. М.: МГИМО (У) МИД РФ; РОССПЭН, 2001. 409 с.; *Манько В.К.* Россия – СНГ: путь интеграции тернист, но заманчив. СПб.: СПбГУ, 2002. 222 с.; *Звягельская И.Д., Макаров Д.В.* Восприятие Россией политики Запада в Центральной Азии // *Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России* / Под ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. М.: Логос, 2003. С. 103–127; *Пастухов Б.* СНГ, пересекающиеся множества // *Международная жизнь*. 2004. № 1. С. 35; *Караганов С.* XXI век: контуры миропорядка (Россия в глобальной политике. 2005. № 5) [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_5757 (дата обращения: 11.07.2013); *Дмитриев А.* СНГ – ГУУАМ: перелом постсоветского пространства // *Стратегический журнал*. 2005. № 1. С. 54–58; *Елисеев А.* Избавление от СНГ // Там же. С. 49–56; *Малашенко А.В.* Тупики интеграции в Центральной Азии // *Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии*. Бишкек, 2007. С. 16–21; *Бондарец Л.М.* Военно-политический аспект интеграции в Центральной Азии // Там же. С. 123.
- 7 Реинтеграция и интеграция братских народов постсоветских республик – историческая необходимость современности. М.: Канон+, 2013. 599 с.; *Васильева Н.А.* Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб.: СПбГУ, 2012. 424 с.; *Винокуров Е.Ю.* Евразийская континентальная интеграция. СПб.: Евразийский

- банк развития, 2012. 224 с.; «...И время собирать камни...»: евразийская интеграция сегодня: 20 лет после распада СССР. М., 2012; Евразийская интеграция в XXI веке. М.: Книжный мир, 2012. 256 с.; *Халевинская Е.Д.* Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве. М.: Инфра-М, 2012. 200 с.; *Быков А.Н.* Постсоветское пространство...; Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: проблемы и тенденции их развития. М.: Ин-т экономики РАН, 2009. 327 с.; *Вардомский Л.Б.* Регионализация постсоветского пространства: факторы, особенности, тенденции: [науч. доклад]. М.: Ин-т экономики, 2008. 60 с.; Социально-экономические и политические процессы на постсоветском пространстве. Проблемы развития стран СНГ: Сб. М.: ЛКИ, 2008. 136 с.; *Косикова Л.С.* Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика. М.: Ин-т экономики РАН, 2008. 67 с.; Интеграция в Евразии: социологическое измерение: Сб. статей. М.: Ин-т экономических стратегий, 2008. 192 с.; *Пивовар Е.И.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции: исторический очерк. СПб.: Алетейя, 2008. 320 с.; *Хейфец Б.А., Либман А.М.* Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства. М.: ЛКИ, 2008. 162 с.; Евразийская интеграция в XXI веке / Ред. группа: А.А. Климов, В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. М.: ЛЕНАНД, 2012. 88 с.; *Черкасов Н.А.* Евразийская интеграция: проблемы и перспективы. СПб.: ГУЭФ, 2000. 36 с.; *Тощенко Ж.Т.* Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Этносоциол. очерки. М.: РГГУ, 1997. 214 с.
- 8 Трудовая миграция в ЕЭП: анализ экономического эффекта и институционально-правовых последствий ратификации соглашений в области трудовой миграции. СПб.: Евразийский банк развития, 2012. 56 с.; *Левыкина Т.С.* Проблемы интеграционного сотрудничества России на постсоветском пространстве в энергетической сфере. М.: МАКС Пресс, 2012. 24 с.; *Жихарев А.П.* Интеграция и государственное регулирование информационных ресурсов на региональном уровне. М.: ЕАОИ, 2008. 280 с.; *Зубарев Н.М.* Методология формирования промышленной политики регионов в условиях интеграционных преобразований. СПб.: РОСТ, 2006. 320 с.; *Чистилин Д.К.* Самоорганизация мировой экономики: евразийский аспект. М.: Экономика, 2004. 237 с.; *Быков А.Н.* Вызовы глобализации и перспективы евразийской интеграции: (вопросы внешнеэкономической стратегии России): [Науч. доклад]. М.: ИМЭПИ, 2004. 52 с.; *Урунов А.А.* Влияние интеграции на экономический рост (исследование экономики России и стран ЕврАзЭС). М.: Грааль, 2003. 247 с.; *Вахитов Д.Р.* Лизинг как фактор развития производственной интеграции стран ЕврАзЭС. СПб.: Рост НПФ Астерион, 2004. 158 с.; *Евстигнеев В.Р.* Валютная интеграция в постсоветском экономическом пространстве: актуален ли западноевропейский опыт? М.: Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН, 1995. 32 с.
- 9 ЕврАзЭС и интеграционный опыт ЕС = Eurasian Economic Community and EU integration experience / [Под ред. М.Г. Носова (отв. ред.) и др.]. М.: Ин-т Европы РАН, 2009. 192 с.

- ¹⁰ *Чуфрин Г.И.* Очерки евразийской интеграции. М.: Весь мир, 2013. 128 с.
- ¹¹ Трудовая миграция в ЕЭП: анализ экономического эффекта и институционально-правовых последствий ратификации соглашений в области трудовой миграции. СПб.: Евразийский банк развития, 2012. 52 с.
- ¹² *Хейфец Б.А., Либман А.М.* Указ. соч.
- ¹³ *Ржевский В.А.* Указ. соч. С. 34–37; *Пустогаров В.В.* Международно-правовой статус Содружества Независимых Государств // Государство и право. 1993. № 2. С. 27–36.; *Моисеев Е.Г.* Международно-правовые основы сотрудничества стран СНГ. М.: Юристъ, 1997. 272 с.; *Павленко Ф., Новицкий В.* Тенденции структурных изменений и промышленная политика в странах СНГ // Вопросы экономики. 1999. № 1. С. 103–124; *Ткаченко С.Л., Петерманн С.* Сотрудничество стран СНГ в военной сфере и фактор НАТО. СПб.: СПбГУ, 2002. 243 с.
- ¹⁴ *Лященко В.П.* Торговля оружием: мировая конъюнктура и конъюнктурный анализ. М.: Новый век, 2001. 168 с.; Торговля оружием: некоторые вопросы организации экономики. М.: Новый век, 2001. 128 с.; *Бадрак В.В.* Культ: Оружейный бизнес по-украински. Киев: Дифенс Экспресс Групп, 2004. 306 с.
- ¹⁵ *Иванченко А.Ю.* Международно-правовое положение воинских формирований и военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации, находящихся на территории государств – участников СНГ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 323 с.; *Архангельский А.В.* Международно-правовые основы обеспечения коллективной безопасности государств – членов СНГ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; *Гилимов С.К.* Правовые проблемы предотвращения и урегулирования конфликтов на территории стран – участников СНГ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 167 с.; *Никольский А., Кашин В.* ОДКБ равняется на НАТО // Ведомости. 2005. 1 дек.; *Глухова А.В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 280 с.
- ¹⁶ *Чаевич А.В.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации. М.: СПУТНИК+, 2005. 187 с.; *Николаенко В.Д.* Коллективная безопасность России и ее союзников: воен.-полит. интеграция на постсовет. пространстве. М.: Альба, 2003. 176 с.
- ¹⁷ *Богатуров А., Кожокин М., Плешаков К.* После империи: демократизм и державность во внешней политике России. М.: Российский научный фонд, 1992. 55 с.; *Богатуров А.Д.* Национальное и наднациональное в российской политике // Международная жизнь. 1995. № 8. С. 68–79; *Тиммерман Х.* Процессы дезинтеграции и реорганизации СНГ // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12. С. 41–46; *Пастухова Н.Б.* Союз России и Белоруссии. История, настоящее, перспективы. М.: Книга и бизнес, 2000. 117 с.; *Годин Ю.Ф.* Россия и Белоруссия на пути к единению: Проблемы экономической безопасности Союзного государства. М.: Международные отношения, 2001. 303 с.;

- Валовая Т.* Постсоветское пространство в эпоху прагматизма // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 2. С. 158–171; *Либман М.* Постсоветская интеграция: итоги и перспективы // Свободная мысль – XXI. 2006. № 1. С. 60–70; *Федулова Н.* Россия – СНГ: время собирать камни // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 1. С. 104–111.
- 18 *Россия – Украина: гуманитарные и экономические основы стратегического партнерства. Шаги к модернизационному альянсу?* М.: РИСИ, 2012. 155 с.; *Мироненко В.И.* Политическое влияние России в Украине (1991–2011 гг.). М.: Рус. сувенир, 2011. 193 с.
- 19 *Калишеченко П.А., Трубачева К.И.* Европейский союз на постсоветском пространстве: право, интеграция, геополитика. М.: РосНОУ, 2012. 208 с.; *Интеграционное право: опыт Европы для постсоветского пространства: междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23 декабря 2010 г.).* М.: РосНОУ, 2011. 288 с.
- 20 *Регионализация и глобализация: общественные процессы в России и на Европейском Севере в XX–XXI веках: Сб. науч. статей.* Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2007. 396 с.
- 21 *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и ее геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1999. 256 с.; *Коэн А.* США, страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2. С. 30–39; *Олкотт М.Б.* 12 мифов о Центральной Азии // Казахстан и мировое сообщество. 1995. № 3. С. 125–144; *Fuller G.* Central Asia: the New Geopolitics. Santa Monica: Rand Corporation, 1992. 550 p.; *Olcott M.B.* Central Asia's New States. Washington: United States Institute of Peace Press, 1996. 339 p.; *Bauman Z.* Europe. An Unfinished Adventure. Cambridge: Polity Press, 2004, 152 p.
- 22 В частности, именно это констатировали участники нескольких круглых столов, посвященных интеграции на постсоветском пространстве, в Институте экономики РАН, например: К каким альянсам ведет «цивилизованный развод»: Рациональное и иррациональное в российской политике в СНГ: Матлы круглого стола, посвященного 15-летию образования СНГ / Отв. ред. Б.А. Хейфец. М.: Ин-т экономики РАН, 2007. 250 с.
- 23 *Васильева Н.А.* Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 7.
- 24 *Халевинская Е.Д.* Указ. соч. С. 8.
- 25 *Чаевич А.В.* Указ. соч. С. 17–18.
- 26 *Шишков Ю.В.* Указ. соч. С. 419.
- 27 *Чаевич А.В.* Указ. соч. С. 25–65.
- 28 *Быков А.Н.* Геополитические аспекты евразийской интеграции. М.: ИЭ РАН, 2012. С. 9.
- 29 *Шишков Ю.В.* Указ. соч. С. 419.
- 30 *Косикова Л.С.* Указ. соч. С. 29.

- ³¹ *Тренин Д.* Post-Imperium: евразийская история. М.: РОССПЭН, 2012. 329 с.
- ³² *Быков А.Н.* Геополитические аспекты евразийской интеграции... С. 14–15.
- ³³ *Шишков Ю.В.* Указ. соч. С. 453.
- ³⁴ *Калиниченко П.А., Трубачева К.И.* Указ. соч. С. 194.
- ³⁵ История России: Учебник / А.А. Чернобаев, И.Е. Горелов, М.Н. Зуев и др. М.: Высшая школа, 2001. 479 с.; *Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С.* История международных отношений и внешней политики России. 1648–2005. М.: Аспект Пресс, 2006. 339 с.
- ³⁶ См., к примеру: *Барковский А.Н.* Модели внешнеэкономических связей стран СНГ и их влияние на интеграционные процессы в Содружестве: Учеб. пособие. М.: Финансовая академия, 2003. 92 с.

O. Pavlenko

RUSSIA'S MISSION IN THE WORLD: THE GEOPOLITICAL DEBATES

The author analyses the main geopolitical concepts of Russian politicians, scholars, and experts in 1990–2000s concerning the role of Russia in the Post-Cold War World.

Key words: geopolitics, national identity, zapadniks, antizapadniks, pochvenniks, evraziystvo.

For nearly twenty years debates about Russian/post-Soviet identity have been conducted by different groups in society and have focused on the constant “Russian questions”: What are Russia and the “Russian world”? Where are its imagined borders? What does the “virtual national sphere” include? What are the foundations of the Russian polity? What role should Russia play in world affairs and what is its place in the hierarchy of global powers? Who are its allies and foes? Is Russia a “superpower”? What are the resources and the potential of Russia’s international influence? The list of such questions is almost endless.

The discussions held by different circles of politicians, academics and experts reveal a diversity of views and conceptions. Still, it is the Soviet geopolitical experience that holds back Russian intellectual efforts. It is not surprising that, while constructing vertical and horizontal hierarchies of the modern global order, the Russian authors proceed from the extremely exaggerated thesis that “Russia is a world power”. Yet they often avoid applying functional analysis of its resources and capabilities. This leads to a dominance of state-centric patterns of describing and forecasting international processes.

It is worth noting that due to its history, territory, geopolitical location and nuclear status, Russia does possess significant status in the

world. But its degree of influence on the international agenda varies in each and every case. Undoubtedly, the Kremlin has been “magically” influencing Russian intellectuals, who have sensibly responded to shifts in the power paradigms. This basic factor has defined the substance of descriptive patterns in Russian foreign policy. Quite often foreign policy expertise has been reduced to mere commentary rather than a constructively critical dialogue between analytical think-tanks and the authorities.

The period of “acquiring the past” was characterized not only by the traditional bias of Russian intellectuals toward state-centric matters but also by the widespread “fashion” of inventing geopolitical theories¹. An “ideological pattern of negation” plays a no less important role in the post-Soviet construction of collective identity, having become the most important element of the power projects which started every new cycle of Soviet history.

Over the course of the USSR’s existence, official Communist discourse remained stable, despite changes of policy and cabinet reshuffles within the supreme leadership. The result was a paradoxical effect: each time the new party in power had to start from the beginning again. The political discourse was reformulated on the basis of efforts to discredit previous policies and historical experience. The only thing that remained unchanged was the primacy of Communism and general perceptions about it as the highest phase of the Soviet political process.

The Bolsheviks rejected Russia’s imperial past and advanced the watchword of Communism. In Joseph Stalin’s era, the real history of the revolutionary movement and the October Revolution were condemned to oblivion. The older Bolsheviks, Lenin’s compatriots, were eliminated, and Leon Trotsky’s role in the formation of the Red Army and the victory of the Communist Party were forgotten. In its place, a cult was created of Joseph Stalin as the leader of nations and as the most “genuine and loyal of Lenin’s disciples”. Forcible collectivization, industrialization and the Cultural Revolution unfolded in the name of a “forthcoming Communism”.

After his death, the cult of Stalin as a “great fighter for Communism” was overturned in the turbulent decade of Nikita Khrushchev. Anti-Stalinism became the major characteristic of the Soviet 1960s. It was important for Khrushchev to persuade the country that he was returning the party and the Soviet state to its origins – i. e., to Lenin – thus purifying it from authoritarian Stalinism². Never before had the personality of Lenin received such a large-scale cult mythologization as it did in the late 1950s and early 1960s. Lenin’s image became a sacred symbol, the oracle of official ideology. The October Revolution and the

Civil War (without Trotsky and almost entirely without Stalin) became the basic mythologems of Soviet statehood³.

All of that, as Khrushchev assumed, should have been sufficient for ousting the cult of Stalin from public consciousness. And it should have provided Soviet citizens with new perspectives. Yet while the effect of mobilization was strong, it did not last long. By the second half of the 1960s, when Khrushchev was deposed from his party, the new leadership under Leonid Brezhnev accused Khrushchev of voluntarism, authoritarian methods of governing and of violating the same “principles of Lenin”.

When *perestroika* was launched by M. Gorbachev, Brezhnev’s “policy of stagnation” was subjected to criticism. At the end of the 1980s and beginning of the 1990s, Boris Yeltzin and his supporters created the post-Soviet ideological system, in turn accusing Gorbachev of artificially controlling democratic processes. In the 2000s a new discriminatory image had emerged of the “evil, criminal 1990s”.

All these “negations” in the Soviet – and then in the post-Soviet – system resulted in a vicious circle, the objective of which was to develop tactics of holding power at any price instead of strategies for modernizing the state system and substantively changing Soviet – or post-Soviet – society. Extraordinarily hierarchical in its structure and communicative practices, Soviet ideology maintained the “Communist” myth unchanged, notwithstanding the transformations which had taken place. The sense of the state and party processes in the USSR needed to be specified – who were we, where were we going, what principles were guiding us? The stability of the system and capacity for mobilization depended on a scheme that was clear and understandable. The illusions and hopes of the public depended on it – another reason why those in power, starting a new cycle each time, attempted to inspire people by discrediting the past.

Historians, philologists and culture scientists are now showing greater interest in deciphering the Soviet party texts and the complex system of the “Soviet political language”. For without such analysis, it is impossible to understand both the codes of official Soviet discourse and contemporary post-Soviet rhetoric. Surprisingly, traditional Soviet symbols and perceptions have been continually reiterated, albeit disguised by external nominalization⁴. There is no overstating the prevalence of geopolitical concepts of “vital space” and “world/regional leadership”, or of the idea of centralized, individualistic power.

This vast country with a large population originally had two assets: territory and rich mineral resources. Yet it also suffered from a one-sided resource economy, an outdated infrastructure, and underdeveloped

transportation and communication systems. After the collapse of the USSR, the former mobilization strategies that directed this complex space lost their meaning. Power as well as society needed new ideological constructs that could help unify the diverse regional entities within Russia's territory. But even the first experience of constructing a post-Soviet ideology demonstrated that visions of the "space" and "its historic territories" overshadowed other reasoning on the quality and dynamics of democratic development.

Vladimir Kolosov, a Russian scholar, explained the situation as exemplifying the post-Soviet mentality, thereby implying that the society needed a compensatory ideology. This gap would be filled by the works of the founders of German geopolitics, Haushofer and Ratzel. In the first half of the 1990s, their books were translated several times owing to the increased demand for such literature⁵.

This process commenced on the threshold of the 1980s and 1990s, and it acquired powerful momentum following the collapse of the U.S.S.R. The realization of Russia's geopolitical failure in the Cold War boosted the creation of various compensatory models which served to assign Russia the role of a full-blown and equal actor in international relations. The majority of experts, regardless of politics or methodologies, participated in establishing geopolitical models (A. Gadjiev, S. Kortunov, V. Tzimburski, A. Panarin, A. Dugin, K. Sorokin, and D. Trenin)⁶.

Marina Lebedeva, one of the leading Russian researchers of the world political process, also observes such a trend. In explaining the increased attention of Russian political scientists to state-centred world models, she points at what could be motivating it: 1) Russia's historical tendency toward a strong centralized state; and 2) the psychological reaction of post-Soviet society to weakened state power in the 1990s and the loss of global ("superpower") geopolitical status⁷.

Threatened by "loss of status", the Russian political class began to accept the theoretical heritage of German and Anglo-Saxon geopolitical schools of the early twentieth century. This led to the formation of entrenched myths of "heartland" and "global conspiracies" as well as perceptions that Russia was the key to global stability. Beginning in the early 1990s, discussions of Russia's role in the modern world were conducted in accordance with the traditional "comparative" pattern elaborated (as early as) in the middle of the nineteenth century. It included the ideas of two groups: "Westerners" ("*zapadniki*" as they are called in Russia) and "anti-Westerners" ("*antizapadniki*"). The most widespread group among the latter were "traditionalists" and "Russian communitarians" ("*pochvenniki*"). It seemed as if history were repeating itself. The debates were no less emotional than in the past but were now

accompanied by the “sweet aftertaste” of historiosophy. As in the nineteenth century, affective accounts prevailed over functional, pragmatic ones. A full range of combinations were constructed between these theoretical extremes.

The descriptive patterns and political analysis directly depended on the “ideological filters” in the minds of the researchers. At the absolute level, such filters controlled the selection of information and determined what kind of comments were made. Apart from the influence of individual and collective preferences, “self-censorship” took place in many cases. There are several models for systematizing the broad flows of ideas and approaches that are a part of the Russian research community.

One generalizing pattern was proposed by Ivan Tyulin, vice-rector of the Moscow State Institute of International Relations. He identified two main groups. The first consisted of the proponents of the “conservative approach” while the second included proponents of “liberal” views. A geopolitical paradigm was chosen as the criterion. The conservative approach (here Tyulin cites works by A. Dugin, L. Ivashov, S. Kortunov, A. Panarin and E. Pozdniakov) was based on the absolutization of the state-centrist model, of the school of political realism, and of the neo-Eurasianism also being elaborated at that time⁸.

The second group, representing a liberal approach (according to Tyulin), consisted of researchers who proceeded from the realization that Russia needed closer transatlantic cooperation in business, finance, information technology, communication, environment and security. (Examples cited here are V. Baranovski, A. Zagorski, V. Inozemtsev, V. Kulagin, M. Lebedeva, A. Melvil, A. Piontkovski, V. Sergeev, D. Trenin, E. Fyodorov and L. Shevtsova.) It was impossible to think of Russia in terms of a “superpower”. Rather, it became necessary to develop a strategic culture of searching for tools to adapt to globalization. These encompassed “comparative advantage” and strategies of competition with other countries as well as searching for the most advantageous place for Russia in this process. For the liberals, Russia should have joined the process of creating the new Europe, and it should have abandoned the tactics of political and ideological standoff between East and West, instead favouring the framework of a united European civilization⁹.

But Tyulin's prioritization of the intellectual environment made political rather than academic sense. It expressed the civic position of scholars in lieu of a research methodology. That is why geopolitics in Russia has not yet become a full-scale scholarly topic. A great number of texts and books on geopolitical issues have been produced. Departments and even an academy for geopolitical problems have been opened.

Yet there is still no totality of academic norms, principles and methods for developing professional competence. For geopolitical visions have been too deeply integrated in the historical matrix of collective consciousness, from the concept of “Moscow as a Third Rome” to public discussions of Slavophilism with Westernizers, Pan-Slavic constructs of a “Russian-Slavic world” and N.Y. Danilevski’s dichotomy of “Russia/West”. Geopolitical visions in the Russian intellectual tradition are closely connected with perceptions of the state and its territorial or resource imperatives as the main subjects of political action.

Social Studies of International Relations (2006), written by a father and his son – P.A. Tsygankov and A.P. Tsygankov – proposes another type of analysis. Their multi-level research presents a wide spectrum of Russian political thought. They undertake a detailed analysis of trends and identify various groups of authors and directions. In systematizing the views of modern liberals in Russia, the Tsygankovs identify three separate trends: “modernizers”, “national democrats” and “institutionalists”¹⁰. Among researchers, this analysis has attracted the most attention and (doubtless) sympathy. The book reveals not only consolidated positions but also deep differences surrounding the three key concepts of intellectual-political discourse: the world order, “sovereignty and the national interest” and “foreign policy directions”.

Indeed, the liberal (“Western-oriented”) approach shaped a system of analysis of Russian democracy in the second half of the 1980s that became especially popular in the first years following the collapse of the U.S.S.R. The liberal approach also designated this theory “democratic transit”; it prevailed in the first half of the 1990s as Western descriptive and conceptual patterns were being transmitted to the Russian political domain. To a certain extent, Russian researchers lacked their own definitions since there were only a small number to be found in the deficient methodological base of Marxism-Leninism.

Many theories and ideas of Anglo-American, German or French schools that had appeared belatedly in Russia were now regarded as the latest research. They were not always translated well. New concepts and models of world interaction were based upon such knowledge. But as the Russian academic A. Chubarian put it, a number of Russian scientific schools were appearing, enhanced by these new methods and interdisciplinary methodologies, at a time when freedom of creativity played a central role with new approaches emerging out of the multiple foreign concepts¹¹.

The geostrategic model of the Western approach was based on the perception that Russia belonged to the civilized West on account of its values and experience with modernization. Rapprochement with

the EU and the U.S.A., consensus with them about foreign affairs, development of business cooperation, and enhanced integration into the “superpowers’ club” (through applying for membership in NATO and/or the EU) – all these were thought to attract investment and modernize Russia’s economy. The protagonists of such Westernization created models for Russia’s integration into Atlantic civilization as well as for Westernization within the boundaries of the state (A. Yanov, A. Ahiezer). This blend of “liberal Western approaches” created a public illusion that Russia might be integrated as a full-blown partner into the league of leading countries.

In the late 1990s and early 2000s, Professor Alexander Ahiezer developed a sociocultural methodology for analysing Russian society. His interpretation applied C. Levi-Strauss’ methodology. He introduced the category of the “dual opposition” in order to reflect the historical duality of Russia. For Ahiezer, the dynamism in the country’s development could be explained by constant interaction of two paradigms – “constitutional-democratic” and “Slavophile-royalist”. This created a specific situation: an inherent sociocultural division of Russian society. Only by analysing the dynamics of these opposing paradigms – their mutual interpenetration and destruction – was it possible to understand the cycle of dominance of one or the other.

In Ahiezer’s works, which were unfortunately underestimated in Russia, conceptual categories were used for reflecting social reality (decision, the national catastrophe, archiving, etc.) and methodological ones for applying sociocultural analysis (dual opposition, ambiguity, measurement, interpretation, etc.)¹². Despite a certain speculative quality to his research and the absence of a large empirical base, I find that he managed to escape the methodological deadlock resulting from Russian intellectuals’ (extreme) enthusiasm for geopolitical imperatives. As an alternative, Ahiezer insisted on extrapolating cultural-scientific methods while introducing the categories of “culture” and “morality” into a broader social context. He was the main opponent of interpretations that were “Slavophilic” or nationalist. Yet he also clearly realized the necessity of overcoming the narrow limits of the opposing paradigms by admitting the inherent nature of their dualist interaction.

In the meantime, however, concepts created under the influence of geographic determinism became more popular. Intellectual foreign patterns became dominant in the middle of the 1990s. By that time the first attempts had been made to formulate a homegrown conceptualization of international relations in which researchers attempted to make use of traditional Russian political thought and archetypes of consciousness. Geopolitics functioned as an antipode in that historical moment – to the

political idealism of the Gorbachev era and to B. Yeltzin's first years in power. Indeed, the neo-Eurasianist paradigm had such enormous appeal in the second half of the 1990s that it became the first post-Soviet integration project after the collapse of the USSR. Even the official texts of the Russian Ministry of Foreign Affairs deployed the "civilizational" principle of neo-Eurasianism.

The second half of the 1990s was characterized by references to the historical experiences of the Russian diplomatic school, by reevaluations of Soviet diplomatic strategies and by a deep interest in its legacies. Both academic and public discourses revealed the growing significance of "Eurasian civilization" as well as "Russian civilization". This new "civilization" approach was integrated into the former geopolitical system of analysis. Personalities such as Duke A.M. Gorchakov, who had headed the Ministry of Foreign Affairs from 1853 to 1855 in the midst of the country's diplomatic isolation, became increasingly popular. The diplomatic strategy of "concentrating resources"¹³ that he had devised in the middle of the nineteenth century achieved rehabilitation after a one-and-a-half century hiatus.

Russia's integration into the system of international alliances not only gave it great power. Russia was constantly challenged with the task of finding an optimal balance between its international commitments, its own interests and the material resources that it should have been provided with. This gap between Russia's foreign policy strategy and its resource capabilities had triggered grave setbacks in the Crimean War (1853–1855) and later in the Russo-Japanese War (1904) and the First World War (1914–1918). Another analogy might be the way the Soviet Union was overextended in the arms race of the second half of the twentieth century, the consequences of which are well known. Modern Russian "multilateral" diplomacy was enhanced by a strategy of "political equilibrium" and by a concentration of efforts at domestic reform (as formulated by Gorchakov). It was quite normal to emphasize that Russia's objective was not to slow down the implementation of its foreign policy but to make it commensurate with the state's actual resources.

On the one hand, the neo-Eurasianist paradigm targeted the multilateral strategy of foreign policy. On the other hand, it presupposed balanced pragmatic policymaking. It involved piecemeal development, with the state first using its resource-based potential and then embarking on a complex modernization. There were no isolationist strategies in the domain of foreign policy. Freedom of action and pragmatic maneuvering between East and West were presupposed.

Only a narrow circle of experts shared the idea of moderation in the second half of the 1990s. In addition to the notion of explicit

loyalty to the West, Russian society was flooded with new views and interpretations of the "Russian national idea". Ideas of interaction and interdependency went into retreat. Geopolitical isolationism, imperial thinking and the syndrome of a weak, humiliated country could all be found in countless debates.

The themes and arguments shifted considerably in political and academic discourses. By that point, most of Russia's political class understood what a great responsibility the process of choosing the paradigm of state development could be. If earlier the debates mostly had a philosophical-theoretical significance, near the end of the century they were of immediate political importance. Discussions were held on the issues of Westernism, Eurasianism, anti-Westernism, and statism. Each of these trends created its own model of geostrategic choice. Authoritative academicians and politicians supported one or the other idea depending on historical traditions as well as methods of guiding and predicting foreign policy.

By then, the general conceptual pattern for Russian research had been established. Globalization had been described time and again in terms of geopolitical imperatives. The other methods of analysis were used indirectly and only in particular situations. The geopolitical approach had prevailed over the views of international *realpolitik*, creating a specific pattern that included different analyses and forecasts of Russia's role in the world.

The renaissance of "critical geopolitics" in the 1990s and early 2000s was a distinct feature in many nations. This fashionable trend was not unexpected in the academic and the expert communities because it originally corresponded to traditional ways of thinking in the Russian political class. In 1998 the academic L. Abalkin outlined the main features of Russian geopolitical thinking. For modelling the future of international relations, he identified three global scenarios:

- 1) a dominance of the U.S. "superpower" as the world leader;
- 2) a dominance of the world elite (the so-called "rich world"), strictly controlling the global markets by means of transnational companies and by political lobbies of the leading economies;
- 3) a multipolar world with six to eight regional groups in their zones of attraction and influence that could establish the interoperability and diversity of the civilizational areas¹⁴.

He considered the third scenario the best for Russia's future. But the development of global processes followed such an intricate and unpredictable path that in essence all three scenarios could be observed. At the same time, the Russian geopolitical tradition, no matter which models of world development had been created, was characterized by a

significant degree of attention to Russia's role and place. Whatever the geopolitical models were, as a rule they integrated three themes:

- 1) Russia's integration in the world economic and political system, guided by the pattern of basic actor/incorporated member/outsider;
- 2) the predictable stability of the domestic situation and economic growth;
- 3) Russia's capacity to ally with other countries and direct its foreign policy strategies.

While a "Western-oriented" geostrategic choice was aimed at achieving an international consensus with the U.S.A., the EU and NATO, anti-Westerners by contrast aimed to apologize for Russia's uniqueness and neo-imperial discourse. A central place was held by conspiracy theories claiming that the West sought the complete collapse of Russia and control over its natural resources. The sole meaning of self-defence would be to counteract any transatlantic policy. Such instinctive anti-Americanism and anti-Europeanism were essentially destructive. For did the country have the resources to repeat the Soviet experience of "global confrontation"?

Westernism and anti-Westernism in Russian politics represented two contrasting systems of values. But they involved varying discourses that incorporated a number of concepts, images and myths. Here one might look for neo-Eurasianism¹⁵. Its geosophy (a category of "self-development") was inspiring in the 1990s among representatives of the different directions. Nevertheless, it did not become the common theoretical-methodological platform for consolidating the Russian academic expertise. Used by several groups, it shared the notion of the original and "self"-oriented nature of Russian civilization, interpreting P. Savitzki's formula that "Russia is neither Europe, nor Asia, but a specific geographical 'world' that is called Eurasia"¹⁶. Neo-Eurasianists did not perceive geopolitics in its new interdisciplinary dimension, as it had started to develop in Europe and the U.S. On the contrary, as before, they continued to regard it as the instrument of reconstruction and Explanation the new "Eurasia Reality".

One can identify certain features of the neo-Eurasianist doctrine: 1) Russia is the synthesis of Europe and Asia, a bridge between East and West; 2) Eurasians are a special cultural-historical type, a super-ethnic group; and 3) Russia, by virtue of its geographical location, represents a centre that integrates the entire system of the continent's periphery, i. e. Europe, Central Asia, Iran, India, Indochina and Japan. One of its protagonists, V. Tzimburzski, viewed Russia as a part of global civilization but considered it a country whose specific role was derived from the border territory with the "great limitrophy" (a

geocultural beltway from Finland to Korea, which united parts of other civilizational entities in the former Soviet sphere, such as the Caucasus, the Baltic states and Central Asia)¹⁷. The Russians, having created a tradition of dominance in Eurasia, comprised the core of this Russia. Tzimburzski supposed that in order to become competitive in the world, Russia needed to turn to its own geopolitics, exploring and settling its own civilizational sphere.

Panarin and Tzimburzski proposed a theory of the so-called “big cycles” in Russian geopolitics. To find analogies with the methodology of Vernadski and Condratiev, each of them attempted to calculate the cyclical changes of world history and identify Russia's role in them¹⁸. The pattern was very interesting, but a thorough examination reveals that it can be considered purely theoretical, with the political process being strictly determined.

Among the large number of geopolitical reflections, the works of Alexander Dugin occupied a specific place. Dugin influenced the creation of post-Soviet Russian nationalism in its extreme forms, shifting his views from National Bolshevism to an attraction with Freemasonry and Fascism. Dugin considered himself an adherent of the Eurasianist doctrine and wrote many works devoted to it. These are not of academic interest but serve as a source for analysing marginal projects of collective identity in modern Russia. One can identify several general theses that Dugin tried to advocate. For him, Russians had to fight constantly for global domination inasmuch as they were prepared “to suffer unthinkable losses and deprivation, only to develop the national idea, the Great Russian Dream”¹⁹. Furthermore, he predicted a future “Eurasian Empire” that would include – besides the territory of modern Russia – new independent states and parts of Romania, northern Afghanistan, Mongolia, Manchuria and other territories²⁰.

Dugin developed all these speculative games with maps against the background of statements such as that “the Atlantic West, led by the USA” would be the permanent enemy of Russia. By declaring its commitment to Eurasianist doctrine, Dugin's ideas discredited tendencies in liberal and democratic circles. No wonder that there are many critics of Dugin's theory who point out fundamental differences with neo-Eurasianism²¹.

Wherever Eurasianist ideas were discussed publicly – ranging from extreme, anti-Western ones (A. Dugin) to perceptions of Russia's necessary trend towards integration in Europe (R. Evzerov) – they were all united in a special worship of the power and will of the state. The entire Eurasian sphere was witnessing dynamic processes of fragmentation and integration.

Currently Russia has three external fronts to manage: a Western one – toward the countries of the Euro-Atlantic consensus; a Southern one – toward the diverse Islamic-Arab world; and an Eastern one – toward Asia and all of the Asia Pacific region. Each of these is of great importance. Eurasianism has preserved only a nominal appeal in modern political discourse. Traditionally it has been projected onto Eurasia's space. According to this definition, Russian politicians started to design different projects for the economic and cultural integration of post-Soviet countries. Hence, Eurasianism was transformed from a sociocultural and geopolitical meta-theory into pragmatic integrational strategies of real policymaking.

In 2001 the first conference was organized of the Russian Association of International Studies, based on the resources of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Leading international relations scholars from all over Russia were invited to provide professional expertise on the successes and failures of Russia's foreign policy. It was deemed important to create a professional community and to develop international research on Russia's regions²².

Nevertheless, the situation in the sphere of international relations left much to be desired. T.A. Alekseeva, the leading expert in political philosophy, had to avow that "Russian political society failed to create its own, original political-theoretical project, including the sphere of international relations, perhaps because such a society has not yet been formed in Russia". Russian research remained provincial, but not merely because the Russian language had retreated from its previous position in Russian academia. In addition, "scientific schools" had not yet been formed in Russia, and research strictly adhered to the "patterns" of Western theory and expertise. In addition, Russia was deficient in the index of citation and professional assessment. A system of constant communication, with a culture of dialogue and attention to others' opinions, had not yet been established in the intellectual environment of the early 2000s²³.

Nonetheless, various concepts developed by Russian intellectuals can be generally systematized by political-ideological criteria rather than theoretical-methodological foundations²⁴. As P.A. Tsygankov and A.P. Tsygankov emphasized in their book, "Russian scholarship was a testing ground for clashing political positions: competition between supporters of Eurasianism and Westerners, between democrats and etatists, and between ethnic nationalists and defenders of civic identity"²⁵.

The first decade of the new century witnessed a breakthrough in the development of Russian research. Apart from traditional infrastructures (such as universities and think-tanks), a significant growth could

be seen of different centres that specialized in expert analysis and commentary, in the modelling of international processes and in strategies of development. Many of them had been created spontaneously to reflect on international processes, and yet they later ceased to exist, not having the necessary financing. The others, in contrast, represented stable structures, and they were authoritative and influential in the scientific community. They directly defined the agenda in political discussions of modern Russia, but they were structured by their distance or closeness to Kremlin cabinets.

Simultaneously with Eurasianism, a statist trend started to appear. While it only gained ground in the late 1990s, that period saw the emergence of key concepts of “power”, “national interests”, “nation-state sovereignty”, and “order and power”. The journal *Political Class*, in its official profile of June 2005, gave its first full-scale research prognosis: “The place and the role of Russia in the world by 2050 [will be] inevitable, possible, and necessary”. Participating in the project were fifty leading experts of Russia and ten young people under the age of thirty who were engaged in politics and political research²⁶. Experts were asked to answer questions of diverse content, including futurist ones ranging from “What will the population of the Earth be by 2050?” and “Will the moon be inhabited?” to those making direct reference to the geopolitical place of Russia in a future world. One can identify several positions revealed in this type of analysis:

- the majority of Russian experts were convinced that the process of disintegration and formation of new states would continue but that the notion of the “state’s independence” would be seriously transformed;
- 31 out of the 60 experts asked said that three or four global powers – such as the U.S.A., EU, India and Russia – would dominate. Nine experts referred to two countries: the U.S.A. and China. But views differed as well. In answering the question of how many great powers there would be, 37 experts named Russia; India received the highest number of votes (41), and Italy received six votes – the lowest number. It was generally understood that the traditional notion of “great power” would disappear and that states would be dependent on certain centres or regional (or macro-regional) structures²⁷;
- twenty-six experts tended to think that the forming of a world government was underway²⁸;
- a majority of experts noted dynamic trends such as: an increased role for multinational companies in the world economy and politics; a transformation and expansion of the current

NATO bloc; and a possible enlargement of the number of the nuclear states in the case that uncoordinated actions are taken by the existing “five”.

The overall prognosis regarding the future of the hierarchy and roles of states in the world order continued to elicit genuine interest. Fifty-three experts were certain that there would be rapid development of the European Union and – moreover – that it would be enlarged in the future²⁹. Russian experts were no less certain of Israel’s future (as affirmed by 51 percent of all the respondents). Israel was regarded as a defensive U.S. stronghold and its existence was considered within the context of American safeguards³⁰. This same unanimity characterized the question of the creation of a united Arab state: 46 experts voted against such a perspective.

This analytical pattern shows that geopolitics continues to play a very distinct role in Russia. It is not only a subject that construes spaces on a map. It also creates key images of collective identity in the post-Soviet period. The state thereby retains its centrality: the traditional monocentric model is based on a perception of the state’s ability to retain control over its territory and to spread its influence beyond its borders. That is why the issue of Russia being a “superpower” and whether it retains its international influence is so sensitive for the Russian political class. Geopolitical discourse in modern Russia encompasses two groups of concepts. The first one includes the notion of leadership: “world leader” and “world power” are defined by a necessity to focus public opinion on the “high political capital” of the country and its global strategies³¹. The second group reflects an absolutization of the principle of sovereignty. In particular, politics is interpreted by a concept of “self-sovereignty” that enhances state sovereignty and defends national interests.

Most of the Russian experts thoroughly agree that power is becoming increasingly monocentric³². But the main problem is how efficient the centre has been in utilizing its authority. After deliberate efforts to create vertical channels of power and accumulate all the major economic and political channels in the Kremlin, the reverse process actually occurred. How, then, will the centre’s “deconstruction” of authorities’ privileges continue?

An increasing number of geopolitical books that project new trajectories of research and of modelling world space have been published in Russia³³. But the limits of research, as a rule, are set by “effective geostrategic models” of the future world order. Despite all this, the majority of the researchers have tended to focus only on the idea of “heartland” – a geopolitical mission of Russia as a link between the East and the West.

This situation is not surprising. Even though it is a country with 3% of the world's population, Russia possesses 12,5% of global territory, 22% of global forest resources, 20% of the world's fresh water and 30% of the Arctic shelf. This vast Eurasian space consisting of 17,1 million square meters and eleven time zones has been developed by the Russian state. Only centralized power was capable of organizing a complex set of cultural worlds spreading from the Baltic Sea to the Barents Sea. For each of the large regions – such as Siberia, the Urals, the Volga Region, the Far East and the Northern Caucasus – has its own ethnic-national, confessional, and sociocultural specifics.

Whatever stage of historical development Russia is currently in, “space”, “regional territories” and “state power” have always been of vital significance to it. These factors were the means to incorporate the multitude of ethnic-national entities, all of which contrast sharply in their dynamism and level of development. These factors also produce Russia's primary geopolitical fear – the fear that the state's historical territory will be fragmented and disrupted – while also producing the main requirement of all power projects in Russia's history: the impulse to secure the state and territorial integrity of the nation.

The geopolitical contours of Russia, both real and imaginary, have always been characterized by exceptional mobility. Russia has either constantly acquired territories or lost them. For centuries the trend has been towards permanently enlarging its geopolitical sphere by peaceful, economic or military means. After the collapse of the USSR, Russia managed to stabilize its territorial space despite significant strains and serious losses. Currently, state strategy is aimed at preserving the geopolitical status quo within the current balance of powers. It can thus be maintained that geopolitics will retain its dominant position in Russian historical and political studies.

Примечания

¹ *Pavlenko O.* Russia's Foreign Politics in Research: The Themes for the Discussions // Гуманитарные чтения РГГУ–2008. Plenarnije sessii na mezhdisciplinarnych kruglych stolach. M.: RGGU, 2008. P. 171–184; *Zvereva G.* Prisoenie proshlogo v postsovetskoj istoriosofii Rossii // Pavlenko O. (ed.) Modern. Modernizm. Modernizatsiya. M.: RGGU, 2004. P. 292–323.

Павленко О.В. Russia's Foreign Politics in Research: The Themes for the Discussions // Гуманитарные чтения РГГУ–2008. Plenarnye seksii na mezhdisciplinarnych kruglych stolach. M.: РГГУ, 2008. С. 171–184; *Зверева Г.И.* Присвоение прошлого в постсоветской историософии России // Модерн.

- Модернизм. Модернизация / Под ред. О.В. Павленко. М.: РГГУ, 2004. С. 292–323.
- ² *Pavlenko O.* Zwischen Pragmatismus und Ideologie. Der sowjetisch-amerikanische Verhandlungsprozess in der Chruschtschow-Ära // Karner S., Stelzl-Marx B., Tschubarjan A. (eds.) Der Wiener Gipfel 1961: Kennedy – Chruschtschow. Innsbruck; Wien, 2011. P. 255–258.
- ³ See: *Abramyann L.* Lenin kak trickster // Akhmetova M. (ed.) Sovremennaya rossijskaya mifologiya. M.: RGGU, 2005. P. 75–76; *Luzina T.* Mif “razvyornutogo stroitelstva kommunizma” v sovetskom obshhestve v seredine 50 – nachale 60-h gg. XX v. Dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2002; *Fokin A.* Obrazy’ kommunisticheskogo budushhego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 50–60 gg. XX veka. Dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2007. 199 p.; *Trofimov A.* Sovetskoe obshhestvo 1953–1964 godov v otechestvennoj istoriografii: politika i e’konomika. Dis. ... d-ra ist. nauk. Ekaterinburg, 1999. 515 p.; *Dryndin V.* Istoriya propagandirovaniya postulatov gosudarstvennoj ideologii v usloviyax nachala demokratizacii Sovetskogo obshchestva (na materiale Yuzhnogo Urala, seredina 50 – seredina 60-h gg.). Dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 1997. 253 p.; *Kovtun N.* Russkaya literaturnaya utopiya vtoroj poloviny’ XX v. Dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk, 2005. 471 p.
- См.: *Абрамян Л.* Ленин как трикстер // Современная российская мифология / Под ред. М. Ахметовой. М.: РГГУ, 2005. С. 75–76; *Лужина Т.Ю.* Миф «развернутого строительства коммунизма» в советском обществе в середине 50 – начале 60-х гг. XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007. 199 с.; *Трофимов А.В.* Советское общество 1953–1964 гг. в отечественной историографии: политика и экономика: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1999. 515 с.; *Дрындин В.Л.* История пропагандирования постулатов государственной идеологии в условиях начала демократизации советского общества (на материале Южного Урала, середина 50 – середина 60-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1997. 253 с.; *Ковтун Н.В.* Русская литературная утопия второй половины XX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2005. 471 с.
- ⁴ See, for example: *Serio P.* Russkij yazy’k i sovetskij politicheskij diskurs: analiz nominalizacii // Serio P. (ed.). Kvadratura smy’sla: Francuzskaya shkola analiza diskursa. M.: Progress, 1999. P. 352–353; *Eliade M.* Izbranny’e sochineniya. Mify’ o vechnom vozvrashchenii. M.: Ladomir, 2000. 415 p.
- См., напр.: *Серيو П.* Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализации // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Под ред. П. Серию. М.: Прогресс, 1999. С. 352–353; *Элиаде М.* Избранные сочинения: Мифы о вечном возвращении. М.: Ладомир, 2000. 415 с.
- ⁵ *Kolosov V.* (ed.). Geopoliticheskoe polozhenie Rossii: predstavleniya i realnost. M.: Art-Courier, 2000. 415 p.
- Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000. 415 с.

- ⁶ See, for example: *Kolosov V., Mironenko N.* Geopolitika i politicheskaya geografiya. M.: Aspect Press, 2001. 479 p.; *Kolosov V.* Rossijskaya geopolitika: tradicionny'e koncepcii i sovremenny'e vy'zovy' // *Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'*. 1996. № 3. P. 90–94; *Sorokin K.* Geopolitika sovremennosti i geostrategiya Rossii. M.: ROSSPEN, 1996. 170 p.; *Smirnov A.* Urovni geopoliticheskogo vospriyatiya dejstvitelnosti v sovremennoj Rossii // *Vestnik MGU. Vol. 12: Politicheskie nauki.* 1999. № 3. P. 49–61.
- См., напр.: *Колосов В., Мироненко Н.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.; *Колосов В.* Российская геополитика: традиционные концепции и современные вызовы // *Общественные науки и современность.* 1996. № 3. С. 90–94; *Сорокин К.* Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. 170 с.; *Смирнов А.* Уровни геополитического восприятия действительности в современной России // *Вестник МГУ. Т. 12: Политические науки.* 1999. № 3. С. 49–61.
- ⁷ *Lebedeva M.* *Mirovaya politika i problemy' prepodavaniya mirovoj politiki v rossijskix vuzax. Desyat' let vneshnej politiki Rossii.* M.: ROSSPEN, 2003. P. 765.
- Лебедева М.* Мировая политика и проблемы преподавания мировой политики в российских вузах. Десять лет внешней политики России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 765.
- ⁸ *Tyulin I.* *Novy'e tendencii v rossijskix issledovaniyax mezhdunarodny'x odnoshenij* // *Torkunov A. (ed.), Sovremenny'e mezhdunarodny'e odnosheniya i mirovaya politika.* M.: MGIMO, 2004. P. 57.
- Тюлин И.* Новые тенденции в российских исследованиях международных отношений // *Современные международные отношения и мировая политика /* Под ред. А. Торкунова. М.: МГИМО, 2004. С. 57.
- ⁹ *Ibid.* P. 62–63.
- Там же. С. 62–63.
- ¹⁰ The author regards the advocates of the pro-Western trend as modernizers (in particular such as Andrey Kozyrev and Egor Gaidar). They are convinced that Russia has no alternative to integration with the West. By contrast, “institutionalists” believe that Russia needs to join international organizations rather than “modernize”. This does not rule out criticism of the existing global international organizations. Within this trend, Pavel Tsygankov and Andrey Tsygankov identify two competing groups, the first regarding the sovereign state as an outdated actor (Yuri Krasin, Boris Kapustin, Marina Lebedeva) and the second arguing that international organizations defend and reshape the role of the nation-states (Yuri Davidov). The authors of the book believe that the ideas of the “National Democrats” are close to those of the moderate institutionalists, but contend that “Russia does not need to copy any patterns or rely on the international organizations.” Instead it needs to find its own way in order to integrate its cultural peculiarities and move toward the global economic and political system. This group defends the interests of multilateral diplomacy. It includes Kamaludin Gadjiev, Michail Abolin, Leonid Polyakov,

- Sergey Kortunov, Boris Makarenko (*Tsygankov P., Tsygankov A.* Sociologiya mezh-dunarodny'h otnoshenij. M.: MGIMO, 2006. P. 27–31).
- Цыганков П., Цыганков А.* Социология международных отношений. М.: МГИМО, 2006. С. 27–31.
- ¹¹ *Tschubar'jan A.* Osnovny'e etapy' vneshnej politiki Rossii // Torkunov A. (ed.). Sovremennyye mezh-dunarodny'e otnosheniya i mirovaya politika... P. 29–31.
Чубарьян А. Основные этапы внешней политики России // Современные междуна-родные отношения и мировая политика... С. 29–31.
- ¹² See his main works: *Ahiezer A.* Dinamika rossijskogo obshhestva: vklad v nauku. M.: Uchitel, 2006. 408 p.; *Yanov A., Ahiezer A., Davy'dov A.* Kak istoriki ob'yasnyayut' istoriyu? I možno li ob'yasnit' istoriyu istoriej? // Znanije-sila. 2001. № 3. P. 21–43.
См. его главные работы: *Ахиезер А.* Динамика российского общества: вклад в науку. М.: Учитель, 2006. 408 с.; *Янов А., Ахиезер А., Давыдов А.* Как историки объясняют историю? И можно ли историю объяснить историей? // Знание-сила. 2001. № 3. С. 21–43.
- ¹³ A famous phrase from the 1866 Report of the Ministry of Foreign Affairs was: "Everybody is thinking that Russia is angry, but it's concentrating its resources". See also: *Pavlenko O.* Vneshnyaya politika Rossii: 1992–2008 gg. // Bezborodov A. (ed.). Otechestvennaya istoriya novejshego vremeni. M.: RGGU, 2009. P. 502–609.
Павленко О.В. Внешняя политика России: 1992–2008 гг. // Отечественная история новейшего времени / Под ред. А.Б. Безбородова. М.: РГГУ, 2009. С. 502–609.
- ¹⁴ *Abalkin L.* Evolyucionnaya e'konomika v sisteme pereosmy'sleniya bazovy'x osnov obshhestvovedeniya // Abalkin L. (ed.) Evolyucionnaya ekonomika i "mejnstrim": Doklady i vystupleniya uchastnikov mezh-dunarodnogo simpoziuma. g. Pushhino, 29 maya – 1 iyunya 1998 g. M.: Nauka, 2000. P. 12–14.
Абалкин Л. Эволюционная экономика в системе переосмысления базовых основ обществоведения // Эволюционная экономика и «мейнстрим»: Доклады и выступления участников международного симпозиума, г. Пущино, 29 мая – 1 июня 1998 г. / Под ред. Л. Абалкина. М.: Наука, 2000. С. 12–14.
- ¹⁵ Neo-Eurasianist doctrine was formed on the basis of historic Eurasianism, having been developed in the 1920s–1930s by Nikolay Trubetskoy, Piotr Savitzkiy, Lev Karsavin and Lev Gumilev, who called himself the last proponent of Eurasianism in the mid-twentieth century. Yet in a period when there was a disintegration of the Soviet Union, the Eurasianists received a second chance.
- ¹⁶ *Savickiy P.* Kontinent Evraziya. M.: Agraf, 1997. P. 283 (*Савицкий П.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 283).
- ¹⁷ *Sy'mburskiy V.* Ostrov Rossiya // Polis. 1993. № 5. P. 72–80 (*Цымбурский В.* Остров Россия // Полис. 1993. № 5. С. 72–80).
- ¹⁸ *Dugin A.* Osnovy geopolitiki: Geopoliticheskoe budushhee Rossii. Myslit prostranstvom. M.: ARKTOGEYA-centr, 2002. 928 p.; *Panarin A.* Iskushenie globa-

- lizmom. M.: Eksmo-Press, 2002. 416 p.; *Idem*. Rossiya v ciklax mirovoj istorii. M.: MGU, 1999. 288 p.; *Cymburskiy V.* Sverxdlinnye voennye cikly novogo i novejshego vremeni // Polis. 1996. № 3. P. 56–70 (*Дугин А.* Основы геополитики: Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: АКТОГЕЯ-центр, 2002. 928 с.; *Панарин А.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.; *Он же.* Россия в циклах мировой истории. М.: МГУ, 1999. 288 с.; *Цымбурский В.* Сверхдлинные военные циклы нового и новейшего времени // Полис. 1996. № 3. С. 56–70).
- ¹⁹ *Dugin A.* Op. cit. P. 196 (*Дугин А.* Основы геополитики. М.: АКТОГЕЯ, 2002. С. 196).
- ²⁰ *Ibid.* P. 415 (Там же. С. 415).
- ²¹ See, for example: *Sitnyanskiy G.* Geopolitika klassovaya protiv geopolitiki nacional'noj [Elektronny resurs] // Russkij zhurnal, 2004. 22 okt. URL: www.russ.ru/publishers/extracts/20041022_sit.html (См., напр.: *Ситнянский Г.* Геополитика классовая против геополитики национальной [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2004. 22 окт. URL: www.russ.ru/publishers/extracts/20041022_sit.html).
- ²² *Privetstvennoe slovo prezidenta RAMI Anatoliya Torkunova* // Torkunov A. (ed.). *Desyat' let vneshnej politiki Rossii...* P. 11 (Приветственное слово президента РАМИ Анатолия Торкунова // Десять лет внешней политики России... С. 11).
- ²³ *Alekseeva A.* Mezhdunarodny'e otnosheniya kak politicheskaya teoriya // *Desyat' let vneshnej politiki Rossii...* P. 726 (*Алексеева А.* Международные отношения как политическая теория // Десять лет внешней политики России... С. 726).
- ²⁴ *Tyulin I.* Op. cit. P. 57 (*Тюлин И.* Указ. соч. С. 57).
- ²⁵ *Tsygankov A., Tsygankov P.* Op. cit. P. 13 (*Цыганков П., Цыганков А.* Указ. соч. С. 13).
- ²⁶ *Rossiya i mir v 2050 godu. Chast' 1. Razdel 1. Obshhie predstavleniya o budushhem* // *Politicheskij klass.* 2005. № 6. P. 27–46 (Россия и мир в 2050 г. Ч. 1. Разд. 1. Общие представления о будущем // Политический класс. 2005. № 6. С. 27–46).
- ²⁷ The “superpowers” will represent the “major region”. The three powers in the Pan-American zone will be North America, Central America and South America. The other three powers will also represent the Euro-African zone: the European Union, the Arab Khalifat and black Africa. The next three states will comprise a Eurasian zone: “lesser” Eurasia (Russia plus the CIS countries), the Islamist (Iran-Turkey-Pakistan) continental empire, and India. Two states in the Pacific zone were mentioned: the two main countries (condominium) of China and Japan plus the separate Pacific “major region” of Malaysia, Indonesia, Australia (Alexander Dugin).
- ²⁸ “Perhaps the world government will emerge on the basis of the modern Group of Eight (or ‘G8’) that will be enlarged with new members such as China, India and probably the European Union. Globalization and the problems it created will inevitably demand interstate cooperation and coordination of efforts, from the great

- powers most of all” (Vagif Guseinov). In addition, “[t]he world government will emerge because the global situation will become too complicated and fluid to leave it without permanent control. It implies a constant struggle to limit the sovereignty of small ‘problematic’ states that will become a source of unpredictability and a threat” (Dmitriy Oreshkin).
- ²⁹ “The European Union will remain and it will consist of the territory stretching from Europe to Russia (maybe to Belorussia), with a high level of integration” (Boris Makarenko). “It seems unlikely. Especially if Turkey joins the EU” (Vitaliy Tretyakov). “The EU constitution will continue to exist. But its real significance will be minimal. The reason is the enlargement of the EU that will include Ukraine and Turkey by 2050. Such enlargement will inevitably contradict the deepening integration” (Dmitrij Suslov).
- ³⁰ “[It is m]ore likely that Israel will be an associated member of the EU or that it will have another status under the patronage of the EU and the U.S.A.” (Vjacheslav V. Igrunov).
- ³¹ Konstantin Kosachyov, the chairman of the State Duma Committee on Foreign Affairs: “Now it’s highly important for Russia to be the chairman (of the Group of Eight. – *O. P.*). To show that Russia not only can enter the Group of Eight by a number of objective criteria but can also be there as a world leader, as a world power – that we have never had before. And this leadership should be defined not only by the scale of our economy or military but also by our political potential, our preparedness to act in the interests of the entire world community.” *Kosachev K.* Так подобает самодостаточному государству // Rossijskaya Federaciya segodnya. 2005. № 4. Дек. P. 3.
Kosachev K. Так подобает самодостаточному государству // Российская Федерация сегодня. 2005. № 4. Дек. С. 3.
- ³² See, for example, the works of Alexei Zudin, the head of the department of political programs of the Center of Political Technologies.
- ³³ Such research is worth mentioning: *Kolosov V., Mironenko N.* Op. cit.; *Kolosov V.* Op. cit.; *Gadzhiev K.* Vvedenie v geopolitiku. M.: Logos, 1998. 415 p.; *Zamyatin D.* Vlast’ prostranstva i prostranstvo vlasti. M.: ROSSPEN, 2004. 352 p.
Стоит упомянуть следующие работы: *Колосов В., Мироненко Н.* Указ. соч.; *Колосов В.* Указ. соч.; *Гаджиев К.* Введение в геополитику. М.: Логос, 1998. 415 с.; *Замятин Д.* Власть пространства и пространство власти. М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.

Д.А. Журавлев

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ В СЕТЕВОМ ИЗМЕРЕНИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В статье исследуются концепции формирования сетевых структур на примере анализа международного терроризма. Особое внимание уделяется информационно-коммуникативным аспектам террористической деятельности. Делается вывод о гибридном (иерархо-сетевом) характере современных глобальных террористических организаций.

Ключевые слова: международный терроризм, иерархия, сеть, мировая политика, коммуникация.

Современный мир пронизан многочисленными сетями – коммуникаций, отношений, взаимодействий. Именно «сеть» в настоящее время выступает в качестве одного из ключевых понятий в теории организаций. Терроризм находится в поразительном соответствии с типами СМИ, доминирующими в каждый конкретный исторический момент¹. Террористы нашего времени организационно и оперативно представляют собой нечто новое по сравнению с иерархизированными небольшими ячейками «традиционных» террористов либо же по сравнению с боевыми отрядами, которые, по сути, ведут городскую герилью на своей или спорной территории. Обратимся к рассмотрению понятия «сеть» как ключевого для описания новой организационной структуры терроризма.

Существует два подхода к его определению. Первый отсылает нас к коммуникационным сетям и маршрутам, т. е. актуализирует технологическую составляющую понятия. Второй подразумевает социальные или организационные сети (или сочетание того и другого)².

По мнению М. Занини и С. Эдвардса, существуют три общие характеристики сетевых организаций. Во-первых, коммуникация

и координация не детерминированы формально определенными вертикальными и горизонтальными каналами передачи сообщения, но возникают и изменяются в зависимости от выполняемого задания. Эти отношения часто неформальны, а их интенсивность зависит от нужд организации. Во-вторых, внутренние сети обычно дополняются связями с индивидами за пределами организации. Подобно внутренним связям, внешние формируются и сходят на нет в зависимости от жизненного цикла конкретных совместных проектов. В-третьих, как внутренние, так и внешние связи становятся возможными благодаря не бюрократическому распоряжению, а разделяемым нормам и ценностям, равно как и обоюдному доверию³.

Исследователи выделяют пять уровней анализа сетей (которые одновременно являются и уровнями их функционирования):

- 1) организационный уровень – организационная структура;
- 2) нарративный уровень – рассказываемая «история»;
- 3) доктринальный уровень – стратегии и методы совместных действий;
- 4) технологический уровень – используемые информационные системы;
- 5) социальный уровень – личные связи, которые усиливают лояльность и доверие⁴.

Постараемся рассмотреть сетевое измерение терроризма через эти пять уровней анализа. В целом, на наш взгляд, следует говорить об «измерениях», а не «уровнях» анализа / функционирования сетей, однако мы будем придерживаться терминологии, заданной признанными специалистами в данной области. В рамках анализа мы не будем следовать указанному порядку уровней, а постараемся создать комплексную картину явления, отразить взаимосвязь этих уровней-измерений.

Как мы видим, коммуникация является основополагающим фактором возникновения и развития сетевой формы организации. Именно коммуникация определяет эффективность функционирования сетей, поскольку в отсутствие четкой иерархии и соподчинения необходимо, чтобы «общие установки» быстро достигали каждого элемента сети. Без этого невозможно формирование коллективной идентичности.

Развитие новых коммуникационных и компьютерных технологий способствует становлению сетей тремя путями. Во-первых, они уменьшают время передачи данных, во-вторых, снижают стоимость коммуникации, в-третьих, расширяют масштаб и сложность информации, которая может подлежать обмену⁵.

Подобные процессы влияют на организационную структуру любых организаций – от социальных сетей филателистов до деятельности глобальных ТНК. Террористические группы не являются исключением. По свидетельству М. Конузэй, «террористы эволюционируют от иерархической структуры к сетям информационного века»⁶.

Исследователи, например М. Занини, полагают, что «чем больше внедрен сетевой принцип в структуру террористической группы, тем более вероятно, что информационные технологии используются в процессе принятия решения»⁷. Таким образом, мы видим, что определенная структура требует определенных технологий для своего функционирования.

В общем виде стратегии использования сетевых (коммуникативных и информационных) технологий террористами можно свести к следующим.

1. *Специализация в отдельных технологиях* позволяет изменять их в соответствии с текущими требованиями. Данная стратегия требует согласованных действий нескольких человек, которые бы занимались разработкой, приобретением и изменением технологий, а также высокого уровня подготовки данных людей и значительного финансирования.

2. Другая стратегия – *использовать большое количество технологий, которые дают группе широкий спектр возможностей по их применению*. В этом случае группе также придется выделить немало времени и ресурсов, для того чтобы приобрести способность вовремя и должным образом выбирать и применять соответствующие технологии.

3. Третий вариант – сфокусироваться на *технологиях, имеющих множество вариантов применения*. Это наименее затратная с точки зрения ресурсов стратегия, которая, однако, приводит к «замыканию» на определенных инструментах. Хотя они и могут обеспечить повышение эффективности деятельности организации, однако рано или поздно либо перестанут соответствовать требованиям группы, либо контртеррористические органы смогут противостоять их использованию и эксплуатировать факт применения данных технологий против террористов.

4. Последняя стратегия – *время от времени обращаться к сложным и новым технологиям, не делая на них сколько-нибудь существенную ставку*. Практически незатратная с точки зрения ресурсов стратегия, тем не менее существенно ослабляющая террористическую организацию в том, что касается ее защиты от применения подобных технологий со стороны правоохранительных органов⁸.

Сами сетевые технологии разделяются на обеспечивающие повышение эффективности (и эффектности) во время атак и терактов и способствующие большей эффективности подготовительных действий (рекрутирование людей, сбор средств, пропаганда и т. п.).

По мнению исследователей, новые технологии не способны значительно увеличить эффективность действий террористов во время самих терактов. Это происходит потому, что атаки террористов в подавляющем большинстве случаев тщательно спланированы и проводятся против статичных и сравнительно незащищенных целей, в то время как новые сетевые технологии больше подходят для ведения динамичных операций, в которых ежесекундно происходит обратная связь с полем боя и выдаются координирующие указания⁹.

Можно условно выделить два подхода к рассмотрению взаимосвязи между сетевой структурой организации и используемыми сетевыми технологиями. Согласно первому из них процессы активного перехода к сетевой форме организации и развитие сетевых коммуникативных технологий тесно связаны и взаимообусловлены. Следовательно, эффективность деятельности сетевой организации напрямую зависит от эффективности применяемых сетевых технологий, а само их применение оказывает основополагающее воздействие на структуру и принципы функционирования группы.

Однако существует иной подход к рассматриваемой проблеме. Согласно наблюдениям некоторых исследователей «взаимосвязь между организационной структурой и использованием информационных технологий трудно установить. Может существовать множество причин, почему новые группы используют информационные технологии. Например, возраст членов группы (молодежь лучше знакома с компьютерами) или объем финансирования (электронные «штуковины» могут позволить себе только богатые группы). Эмпирически доказать или опровергнуть данные рассуждения практически невозможно»¹⁰.

Таким образом, возникает закономерный вопрос: становятся ли террористические группы сетевыми из-за новых средств коммуникации, или же в основе их организационной трансформации лежат иные принципы, а информационные технологии используются по причине их удобства, практичности, либо по другим соображениям, не связанным с взаимозависимостью между организационной структурой и коммуникативными технологиями.

Д. Аркуилла, Д. Ронфелдт и М. Занини считают, что «можно говорить о появлении позитивной корреляции между уровнем активности и степенью внедрения сетевого принципа организации»¹¹.

Однако при этом они указывают на невозможность установить ни направление этой взаимосвязи, ни причину, поскольку существует огромное количество сопутствующих факторов.

Скорее всего взаимовлияние формы организации и применяемых коммуникативных технологий существует, но не является доминирующим. В основе логики построения групп террористов лежат соображения не только эффективности коммуникации, но и, что важнее, скрытности, незаметности, возможности сосредоточить усилия для выполнения миссии.

Организационные выгоды, связанные с усиливающейся информатизацией, следует оценивать с учетом необходимости прямого человеческого контакта и мер усиленной безопасности. Таким образом, подчеркивают исследователи, гибриды иерархичных и сетевых структур могут наилучшим образом отвечать данным требованиям¹². В связи с этим норвежская исследовательница вопроса Х. Роган замечает: «Использование Интернета свидетельствует о менее иерархичной структуре террористической организации. Но оно не означает, что по форме организации террористическая группа представляет собой совершенную сеть»¹³. В самом деле, как пишут Д. Ронфелдт и Д. Аркуилла, хотя «информационная революция приводит к усилению сетевой формы организаций... большая часть существующих систем сочетают в себе как иерархические, так и сетевые начала»¹⁴.

Действительно, сетевой принцип организации, точно так же как и иерархический, несет в себе не только выгоды, но и издержки. Акцент на сетевом способе организации создает перед террористическими группами ту же самую дилемму, что и перед военными или разведывательными организациями, которые с ними должны бороться: на какой максимально низкий уровень можно хотя бы частично перенести процесс принятия решений до того момента, как это начнет оказывать негативный эффект на выполнение операций и обеспечение безопасности?¹⁵

Именно поэтому рассмотренные выше вопросы внедрения информационных технологий в процесс принятия решений важны не столько в качественном плане (сам факт их использования), сколько в количественном (насколько они используются, учитывая, что террористические группы по форме не являются чисто сетевыми организациями).

Здесь мы, возможно, наблюдаем переходное состояние в террористической деятельности, когда в вопросах выработки глобальной стратегии, взаимосвязи центрального руководства и групп на местах, пропаганды террористы в большей степени ориентируются

на использование новых сетевых средств коммуникации. Новые возможности, которые открывают эти средства коммуникации, равно как и сама доктрина «глобального джихадизма», подразумевают дисперсность в структуре организации: ориентацию на возникновение ячеек в диаспорах западных обществ при активной поддержке диверсионно-террористической войны в Афганистане и Ираке, а также на политические изменения в странах Африки и Азии посредством оказания помощи местным радикальным исламистским группам. Эти два процесса – использование сетевых технологий и организационная динамика – не обязательно являются взаимно обуславливающими. Каждый из них подчиняется собственной логике, иногда имеющей вынужденный характер.

Именно поэтому использование сетевых коммуникативных технологий свидетельствует о внедрении сетевого принципа в некоторые аспекты деятельности террористов, равно как и о том, что подобные средства наилучшим образом соответствуют сложившейся географической структуре террористической деятельности.

«Террористы, – отмечают исследователи, – не будут полагаться в координации и исполнении атак исключительно на ИТ-технологии. Получить технологии для кибератак сложно и затратно с точки зрения ресурсов. Выгода же от использования ИТ-технологий для управления восприятием и пропаганды явно перевешивает риски от онога»¹⁶. Ниже мы проанализируем данный вывод и покажем, для каких сфер деятельности использование новых технологий выгодно, а для каких издержки являются слишком значительными.

Относительно организационного измерения можно утверждать, что наиболее эффективной формой является гибридная – совмещение иерархического и сетевого начал. Активно применяются технологии, способные принести ощутимую пользу при минимальных издержках. Напомним также, что сами по себе технологии – это всего лишь инструмент. Он может быть использован при любой форме организации – и лидером секты тоталитарного типа, и антиглобалистом. Будучи ячейкой дисперсной структуры, посредством Интернета и мобильного телефона террористы восстанавливают связь с подчиненными или сторонниками. В то же время эти новые технологии «подталкивают» эволюцию организаций в определенном направлении. Они делают более простыми одни пути, создавая препятствия для других.

Необходимо помнить, что элементами в сети могут быть как отдельные лица, так и целые группы, выстроенные по иерархическому либо сетевому принципу – в этом и заключается социальный уровень. Также немаловажной представляется проблема узлов –

ключевых точек сети, а равно и вопрос о взаимосвязи различных сетей друг с другом. По мнению исследователей, «важным предметом анализа должны стать “структурные дыры” и “мосты”, которые существуют между сетями, а также “срезки” (“short cuts”), которые позволяют актерам, находящимся на значительном удалении, в несколько “прыжков” достигнуть цели через посредников»¹⁷. Крайне важную для вступления в глобальный джихад роль «мостов» выполняют люди, обеспечивающие связь локальных групп и структур глобального джихада. Исследователь М. Сейджман называет их «брокерами». Проведенный им анализ, а также иные исследования глобального джихада показали огромное значение «узлов»/«мостов»/«брокеров»¹⁸. Именно с помощью подобных людей налаживается связь между желающими вступить в борьбу и руководством Аль-Кайеды. Именно «брокеры» обеспечили возможность для многих будущих террористов выйти на связь с нужными людьми, а последние, в свою очередь, направили новичков на обучение в Афганистан, Пакистан, в тренировочные лагеря в иных странах, снабдили их «стартовым капиталом» для проведения терактов, а также наставлениями и «благословениями» на борьбу. Особенно важно то, что «брокеры» выполняли свои функции, основываясь на личных связях с руководством Аль-Кайеды либо лицами, имеющими доверие этого руководства. Кроме того, именно личные отношения (родства, дружбы, ученичества) лежат в основе образования малых социальных групп, которые затем посредством «брокеров» интегрировались в систему глобального джихада.

М. Сейджман описывает эту систему следующим образом: «Существует трехступенчатый процесс: установление социальных связей с джихадом посредством дружбы, родства и ученичества; постепенное укрепление веры, ведущее к принятию идеологии глобального салафитского джихада; официальное вступление в джихад при помощи близкого к организации человека или существующего контакта с джихадом»¹⁹.

Сеть, таким образом, превращается в сеть и личных взаимоотношений. Если до этого мы говорили лишь о технологической стороне вопроса и соотносили его с организационной структурой террористических групп, то теперь наступил момент сказать и о социальных сетевых отношениях.

М. Занини и С. Эдвардс отметили, что «жизнеспособность и эффективность электронной сети во многом зависит от лежащей в ее основе системы социальных отношений и личных контактов»²⁰.

Сети, как и другие формы организаций, сохраняют свою целостность благодаря нарративам, или историям, которые расска-

зывают (производят) люди. Успешные нарративы – это не просто риторика. Они представляют собой обоснованное выражение опыта, интересов и ценностей людей. С одной стороны, эти истории выражают идею идентичности, с другой – содержат сообщение о причине, цели и миссии²¹. Здесь можно говорить о формировании «дискурсивного» уровня, однако рассуждения о «дискурсе терроризма» представляют собой самостоятельный объект исследования. Поэтому в данной статье мы будем придерживаться терминов «нарративный», «нарративы», устоявшихся в научной литературе.

Сам по себе нарративный уровень имеет два измерения – внутреннее и внешнее.

Внутреннее измерение обозначается термином «аутопропаганда», т. е. пропагандистские усилия, направленные внутрь группы, на формирование идентичности и поддержание единства организации. Как отмечают Д. Ронфелдт и Д. Аркуилла, «в отличие от предыдущих форм социальной организации сетевая испытывает наибольшие трудности при формировании индивидуальной идентичности и выработке чувства лояльности к организации, что является одной из ее ключевых слабостей»²². Именно поэтому, как мы покажем ниже, многие усилия террористов с привлечением новых сетевых СМИ и СМК направлены на решение вопроса о конструировании идентичности – внутренней (аутопропаганда) и внешней (глобальная идентичность).

Таким образом, при движении к истинно сетевой структуре группы вынуждены использовать сетевые же методы для преодоления организационных недостатков, возникающих при данном процессе. В свою очередь, активное использование СМИ и СМК ведет к усилению сетевого компонента. Разрешением возникающего противоречия становится создание гибридных иерархо-сетевых структур.

Нарративы формируют «мифологию» организации и выполняют различные функции на разных этапах ее развития²³. На этапе *возникновения* с помощью нарративов происходят привлечение новых членов и стимулирование их активности в рамках группы, обосновывается ее право на существование, актуализируются имеющиеся или конструируются необходимые идентичности, намечаются пути развития организации, а также упрочиваются позиции ее основоположников в качестве лидеров, определяется пространство, в котором данная организация функционирует. На этапе *роста*, помимо названных функций, нарративы позволяют укреплять ролевые обязанности членов, поддерживать мифы, лежащие в основе деятельности группы, обозначать идеологическую нишу, которую занимает группа, акцентировать внимание ее чле-

нов на благоприятных для роста организации условиях внешней и внутренней сред. На этапе *зрелости* нарративы включаются в систему управления группой для постоянных корректировок и обновлений, а также в процесс реагирования организаций на изменения условий внешней среды; они, кроме того, используются для поддержания проводимых операций, направляя рассуждения членов организации в нужное русло, и обоснования перемен, необходимых для ее выживания. На этапе *трансформации* нарративы облегчают переход к новой организационной форме, позволяют упростить организационную структуру до определенных наборов отношений между участниками, способствуют возрождению идентичностей, которые могут быть использованы независимо от окончательной новой формы, принятой организацией, позволяют расформировать ненужные структуры организации. Для понимания того, каким образом новые СМК позволяют наиболее активно продуцировать подобные нарративы, нам придется обратиться к характеристике информационно-коммуникативной деятельности Аль-Кайеды в качестве сетевой организации.

Нарративный уровень определяет также и внутригрупповую организационную динамику, он отвечает за распределение коммуникативных ролей в группе. Именно на нарративном уровне (а частично и на доктринальном) выражается «глобальная стратегия». Именно он определяет одну из организационных особенностей «новых» террористических групп, состоящих из руководящей структуры, занимающейся выработкой общего направления деятельности и определением врага, и распыленных «центров», разделяющих этот комплекс общих идей и интересов. Исследователи отмечают: «Общие идеи позволяют мыслить схожим образом, посредством чего обеспечивается единство на уровне идей, концепций и глобальных стратегий при децентрализации на тактическом уровне»²⁴.

Внешнее измерение нарративного уровня относится к способам донесения сообщения до различных аудиторий – сочувствующих, колеблющихся, домашней аудитории и мирового общественного мнения. Кроме того, внешние нарративы направлены и на другие террористические группы, являясь выражением «глобального фронта борьбы» либо же соперничая с ними за поддержку аудитории или финансовые средства спонсоров. Кроме того, как отмечают исследователи, «правильная история может помочь в создании мостов между различными сетями»²⁵. Именно нарративы связывают отдельные группы в глобальную сеть, которая, следовательно, во многом является продуктом не только организационного, но и коммуникативного измерения деятельности.

Обратившись к рассмотрению вопроса о том, как связаны информационно-коммуникативное и организационное измерения функционирования террористических групп и каким образом каналы коммуникации (технологический уровень) способствуют формированию глобальной структуры терроризма, мы сможем суммировать рассуждения о нарративном измерении деятельности новых сетевых организаций и каналах передачи сообщений.

Если принять постулат о взаимосвязи двух указанных выше измерений групповой динамики, то мы можем судить о внутренней структуре террористических групп по внешним формам их проявлений в глобальном информационном пространстве. В частности, исследователи отмечают, что «структура вебсайтов копирует структуру организации – Хезболла имеет жесткую вертикаль с инструкциями для сторонников, в то время как сайты Аль-Кайеды более интерактивны и неиерархичны»²⁶. Этот вывод вполне соотносится с реальным анализом структур управления и принятия решений в данных организациях. У Хезболлы есть ресурсы и специалисты для поддержания своего головного сайта, кроме того он более-менее постоянен по своему адресу, поскольку существует «балансирование» на грани дозволенного, чтобы воспрепятствовать обвинениям в пропаганде терроризма и, следовательно, закрытию сайта. Кроме того, Хезболла традиционно является более иерархизированной организацией, чья сфера деятельности не исчерпывается лишь проведением террористических кампаний. Более того, существуют явные свидетельства о серьезной поддержке ливанской группы со стороны Ирана. Именно поэтому Хезболла имеет возможности и средства для активного и сбалансированного позиционирования себя в глобальной информационной среде.

Аль-Кайеда же имеет гораздо менее иерархизированную структуру. Ее деятельность носит глобальный характер и практически полностью сводится к ведению террористических кампаний против врагов. Сайты Аль-Кайеды, как мы увидим, часто новички без должного опыта, размещающие радикальные высказывания, что часто приводит к закрытию сайтов и постоянной смене серверов и адресов. Аль-Кайеда является скорее «зонтичной» структурой, «брендом», советом доктринеров, которые не могут выделять значительные ресурсы на пропагандистскую кампанию и для распространения своего сообщения ориентируются на деятельность сторонников и сочувствующих.

Вслед за исследователем медиасетей Аль-Кайеды и иракских повстанцев Д. Киммейджем можно определить следующим образом взаимосвязь коммуникативного измерения и внутригруп-

повой динамики: «Структура производства и распространения медиапродукции связывает различные группы под общим руководством глобального движения джихада. Эта структура в некотором роде может служить схемой взаимосвязей отдельных локальных групп в глобальную сеть»²⁷. В свою очередь, нестабильность интернет-ресурсов и в той или иной мере активное противодействие со стороны многих стран приводит к необходимости дублировать сообщение через максимальное количество каналов (выкладывать сообщение на нескольких форумах, публиковать ссылку на видеоклип на нескольких досках объявлений и т. п.). Все это, с одной стороны, несколько запутывает общую картину информационных потоков в коммуникативной структуре глобального джихада, но вместе с тем усиливает взаимосвязь отдельных групп. Несмотря на обезличенность коммуникации в Интернете и возможность не знать о своем партнере ничего, кроме никнейма на форуме или адреса электронной почты, подобные контакты требуют, по мнению Д.Киммейджа, «определенного уровня личного взаимодействия и доверия»²⁸. Структуры-дистрибьюторы в таком случае выступают не только как инструмент построения бренда и канал распространения информации, но и как механизм формирования представлений о существовании единого фронта, о вооруженной борьбе по всему миру под знаменем идеологии Аль-Кайеды²⁹.

Важно подчеркнуть, что медиаструктура глобальных джихадистов используется и для донесения сообщения до аудитории и для конструирования коллективной идентичности. «Мусульмане всего мира, объединяйтесь под знаменем глобального исламского медиафронта. Создавайте отряды медиаджихада, чтобы уничтожить контроль сионистов над средствами массовой информации и посеять страх в сердцах врагов»³⁰, – призывает «эмир» данной медиаструктуры Саладин.

Таким образом, помимо самого нарратива (который может быть воспринят с помощью различных методов), глобальный джихад объединяют и каналы распространения собственных сообщений, являющиеся отражением данного нарратива. Инфраструктура не только воспринята, но также производства и передачи сообщения помогает выстроить глобальное сетевое измерение терроризма. Это и есть та «война идей», которая, безусловно, является ключевой в сетевой войне.

Доктринальный уровень функционирования сети определяет средства и приемы, востребованные в деятельности организации, стратегию и тактику их применения. Как отмечают исследователи, «две доктринальные практики наиболее приспособлены для акто-

ров сетевых войн: “безлидерность” и рой. Наиболее эффективным из них является рой»³¹.

Этот принцип функционирования может быть описан следующим способом: «Роевание происходит тогда, когда расплывчатые узлы сети небольших (а иногда и больших) сил фокусируют свои усилия на цели с разных сторон. Общая цель – совместное приложение значительных сил или сосредоточение огня. Будучи в движении, роевые сети должны быть способны быстро и скрытно объединяться вокруг цели, а затем распадаться и расплываться, чтобы незамедлительно быть готовыми для нового приложения усилий. Другими словами, атаки информационной эпохи напоминают не традиционные волны, а роевое движение»³².

Необходимо отметить, что данные рассуждения позиционируются авторами как применимые ко всем типам сетевых организаций. Как мы показали выше, террористические группы не могут быть полностью отнесены к сетевым структурам. В них все еще весьма сильны иерархические начала.

Тактика роевания была успешно применена в Сиэтле, где антиглобалисты активно выступали против очередного заседания ВТО, хотя в деятельности антиглобалистов и террористов больше различного, чем общего. Тактика роя предусматривает наличие значительного числа отдельных независимых групп, которые затем по команде координируют свои усилия. Данная структура в целом не характерна для террористических организаций.

Доктрина «безлидерного сопротивления» гораздо ближе к проблематике современного терроризма. Ее активно использовали и используют ультраправые группы милиции в США, разделяющие идеологию «христианской идентичности»³³. Суть ее заключается в простом следовании логике сетевой формы организации, когда существует общий набор идей, а различные группы борются за превращение их в жизнь собственными методами.

Суммируя вышесказанное, можно, вслед за Д. Ронфелдтом и Д. Аркуиллой, сделать вывод о том, что «наиболее сильными будут те сети, в которых организационная структура поддерживается выигранным “историей” и четко определенной доктриной, которые пронизаны развитыми коммуникационными системами и основываются на разветвленных и прочных личных и социальных связях»³⁴.

Новые технологии и новые организационные формы изменяют также и структуру противостояния различных акторов мировой политики. Наиболее четкую характеристику новой формы войны, названной сетевой, дали Д. Аркуилла, Д. Ронфелдт и М. Занини в ряде совместных исследований³⁵.

К сетевой войне они относят конфликты низкой интенсивности, операции, отличные от войны, невоенные конфликты и преступления. Сетевая война ведется военизированными, негосударственными, иррегулярными формированиями. Протагонисты в своем противоборстве используют сетевые формы организации и соответствующие доктрины, стратегии и технологии, соответствующие информационной эпохе. Причем агенты сетевой войны получают все большую отдачу от развития средств коммуникации.

Относительно новых коммуникационных технологий авторы делают два существенных замечания. Во-первых, новые технологии не вытеснят старые, которые сохраняют свое влияние. Во-вторых, сетевая война – это не просто интернет-война. Она разворачивается не только в киберпространстве (хотя именно там могут произойти некоторые ключевые сражения), но и в реальном мире. Принципиальной характеристикой сетевой войны становится организационная динамика, хотя для эффективности ведения этой войны и требуется соответствующий уровень функционирования социальной и технологической составляющих.

Новая форма взаимодействия размывает границы нападения и обороны, особенно когда актер идет в атаку в целях самообороны. Кроме того, смешение обороны и нападения часто выражается в смешении стратегических и тактических уровней операции. Развивая мысль авторов, отметим, что это тот самый уровень, где, по сути, уже исчезает сетевая коммуникация, но еще не появляются конкретные группы-узлы.

Таким образом, сетевой принцип все больше проникает в структуру мировой политики и способствует эволюции организационных форм участников международных взаимодействий. Все пять уровней-измерений сетевых организаций являются взаимосвязанными и взаимно обуславливающими друг друга. Террористические организации пытаются максимально полно использовать достижения новых коммуникационных и сетевых технологий, однако сталкиваются с рядом препятствий – организационных, технических, операциональных. Вследствие специфики деятельности международных и глобальные террористические организации принимают гибридные иерархо-сетевые формы. Террористы участвуют в сетевых войнах, но не как кибертеррористы, поскольку они частично перенимают сетевые организационные формы и усиливают коммуникативную составляющую своей деятельности посредством использования сетевых СМИ и средств массовой коммуникации.

-
- ¹ Подробнее см.: *Журавлев Д.А.* Международный терроризм и СМИ: эволюция коммуникационного взаимодействия // Вестник РГГУ. 2009. № 14. Серия «Международные отношения. Регионоведение». С. 157–169.
 - ² *Ronfeldt D., Arquilla J.* What next for networks and netwars? // *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime and Militancy* / Ed. by J. Arquilla, D. Ronfeldt. [Santa Monica et al.]: RAND; National Defense Research Institute, 2001. P. 315.
 - ³ *Zanini M., Edwards S.J.A.* The net-working of terror in the information age // *Ibid.* P. 31–32.
 - ⁴ *Ronfeldt D., Arquilla J.* *Op. cit.* P. 323–324.
 - ⁵ *Zanini M., Edwards S.J.A.* *Op. cit.* P. 35–36.
 - ⁶ *Conway M.* Terrorism & New Media: The Cyber Battle Space [Электронный ресурс] // DCU Online Research Access Service. URL: http://doras.dcu.ie/500/1/terrorism_new_media_2007.pdf (дата обращения 30.08.2013). P. 10–11/
 - ⁷ Цит. по: *Conway M.* *Op. cit.* P. 11; см. также: *Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M.* Networks, Netwar, and Information-age Terrorism // *Countering the New Terrorism*. [Santa Monica et al.]: RAND, 1999. P. 64.
 - ⁸ *Don B.W., Freilenger D.R., Gerwehr S., Landree E., Jackson B.A.* Network technologies for networked terrorists: Assessing the value of information and communication technologies to modern terrorist organizations. [Santa Monica et al.]: RAND, 2007. P. 51.
 - ⁹ *Ibid.* P. 47.
 - ¹⁰ *Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M.* *Op. cit.* P. 65.
 - ¹¹ *Ibid.* P. 67.
 - ¹² *Zanini M., Edwards S.J.A.* *Op. cit.* P. 40.
 - ¹³ *Rogan H.* Jihadism online – A study of how al-Qaida and radical Islamist groups use the internet for terrorism purposes / Forsvarets Forskningsinstitut / Norwegian Defence Research Establishment. Kjeller, 2006. P. 32.
 - ¹⁴ *Ronfeldt D., Arquilla J.* *Op. cit.* P. 311–312.
 - ¹⁵ *Cyberterror: Prospects and Implications* / [Nelson B. et al.]; Center for the Study of Terrorism and Irregular Warfare, Naval Postgraduate School, United States Navy. Monterey, 1999. P. 67.
 - ¹⁶ *Zanini M., Edwards S.J.A.* *Op. cit.* P. 47.
 - ¹⁷ *Ronfeldt D., Arquilla J.* *Op. cit.* P. 325.
 - ¹⁸ *Сейджман М.* Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-пресс, 2008. С. 151.
 - ¹⁹ Там же. С. 145.
 - ²⁰ *Zanini M., Edwards S.J.A.* *Op. cit.* P. 39.
 - ²¹ *Ronfeldt D., Arquilla J.* *Op. cit.* P. 328.
 - ²² *Ibid.* P. 342.

- ²³ Данная схема применима к любой организации (не только террористической) и взята из: *Casebeer W.D., Russell J.A.* Storytelling and Terrorism: Towards a Comprehensive 'Counter-Narrative Strategy' (Strategic Insights. 2005. Vol. IV. Issue 3) [Электронный ресурс] // Naval Postgraduate School. URL: <http://calhoun.nps.edu/public/bitstream/handle/10945/11132/casebeerMar05.pdf?sequence=1> (дата обращения: 30.08.2013).
- ²⁴ *Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M.* Op. cit. P. 51.
- ²⁵ *Ronfeldt D., Arquilla J.* Op. cit. P. 328.
- ²⁶ *Brown I., Korff D.* Terrorism and the Proportionality of Internet Surveillance // *European Journal of Criminology*. 2009. Vol. 6. № 2. P. 123.
- ²⁷ *Kimmage D.* The al-Qaeda Media Nexus: The Virtual Network Behind the Global Message [Электронный ресурс] // Radio Free Europe / Radio Liberty. URL: http://docs.rferl.org/en-US/AQ_Media_Nexus.pdf (дата обращения: 30.08.2013). P. 1–2.
- ²⁸ Ibid. P. 20.
- ²⁹ Ibid. P. 21.
- ³⁰ Цит. по: In their own words: Voices of jihad. [Santa Monica et al.]: RAND Corporation, 2008. P. 268; *Trabelsi H.* Al-Qaeda takes jihad to media four years after 9/11 [Электронный ресурс] // Middle East Online. URL: <http://www.middle-east-online.com/english/?id=14500=14500&format=0> (дата обращения: 30.08.2013).
- ³¹ Подробнее см.: *Ronfeldt D., Arquilla J.* Op. cit. P. 333–338.
- ³² *Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M.* Op. cit. P. 53–54.
- ³³ Ibid. P. 56.
- ³⁴ *Ronfeldt D., Arquilla J.* Op. cit. P. 324.
- ³⁵ Приведенная суммарная характеристика сетевой войны дана в: *Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M.* Op. cit. P. 46–47, 52–53; *Ronfeldt D., Arquilla J.* Op. cit. P. 316.

О.Б. Игнаткин

ИДЕИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Статья посвящена актуальной теме современных международных отношений – рассмотрению идей реализма и неореализма как одного из главных политических направлений. В статье рассматриваются ключевые подходы реализма, школы, направления и работы основных исследователей. Рассматриваются классические и современные категории реализма. Определяются перспективы данной теории, которая и на сегодняшний день является одной из ведущих в политической мысли.

Ключевые слова: политический реализм, Г. Моргантау, Дж. Кеннан, К.Н. Уолтц.

Политический реализм является одной из основных концепций в теории международных отношений. Со времени первых работ основные понятия и принципы дипломатии стали определяться в рамках реалистической парадигмы, и государства строили свою политическую стратегию исходя во многом из этих принципов.

Одной из главных идей реализма является понятие национального интереса, выраженного в терминах власти. На это серьезное внимание обращают и Г. Моргантау, и Дж. Кеннан, и многие другие известные теоретики данного направления. Так, по мнению американского дипломата, в прошлом посла в СССР и Югославии, а также одного из авторов стратегии сдерживания Дж. Кеннана, «политическая система Советского Союза во многом определялась идеологией и обстоятельствами, унаследованными советскими лидерами у движения, в котором были их политические основания, обстоятельства и власть, используемая ими на протяжении трех десятилетий в России»¹.

Для Кеннана под идеей политического реализма подразумевалось понимание государством политических интересов, в первую очередь для поддержания стабильности в международных отношениях. Кеннан, будучи одним из самых выдающихся дипломатов и ученых США, в то же время был одним из самых серьезных противников войны и делал акцент на мирное разрешение конфликтных действий, постоянно указывая на ошибки американской администрации того периода.

Находясь в период, предшествующий Второй мировой войне, в Чехословакии и наблюдая за ужасами фашизма, Кеннан не раз говорил об страшных последствиях любых военных действий для человека и общества². Для дипломата важным было определение тех регионов, где США в то время могли, используя различные средства сдерживания, не доводить ситуацию до конфликта, по возможности сдерживать проявление конфликта³. Эта политика является реалистической, поскольку в ее основе лежит понятие силы. Нахождение баланса сил для Кеннана во многом было первоочередной задачей, отсутствие данного баланса – причиной постепенного разочарования состоянием международных дел, а при отсутствии понятной американской внешней политики – во многом причиной его отставки⁴.

Знание Советского Союза было важным в понимании американского исследователя, поскольку знание дипломатии основывалось на теоретическом и практическом опыте работы в стране (Кеннан работал в Советском Союзе с 1933 г. в качестве третьего секретаря в посольстве, возглавляемом У. Буллитом, после того, как СССР нормализовал отношения с США, и продолжил работу до 1938 г. при его преемнике Дж. Дэвисе).

В следующий раз он вернулся в Москву уже в 1944 г. в качестве заместителя главы миссии, будучи вторым человеком в посольстве после У. Аверелла Харримана. Работая в Государственном департаменте в качестве первого директора штаба стратегического планирования, он получил должность посла в СССР в 1952 г. Однако вскоре после этого он был объявлен *persona non grata* за резкую критику сталинского режима в интервью, в котором он сравнил сталинский режим с нацистским режимом, который он наблюдал лично, работая в Чехословакии⁵.

Как и многие другие реалисты, Кеннан определял идею национального интереса в качестве главного принципа. Национальный интерес как главный принцип присутствует и в работах многих других известных представителей реализма – Э. Карра, Г. Моргентхау, К. Уолтца, Б. Бьюзана и других⁶.

В своих работах Э. Карр определил основные принципы реализма, представил его преимущества и недостатки. По мнению Карра, важным является понимание того, что в международных отношениях не должен присутствовать утопизм, поскольку именно абстрактный идеализм в лице международных организаций (международных полицейских сил, пакта Бриана–Келлога и Соединенных Штатов Европы) был одной из причин начала Второй мировой войны⁷. Идеалистические представления о будущем мироустройстве без войн, основанном лишь на праве закона и влиянии общественного мнения, которое всегда оказывалось правильным, «привели к неправильной оценке мировых реалий, что в конце показало бездейственность Лиги Наций в отношении ряда стран»⁸.

Другой видный теоретик политического реализма, Г. Моргантау, в ставшем уже классическом труде «Политика между государствами: борьба за власть и мир»⁹, определяет принципы политического реализма, которые управляют поведением государств на международной арене¹⁰.

Так, по мнению Моргантау, политический реализм подразумевает под собой то, что политика как и общество в целом управляется объективными законами, которые похожи на законы, управляющие человеческой природой. Для улучшения общества необходимо понять те законы, по которым оно живет. Их выполнение является важным для жизни людей, и человек может бросить вызов законам только в случае их крайней неэффективности.

Как пишет Моргантау, политический реализм выражен в понятиях власти¹¹. «Эта концепция... устанавливает, что политика является автономной сферой деятельности и ее необходимо понимать отдельно от других сфер, таких как экономика... этика, эстетика и религия. Без такой теории политики, международной и внутренней, это будет невозможно, поскольку без этого не будет возможным определить политические факты и неполитические, также как мы не сможем привести системный порядок в политическую сферу»¹².

Реализм также определяет национальный интерес, выраженный в терминах власти, в качестве объективной категории, которая обладает универсальным характером, хотя это не значит, что данная теория не подлежит изменениям¹³. Подобным же образом четвертый принцип определяет, что политический реализм включает моральные последствия политических действий. Он также признает неизбежным конфликт, который существует между требованиями морального действия и успешного политического действия¹⁴.

Политический реализм также не принимает моральные требования определенного государства в соответствии с общими

моральными законами. Это составляет пятый принцип реализма. И наконец, шестой принцип говорит о том, что политический реалист не знает о существовании и соответствии других стандартов политической мысли, кроме реалистических. Он лишь подчиняет эти другие стандарты политической сфере и разделяет эти взгляды с другими школами, когда они предлагают стандарты мысли, соответствующие другим областям государственной политики в политической сфере¹⁵.

Таким образом, политический реализм в теории Моргентау является во многом законченной политической теорией, однако представляет мир в виде игры с нулевой суммой, системы «выигрыш / проигрыш», где сфера политики была одной из определяющих.

В конце 1970-х годов теория реализма претерпела определенные изменения. В работах Х. Булла и К. Уолтца были представлены серьезные новации данной теории, получившей позднее название неореализма¹⁶. Так, Булл предложил новый подход к определению международного порядка, определяя его как тип поведения, который содержит в себе элементы первичных целей сообщества государств, или международного общества¹⁷.

Международное сообщество, по мнению Булла, существует, когда группа государств, осознавая определенные общие интересы и общие ценности, формирует сообщество в том смысле, что его участники считают себя связанными набором общих правил в отношениях друг с другом и вместе участвуют в работе политических институтов. Если государства в настоящий момент формируют международное общество, то потому, что, признавая определенные общие интересы и, возможно, некоторые общие ценности, они считают себя связанными общими правилами, должны поддерживать независимость друг друга, должны уважать соглашения, которые они заключают, и должны быть ограничены в использовании силы в отношении друг друга¹⁸.

В отличие от Х. Булла другой видный представитель неореализма, К. Уолтц рассматривал проблему структуры биполярного мира, в котором ядерное оружие представляется фактором стабильности, не позволяющим государствам проводить радикальные действия и изменения¹⁹, однако не анализировал проблемы международного общества, позднее глобального сообщества²⁰.

По мнению Уолтца, государства находятся в состоянии динамической стабильности, т. е. в состоянии конкуренции. При этом наличие ядерного оружия не позволяет сверхдержавам нарушать правила игры, когда стабильность могла бы быть нарушена. Международные организации и режимы не играют решающей роли,

ядерная стабильность является следствием действий сверхдержав в системе холодной войны²¹.

Подобные же идеи развивает другой американский ученый – Дж. Миершаймер в работе «Ложное обещание международных институтов»²². В этой статье он продолжает исследовать последствия так называемой дилеммы заключенного – абстрактной модели, исследующей работу механизма «рационального выбора», идеи которой были изложены рядом авторов по теории игр и в работах Р. Джервиса²³. По мнению исследователя, международные институты разработаны недостаточно, чтобы можно было в полной мере полагаться на их действие. Миершаймер считает, что стороны, участвующие в данных соглашениях, не всегда проводят честную политику, тем самым они не позволяют действовать институтам наиболее эффективно²⁴. Напомним, что согласно «дилемме заключенного» вероятность того, что две стороны будут мало доверять друг другу, выше, что повышает вероятность конфликта²⁵. Однако, как полагает Миершаймер, одним из главных вопросов, который будет оставаться нерешенным в «дилемме заключенного», – это вопрос использования политического статуса и возможности использования институтов в пользу тех или иных участников переговоров²⁶.

После окончания холодной войны основные дискуссии относительно понятия реализма касались его определения и определения предметного поля. Так, например, американский исследователь У. Уолфорт выделяет четыре основные черты современного реализма.

Политика создания групп. Политика происходит в рамках группы и между группами. Групповая солидарность является крайне важной для внутренней политики, и конфликт и сотрудничество между различными политическими режимами являются сущностью международной политики.

Эгоизм. Когда индивиды или группы действуют политически, в основном они руководствуются частными интересами. Этот эгоизм глубоко укоренен в человеческой природе. Однако его проявление может быть преувеличено, уменьшено или даже временно преодолено государственным и международными политическими структурами, институтами и ценностями.

Анархия. Отсутствие правительства серьезным образом меняет природу международной политики. Анархичные политические системы, основанные на принципе «помоги себе сам», накладывают существенные ограничения как на возможность международных акторов по достижению их целей, так и на усиление проявления эгоизма в группе.

Силовая политика. Пересечение группового подхода и эгоизма в среде анархии превращают международные отношения в политику власти и безопасности. После периода собирательства отношения между людьми всегда характеризовались неравенством по уровню социального влияния в смысле контроля и ресурсов. Ключевым в политике в любой области является взаимодействие между социальной и материальной властью, взаимодействие, которое разворачивается в «тени» реального властного принуждения²⁷.

Какие теории политического реализма существуют на настоящий момент? Уолфорт выделяет следующие направления.

1. Теория баланса сил (Balance of power theory). Учитывая классическую проблему силового решения проблем, чтобы достигнуть нужного результата, государство может обратиться к силе тогда, когда оно этого захочет; государства будут препятствовать возможности появления у одного государства возможности принуждения и уничтожения.

2. Близкой этому является теория баланса угроз (Balance of threat theory). Как подразумевает название, эта теория определяет, что государства будут создавать противовес угрозам. Угроза, в свою очередь, происходит из сочетания трех переменных: совокупных возможностей (т. е. общего экономического и военного потенциала), географии и восприятия агрессивности намерений.

3. Теория дилеммы безопасности (Security-dilemma theory). «Дилемма безопасности» – это термин, который был выработан Дж. Герцем и заключается в том, что в качестве самозащиты государство должно уменьшать свою безопасность посредством косвенного эффекта уменьшения безопасности остальных, провоцируя их на ответные вооруженные действия.

4. Теория наступления / обороны (Offense-defense theory) во многом является продолжением теории «дилеммы безопасности». Это набор теоретических положений относительно того, каким образом технология, география и другие факторы влияют на уменьшение наступательных действий в противовес обороне, так же как и уменьшение различий между наступательными и оборонительными действиями.

5. Теория гегемонической стабильности (Hegemonic stability theory) основывается на представлении о том, что влиятельные государства стараются доминировать над всей или над частью международной системы, тем самым в определенной степени способствуя иерархии в рамках системной анархии. Эта теория стремится объяснить, каким образом сотрудничество может происходить между державами и каким образом международный порядок, ко-

торый включает в себя правила, нормы институты, появляется и поддерживается.

6. Теория передачи власти (Power transition theory) – теория, которая имеет общие черты с теорией гегемонической стабильности и стремится объяснить, каким образом международный порядок может быть нарушен и может перейти в войну. Основываясь на положениях теории гегемонической стабильности, в ней утверждается, что лидирующие государства предпочтут сохранить лидерство, а предпочтения менее сильных государств по оспариванию данного лидерства будут становиться приоритетными по мере усиления данных государств. Подобные столкновения станут главными, когда обе стороны достигнут паритета. В применении к современному контексту теория предполагает, что усиливающийся Китай станет все более недовольным глобальным порядком, возглавляемым США²⁸.

Таким образом, мы видим, что в современном мире существует целый ряд теорий политического реализма, каждая из которых рассматривает основные проблемы под определенным углом. Можно сказать, что реализм влияет на внешнюю политику и стратегии стран и объясняет состояние международной системы, оправдывает или задает теоретические контуры идеологической политики. Идеи политического реализма используются рядом ведущих политиков для объяснения взаимодействия их страны с другими странами. Понятие «национальный интерес» является определяющим для политики этих государств, и эволюция международных отношений говорит об активном использовании этого и других принципов политического реализма в политических стратегиях и поведении государств на международной арене.

Примечания

¹ *Kenan G. The Sources of Soviet Conduct // American Diplomacy. Expanded edition. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1984. P. 107.*

² Из-за ограничений в объеме статьи привожу лишь небольшой отрывок из книги Дж. Кеннана «Американская дипломатия. Расширенное издание» относительно развития войн: «Позвольте сказать мне совсем немного относительно общего результата этих двух войн в Европе. Эти войны велись ценой нескольких десятков миллионов человеческих жизней, невыразимого человеческого разрушения, разрушения баланса сил на континенте – ценой чему стало то, что Западная Европа оказалась беззащитной перед лицом советской державы. Обе войны велись, ставя целью преобразовать Германию: изменить ее поведение,

изменить природу немцев в отличие от той, которая у них была. Однако если бы сегодня кому-то был предоставлен шанс вернуть Германию в то состояние, в котором она была в 1913 г. – Германию, которой руководили люди, консервативно настроенные, но относительно умеренных взглядов, не нацисты и не коммунисты, энергичную Германию, объединенную и неоккупированную, полную энергии и уверенности, обладающую возможностями снова играть роль балансира в отношении Российской державы в Европе – да, против этого звучали бы серьезные возражения с разных сторон, и это не сделало бы всех счастливыми, однако во многом это не было бы столь плохим результатом по сравнению с проблемами дня сегодняшнего. Теперь подумаем, что это означает. Когда вы подведете итог двух войн в смысле их цели, то можно увидеть, что если и была какая-то цель, то ее очень сложно определить» (*Kennan G.* Op. cit. P. 55–56).

³ *Ibid.* P. 119.

⁴ *Gaddis J.L., Kennan G.* An American Life. N. Y.: The Penguin Press, 2011. P. 402–403; Interviews with George F. Kennan / Ed. by T.Ch. Jespersen. Jackson, MS: University Press of Mississippi, 2002. P. IX.

⁵ Interviews with George F. Kennan... P. IX–X.

⁶ Перечисляемые ниже работы стали классическими в теории политического реализма и неореализма: *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N. Y.: Columbia University Press, 1977. 335 p.; *Carr E.H.* Twenty Years' Crisis: An Introduction to the Study of International Relations. N. Y.: Columbia University Press, 1981. 256 p.; *Jervis R.* Cooperation under the security dilemma // World Politics. 1978. Vol. 30. № 2. P. 167–214; *Mearsheimer J.* The false promise of international institutions // International Security. 1994/1995. Vol. 19. № 3. P. 5–49; *Morgenthau H.* Politics Among Nations: the Struggle for Power and Peace. Brief edition, revised by Kenneth W. Thompson. N. Y.: McGraw Hill, 1993. 752 p.; *Waltz K.N.* Theory of International Politics. N. Y.: Random House, 1979. 590 p.

⁷ *Carr E.H.* The Nemesis of Utopianism // Security Studies (A Reader) / Ed. by Ch.W. Hughes, Lai Yew Meng. L.; N. Y.: Routledge, 2011. P. 108–109.

⁸ *Ibid.* P. 110–111.

⁹ *Morgenthau H.* Op. cit.

¹⁰ *Ibid.* P. 3–16.

¹¹ *Morgenthau H.* A Realist Theory of International Politics // Security Studies (A Reader). P. 119.

¹² *Ibid.* P. 119.

¹³ *Ibid.* P. 121.

¹⁴ *Ibid.* P. 122.

¹⁵ *Ibid.* P. 123.

¹⁶ *Bull H.* Op. cit.; *Waltz K.N.* Op. cit.

¹⁷ *Bull H.* The Concept of Order in World Politics // Security Studies (A Reader). P. 174.

¹⁸ Ibid. P. 124.

¹⁹ *Waltz K.N.* Op. cit. P. 102–128.

²⁰ Более подробно объяснение концепции Булла можно найти в уже процитированной работе: *Bull H.* *The Anarchical Society...* P. 3–21. При этом до сих пор некоторые исследователи считают, что работы Булла относятся к теории либерализма.

²¹ Ibid.

²² *Mearsheimer J.* Op. cit. P. 5–49.

²³ *Jervis R.* Op. cit. P. 167–174. С точки зрения рассмотрения вопросов сотрудничества и конфликта в условиях холодной войны см., напр.: *Sagan S.* *Why Do States Build Nuclear Weapons? Three models in a search for a bomb* // *International Security.* 1996/1997. Vol. 21. № 3. P. 54–86; *Freedman L.* *The Changing forms of military conflict* // *Survival.* 1998–1999. Vol. 40. № 4. P. 39–56; *Homer-Dixon Th.* *Environmental Scarcities and violent conflict* // *International Security.* 1994. Vol. 19. № 1. P. 5–40.

²⁴ *Mearsheimer J.* Op. cit. P. 143–144.

²⁵ *Jervis R.* Op. cit. P. 167. Содержание «дилеммы заключенного» заключается в том, что любая из двух сторон, участвующих в принятии рационального решения при отсутствии информации о намерениях другой стороны, склонна не к максимальному для каждого из них результату, а к оптимальному, включающему также вероятность проигрыша и, соответственно, своеобразную «страховку».

²⁶ *Mearsheimer J.* Op. cit. P. 142–146

²⁷ *Wohlforth W.* *Realism* // *The Oxford Handbook of International Relations* / Ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. N. Y.: Oxford University Press, 2010. P. 133.

²⁸ Ibid. P. 141–143.

II. История международных отношений

А.Д. Воскресенский

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются основные принципы современной мировой системы, которые начали формироваться на рубеже XX в. Делается вывод, что незападные страны, принявшие западную модель рыночной экономики и конкуренции, но с национальной спецификой, разработали свои варианты модернизации и стали догонять по некоторым параметрам лидеров мировой системы («догоняющая» модель развития), а некоторые даже попытались оспорить западную модель постиндустриального развития. Это сформировало сегодняшнюю международную среду высокой конкурентности моделей развития, которая требует подготовки нового поколения профессионалов через «ответственную интернационализацию» подготовки политической элиты.

Ключевые слова: Международное сообщество, региональные подсистемы международных отношений, модели развития, политическая элита, образование.

Если говорить о Востоке в целом, то примерно с конца XVII до конца XIX в. это была колониальная периферия мира. Лидерами мировой системы были Европа (экономически и политически) и США (экономически с конца XIX в., а экономически и политически – с начала XX в.). Усиливающееся экономическое лидерство США сопровождалось слабой, но все более и более отчетливой политической вовлеченностью в мировую политику (Вудро Вильсон и его проект Лиги Наций) в первой половине XX в. По выходе из опустошительной Второй мировой войны, не

затронувшей территорию США, экономическое и политическое лидерство США в конечном счете способствовало их превращению в общепризнанного мирового экономического, политического и военного лидера на завершающем этапе существования bipolarной мировой системы. Центром мировой политики всего XX в. был европейский театр действий, он был главным, там вершились судьбы мира. Восток с конца XVIII и до конца XX в. играл второстепенную роль в мировых процессах. Это была периферия мира, но исходная «колониальная» модернизации, осуществлявшаяся на Востоке, стала постепенно трансформироваться в аграрно-рыночную экономическую и авторитарную политическую модели, и к концу XIX – началу XX в. в этом макрорегионе мира начались важные процессы, которые получили сущностное название «эпоха пробуждения Азии». Они заложили основу следующего этапа – деколонизации и политической модернизации.

Существовавшие до XIX в. протосистемы международных отношений (китайская, исламская, греческая, римская, средневековая протоевропейская), соприкасающиеся путем торговых и военных контактов, но при этом структурно никак не связанные друг с другом, были организованы по-другому, чем современная европейская, которая начала складываться в конце XIX – начале XX в. Единые принципы этой новой складывающейся системы, основанные на эволюционирующих европейских правилах (открытая система де-юре равных государств, составляющих международное сообщество), начали формироваться после подписания Вестфальского договора, провозгласившего равенство суверенов и полностью подвластных им суверенных государств с их населением («захочу – лишу жизни любого в своем государстве, и никто не может мне в этом помешать»), но избавившейся от иерархичности только к концу XIX в.

В этой системе Россия, значительная часть аристократии которой была связана родственными и культурными узами с Европой, пройдя через кровопролитные войны на европейском театре военных действий и петровскую модернизацию, завоевала право быть полноправной составной частью Европы, но к XIX в. стала играть все более консервативную роль «жандарма Европы» как во внешней, так и во внутренней политике¹. Внешне- и внутривнутриполитическая консервативность Российской империи для самой России компенсировалась ее вписанностью в Европу, обеспечивающуюся прежде всего родственными связями императорского дома и значительной части политической элиты практически со всеми европейскими странами. После трагической гибели императорской семьи и пора-

жения Белой армии в Гражданской войне эти родственные связи были прерваны, а насильственная «национализация» советской элиты сталинского и последующего периодов в идеологически противопоставленном всему миру, а потом и насильственно закрытом обществе привели в конечном счете к построению экономически и идеологически «закрытого» государства – государства «развитого социализма», эффективность и конкурентоспособность которого не выдержала проверку временем.

Основные принципы современной мировой системы начали формироваться на рубеже XX в. Существовавшие до этого неевропейские протосистемы были фактически не связанными друг с другом региональными протосистемами, организованными по-другому, на основе других принципов: они были либо гегемонистскими иерархическими, либо имперскими системами (китайская, исламская). В центре такой региональной протосистемы всегда стоял верховный правитель, осуществлявший верховную власть, а все остальное рассматривалось как периферия, в которой могли существовать локальные самоуправляющиеся сообщества либо практически независимые государства. Однако даже независимые государства в этих незападных региональных протосистемах, функционирующих на основе неевропейских правил, были в целом не равны, т. е. подразумевалось, что они находились на ступеньку-две ниже в развитии, чем государство центра, или считались таковыми, если этого не было в действительности.

Самое интересное и важное заключалось в том, что равенства в отношениях внутри частей этой системы не существовало: это были иерархические системы, даже если они допускали подписание договоров с государствами «периферии» (так называемые договоры родства, патерналистские договоры или договоры между «старшим» и «младшим» братьями). Такая система вновь и вновь реконструировалась, воспроизводя циклы «подъем–стабилизация–застой–упадок–кризис/распад» вплоть до конца XIX в. Верхом развития этой системы оставались аграрно-рыночная авторитарная империя (Османская и империя Цин) и модель циклического воспроизводства политики и экономики восточного типа, которая стала стремительно стагнировать к началу XIX в., прежде всего из-за неспособности обеспечить технологическое развитие².

Единой мировой политики и единой и цельной мировой системы в сегодняшнем ее понимании до XIX в. не существовало³, а сосуществовали несколько не связанных, но частично перекрывающихся регионально-цивилизационных миров-систем (проевропейская, исламская, китайская и др.), из которых наиболее

универсальной, наиболее открытой и ценностно цельной была европейская система, в силу своего универсализма оказавшаяся наиболее привлекательной для всех участников международных отношений⁴. Европейская система была привлекательной еще и потому, что она строилась на стремительно развивавшейся экономической модели, являющейся основой современного уклада жизни. К началу XIX в. в европейской традиции начала формироваться концепция современного единого мирового сообщества равных государств. К ней в середине XX в. добавились идеи эволюции этих государств с разной скоростью к системе справедливого и полного участия народа в управлении государством всеобщего благосостояния (демократическое государство открытого социально-политического доступа) и модернизации современного типа, основанной на целенаправленно разрабатываемых массовых научно-технических инновациях, представляющих собой коммерциализированные научные открытия, меняющие мировой технологический уклад⁵.

Эти концепции и сформировали социальный облик современного человечества. Возникший в начале XX в. прообраз современной мировой системы, основанной на европейских правилах, привел к формированию концепции современного международного права, которая определила юридически обоснованные отношения между суверенными государствами, сформировала концепции государства и нации. Все это происходило на основе именно европейской, а не какой-либо другой (китайской, исламской, африканской, латиноамериканской) традиции, а потому и определило, наряду с экономическими факторами, ее центральный, стержневой характер для развития всей мировой системы, включая ее периферийные части. Так стали складываться международное сообщество и международная система в их современном понимании. Эта складывающаяся система европейского типа в целом была открытой, к ней постепенно стали присоединяться другие государства, в частности страны Азии и Африки, ранее входившие в неевропейские иерархические системы, показавшие свою меньшую политико-экономическую, дипломатическую и военную конкурентоспособность, либо входившие в европейскую систему сначала на подчиненных началах, в качестве колоний и полукolonий. Эти страны присоединялись к европейской системе, принимая те принципы взаимодействия государств, на которых была основана европейская система, и начали модернизироваться по ее образу и подобию, осуществляя модернизацию зависимого, догоняющего типа, задачам которой и была подчинена их внешняя политика.

Открытый характер ядра европейской международной системы и борьба с тоталитарными национальными альтернативами, по-видимому, привели во второй половине XX в. к мысли о возможности, а затем и необходимости формирования социально-политических систем открытого доступа во внутренних (национальных) компонентах, составляющих международную систему. Именно тогда в борьбе с правой и левой тоталитарной альтернативой и возникла идея о необходимости защиты этой системы, в частности, если это потребует, и военными способами, применение которых в системе открытого социально-политического доступа контролируется избираемой всем народом страны гражданской властью, которой полностью подчинена, в числе прочих, и военная составляющая государства.

После Второй мировой войны модернизирующаяся на этапе деколонизации Азия должна была выбирать одну из двух версий распространившейся на весь мир европейской модели модернизации и развития: авторитарно-плановую модель, основанную на циклическом чередовании мобилизации – стабилизации / застое – системном кризисе / политическом подмораживании – политическом размораживании (версия СССР) или демократическую, рыночную, основанную на самоорганизации и экономической и политической конкуренции (версия США и Западной Европы), поддерживаемую полярно ориентированными внешнеполитическими доктринами⁶. В ходе Второй мировой войны союз, который сложился между коалицией воюющих государств, противостоящих крайне агрессивной тоталитарной версии национал-социализма (нацизм), был прежде всего военным союзом, который распался сразу же после окончания войны, в результате чего де-факто сложилась биполярная система. Тем не менее оба типа международных сообществ, которые были созданы на основе биполярности, хотя и имели разные принципы внутренней организации, в целом относились к европейской системе, но одно было основано на принципе внешней открытости, а другое – на принципе закрытой, обороняющейся от всех идеологизированной системы охранительного характера.

Так сформировались два варианта европейской системы, центры которых находились вне самой Европы – в СССР и США, но внутренние принципы организации которых (централизация и децентрализация) отличались. Формально существовало единое международное сообщество и единая международная система, но де-факто они были разделены на две полярные макрорегиональные подсистемы, причем после достижения примерного военного паритета ключевыми стали считаться деколонизирующиеся пери-

ферийные игроки, которые могли усилить или ослабить (принцип «домино») тот или иной подсистемный полюс. Соответственно, процесс деколонизации поощрялся обеими супердержавами – и СССР, и США.

В это время возникло Движение неприсоединения, т. е. был предложен к осмыслению вариант «третьего пути», который стали выбирать государства, не желавшие присоединяться ни к одному полюсу, т. е. которых по тем или иным причинам не устраивала биполярная и в силу этого иерархизированная конфигурация мира и жестко сформулированная капиталистическая/коммунистическая (в терминологии того времени – западная/восточная) модернизационная альтернатива. Так возникла третья, на тот момент еще слабо организованная, макрорегиональная подсистема. В противоборстве этих тенденций и сформировались современные антиавторитарная индустриальная и постиндустриальная модели развития, а Восток вступил в этап политической модернизации, который продолжается до сего времени. На этом этапе некоторые из незападных стран (включая страны Востока) сумели построить систему открытого социально-политического доступа, позволяющую им избегать системных кризисов и догнать страны Запада, одновременно сохраняя свою культурно-национальную специфику, а некоторые пока не смогли выйти из повторяющихся циклов «мобилизация – стабилизация – застой – кризис»⁷.

После распада биполярной системы в мировой политике выделились две основные тенденции – структурного лидерства и полицентричности. Но параллельно возник источник архаизированной политической активности. Он основывался на принципах жесткой иерархичности и традиционализма, унаследованных от старых неевропейских региональных моделей, существовавших еще до второй половины XIX в., и из старого, юридически некодифицированного понимания международного права. Этот теневой центр намеревался частично стихийно, частично целенаправленно, в том числе и силовым путем, архаизировать модель мироустройства, которая стала складываться на переходном этапе после распада биполярной системы, поскольку существовавший в архаизированных системах тип примитивного / архаизированного естественного социального порядка не позволял адаптироваться к стремительным изменениям, которые несла глобализация.

Модель старого экономического уклада практически была исчерпана к концу XX в. Соответственно другие, незападные страны, которые приняли западную модель рыночной экономики и конкуренции, но с национальной спецификой, разработали свои

варианты модернизации и стали догонять по некоторым параметрам лидеров мировой системы («догоняющая» модель развития), а некоторые, создав региональные версии системы открытого доступа, даже попытались оспорить западную модель постиндустриального развития, привнеся в нее свои культурные параметры и свою специфику (Япония, Южная Корея, Тайвань, Бразилия, Сингапур). Также появились страны, сформировавшие модель политически авторитарного регулирования частично децентрализованной экономики с частично ограниченным (по разным причинам и различным образом) социально-политическим доступом (Тайвань, Южная Корея, Сингапур). Такая модель показала свою успешность на конкретном историческом этапе, но некоторые страны сумели отойти от нее и двинуться дальше – к построению демократического общества с открытым социально-политическим доступом⁸. Такая модель, пусть осуществляемая на начальной стадии и в ограниченных сегментах экономической и социальной жизни общества, как в свое время в Советской России периода нэпа или 1990-х годов, чуть позже привела к экономическому подъему коммунистического Китая и некоторого количества авторитарных стран Азии и Америки (Вьетнам, Куба при Рауле Кастро), но успех ее существования также стал подвергаться сомнению, поскольку неизбежно вставал вопрос о том, каков будет следующий этап развития этих обществ, на который сами эти страны пока не смогли дать приемлемого миру ответа.

Другие страны, не сумевшие сформировать хоть какую-то национальную модель модернизации, стали отставать в своем развитии. Так возник импульс к формированию новых правил функционирования мировой системы, которые должны были бы вступить в силу до перехода к новому экономическому укладу, поскольку перешедшие к новому укладу получают возможность переформулировать правила мировой системы в соответствии со своими интересами, а не в соответствии с интересами всех, тем более отстающих. Кроме того, у отдельных участников и их политических элит, которые не могли похвастаться успехами в развитии, возникло желание сломать существующую систему либо архаизировать принципы ее организации. Особенно это желание было сильно у тех государств, которые не вписывались не только в формирующийся новый, но и в существующий политико-экономический уклад («неуспевающая» модель развития). На этапе завершения старого и формирования нового технико-экономического уклада стали возникать прообразы новых моделей конфигурации политико-экономического пространства,

имеющие разные шансы на воплощение в жизнь, которые пока не получили окончательного оформления. Мир как бы «завис» на этапе эволюционного перехода периода к новому политико-экономическому порядку и новому научно-техническому укладу. На западе, интегрирующемся в единую и расширяющуюся макро-региональную целостность, произошел сбой от перенапряжения двух десятилетий непрерывного расширения, ускоренного развития и неспособности продвигаемой частью западной элиты экстралиберальной модели демократии в сжатые сроки посредством концепций «плавильного котла» и/или мультикультурализма «переварить» мигрирующие с периферии массы, воспитанные на иных культурных и политических представлениях и ценностях, а также решить вопрос мировых финансовых дисбалансов. Восток, в котором начался новый этап процесса отмирания неконкурентоспособных жесткоавторитарных моделей (события в Северной Африке 2011 г.), разделился на несколько несопряженных региональных сегментов: испытывающую трудности экономического и социально-политического развития Африку; раздираемый противоречиями и плохо интегрирующийся в единое целое в целом традиционалистски ориентированный⁹ Большой Ближний Восток, скрепляемый в основном едиными базовыми конфессиональными установками (конфессиональный национализм); Северо-Восточную Азию, где главной являлась проблема военной безопасности и силовых противостояний и где формировалась лидерская система, центрированная вокруг нескольких великих региональных держав со своими версиями регионального порядка и интеграционных процессов, и Юго-Восточную Азию с центром в интегрировавшемся достаточно интенсивно, но по консенсусному принципу, блоком АСЕАН.

Страны Латинской Америки в целом приняли модель современного политического и экономического устройства и развития, но специфику их политической культуры в значительной степени определила высокая степень экономической поляризации, которая затрудняет процесс консолидации демократического развития и делает более выпуклым политические движения и партии левого толка.

Ясно, что в регионе Большая Восточная Азия интеграционные тенденции в целом интенсифицируются¹⁰, а сам регион превращается в центр мировой геополитической и геоэкономической активности. Одновременно в регионе были зафиксированы и стали формироваться варианты новой модели региональной конфигурации политико-экономического пространства и новые конфигурации

мирового регулирования, которые пока не получили окончательного оформления, но в участии в формировании которых Россия крайне заинтересована. Регион все еще остается разделенным на две части: одна, где преобладают проблемы безопасности, обострение которых будет использоваться как регулятор политико-экономической интеграции и жестко реалистическое видение конфликтного будущего, и другая, где развивается экономическая интеграция и высокотехнологическое сотрудничество.

Первая – Северо-Восточная Азия, где преобладающими остаются проблемы безопасности, а не экономического развития. Там сформировалась полицентричная система, ориентированная частично на США и несколько мощных держав (Китай, Россия, Япония, Южная Корея), пока в основном межгосударственного соперничества реалистического типа (военное балансирование и латентное военное противостояние). В Северо-Восточной Азии каждая из мощных региональных держав-лидеров «продвигает» свою версию регионального порядка. Эти версии по ряду параметров противостоят друг другу; там существует «проблемное государство» Северная Корея с взрывоопасной ядерной проблемой, экономическая модель интеграции не развивается или развивается плохо, так как в наше время никогда не было общей экономической составляющей развития, а политические модели противоположны и противопоставлены друг другу.

Вторая – Юго-Восточная Азия, в которой стала формироваться модель сотрудничества с центром в АСЕАН. Там была выработана модель экономической взаимозависимости и взаимодополняемости, отсутствует явно доминирующий центр, стал преобладать консенсусный экономико-ориентированный путь развития, т. е. возобладала тенденция к экономической интеграции, преобладающую роль стали играть экономические отношения, многостороннее экономическое сотрудничество, инновационные экономические модели, возникли треугольники роста, свободные экономические зоны, свободные зоны АСЕАН + 1,2,3, соглашения о свободной торговле и т. д. Эта модель показала, что экономические участники могут расти и обеспечивать экономический рост даже в период мирового экономического кризиса, а политическое своеобразие не означает цивилизационной и конфессиональной исключительности, мешающей выработке компромиссов, без которых совместное развитие кооперационного типа становится невозможным. При этом стало ясно, что регион в целом начинает расширяться, и потенциал его расширения, особенно в условиях экономического кризиса, очень значителен.

Проекты АСЕАН + 1...5 свидетельствуют об активном расширении, формировании макрорегиона, но одновременно возникает возможность нового цикла тупиковой биполярности в рамках соперничества США и Китая, могущей «затянуть в воронку» противостояний весь макрорегион, а возможно и весь мир.

Для России важнейшей стратегической задачей является не дать втянуть себя в такую геополитическую конфигурацию взаимоотношений макрорегионов мира, которая поставит ее в положение необходимости жесткого выбора, «заморозит» ее внутривнутриполитическое и экономическое развитие, противопоставит глобальным регионам, имеющим более высокий инновационно-технологический уровень, и отрежет от превалирующей в мире модели социально-экономической интеграции открытого типа, на основе которой формируется новое качество взаимозависимости и сопряженности мирового регионально сегментированного политико-экономического пространства, так как в этом случае Россия теряет шанс на использование широкого регионального и международного ресурса для инвестирования в экономическое, социальное и инновационно-технологическое развитие страны и вынуждена будет увеличивать свои затраты на поддержание военного паритета с превосходящими военными коалициями и «идеологическое обеспечение» своей «новой закрытости» от мира. Военные паритеты, понимаемые в русле устаревающей реалистической парадигмы межгосударственного соперничества, отбросят назад экономическое развитие страны и помешают осуществлению задачи «сохранения» народа и модернизации страны. То есть долгосрочной задачей для России становится минимизация разрывов во взаимосвязанном политико-экономическом и социокультурном пространстве макрорегионов Европы и Восточной Азии, акцент на конструктивно прогрессирующую общность, а не на противопоставленности или особость, расширение единого и взаимосвязанного консенсусного пространства политики, экономики и безопасности «через» Россию с максимальным включением ее в это формирующееся транснациональное пространство, а внутривнутриполитической задачей – такое развитие инфраструктуры, эффективности государства и порядка ответственного социально-политического доступа, которое будет способствовать максимальному сопряжению и взаимосвязанности российского пространства с его евроатлантическим и тихоокеанским измерениями без дополнительного приобретения консервативных и традиционалистских черт, которых и так немало в политической культуре современной России. Специалисты по мировому

комплексному / зарубежному регионоведению как научной дисциплине, предлагающей способы и методы управления единым, одновременно дифференцированным и регионально сегментированным мировым пространством (социальная инженерия пространства и времени мировой политики глобальных регионов), и политологи-международники ориентированы на выполнение этой политико-экономической задачи как теоретически, так и практически. Однако такая задача требует подготовки политической элиты с более высоким уровнем понимания мировых процессов, чем раньше. Эти новые специалисты должны не просто пройти обязательные стажировки в других странах, а иметь совместные дипломы и/или дипломы международно признанных университетов. Они в принципе должны иметь диплом бакалавра одного университета, а магистра и/или доктора другого, желательно с другой системой подготовки и на иностранном языке. Только такие специалисты, понимающие на практике специфику компаративных методов анализа и освоивших их через проживание, обучение, профессиональную деятельность в другом культурно-историческом и социально-экономическом укладе жизни, т. е. в другом или сопредельном глобальном регионе, как показывает опыт всех успешных стран, являются действительно конкурентоспособными. Они в современных условиях жесткой международной конкуренции моделей развития могут предложить реальные практические решения проблем на основе не только полученного в университетах знания международного уровня, но и собственной практики реального мультикультурного существования в той реальности, где их конкурентоспособность подтверждена их личным интеллектуальным потенциалом и профессиональными качествами. Такую модель создания действительно конкурентной элиты осуществляли все поднимающиеся государства, начиная со стран Европы. Эту модель также использовали США, Япония, страны НИС, Республика Корея, а сегодня – Китай, страны Центральной Азии. В современных условиях связи России с миром и «вписанности» России в мир, гарантирующие ей участие в формировании «пространства взаимосвязанности», может обеспечиваться только наличием широкого круга профессионалов такого рода, т. е. процессом ответственной интернационализации, а не «национализацией элиты» в противовес «олигархической интернационализации», которая приводит в конечном счете к вырождению элиты и/или внешней/внутренней эмиграции всех ее наиболее активных и образованных сегментов.

- ¹ Обобщения см. в: Системная история международных отношений / Под ред. А.Д. Богатурова: В 4 т. М.: НОФМО, 2006; Современная мировая политика / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009. 592 с.; Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: Учеб. пособие для вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. МГИМО (У) МИД России. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
- ² Восток и политика / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: Аспект Пресс, 2009. 665 с.
- ³ Хотя некоторые исследователи справедливо отмечают ценностное единство восприятия мира в греческой, римской и протоевропейской традициях. См., напр.: *Барабанов О.Н.* История мировой политики. Эпоха Древнего мира. М.: МГИМО (У) МИД России, 2007. 328 с.
- ⁴ *Watson A.* The Evolution of International Society. L.; N. Y.: Routledge, 1992. 352 p.
- ⁵ *Pomeranz K.* The Great Divergence. China, Europe and the Making of the Modern World Economy. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2000. 382 p.; *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2011. 480 с.
- ⁶ *Васильев Л.С.* Всеобщая история: В 6 т. М.: Книжный дом Университет, 2012. Т. 6. 713 с.
- ⁷ Восток и политика.
- ⁸ Подробнее см.: *Воскресенский А.Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2009. 190 с.
- ⁹ Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. 593 с.
- ¹⁰ *Воскресенский А.Д.* «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и энергетическая безопасность. М.: МГУ, 2006. 124 с.; «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010. 444 с.

М.М. Сиротинская

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ
СЕРЕДИНЫ XIX в.
В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО
ОПЫТА США:
ДИСКУРС «МОЛОДОЙ АМЕРИКИ»

Обсуждение европейских революций середины XIX в. нередко побуждало сторонников «Молодой Америки» обратиться к собственному революционному опыту. При этом Американская революция понималась и как война за национальную идентичность, что сближало ее с современным национально-освободительным движением в Старом Свете, и как борьба за утверждение республиканизма, за права человека во всемирном масштабе. В этот период, как представляется, ее «национальный» и «универсалистский» образы не противопоставлялись друг другу. Публицисты журнала “Democratic Review”, печатного органа «младоамериканцев», и после поражения революционного движения в Европе рассматривали события 1848–1849 гг. в контексте собственного опыта. Ряд «молодых» демократов ощущали себя частью трансатлантического сообщества, защищали, как бы мы сейчас сказали, идею «атлантической революции». Сам Атлантический океан становился в их репрезентации «дорогой наций».

Ключевые слова: «Молодая Америка», европейские революции 1848–1849 гг., Американская революция.

В конце 1840 – начале 1850-х годов, в период очередной избирательной кампании (подходил к концу срок президентства вигской администрации М. Филлмора), «Молодая Америка» ассоциировалась с группировкой в Демократической партии – членами Конгресса, политиками, журналистами, бизнесменами. К ее сторонникам относили сенаторов: коммодора Р. Стоктона, Дж. Шилдза (уроженец Ирландии), французского республиканца, депутата от Луизианы П. Сулэ, представлявшего Висконсин И. Уолкера, конгрессмена от Калифорнии Эдварда Маршалла. Печатным орга-

ном «младоамериканцев» в 1851–1852 гг. являлся издававшийся в Нью-Йорке “Democratic Review” (редактор – уроженец Кентукки Дж.Н. Сэндерс). В состав редакции журнала входили, по некоторым данным, член «Молодой Ирландии» Т.Д. Райлли (после неудачного восстания конфедератов летом 1848 г. он бежал в Америку) и Ч.Ф. Хеннингсен. С “Democratic Review” сотрудничали бывший его редактор Дж.Л. О’Салливен, автор, предположительно, словосочетания «предопределение судьбы» (термин “Manifest Destiny” впервые появился на страницах “United States Magazine and Democratic Review” летом 1845 г.). Кандидатом в президенты США был выдвинут сенатор из Иллинойса С. Дуглас. После поражения его кандидатуры на конвенте Демократической партии в Балтиморе в июне 1852 г. «молодые» демократы поддержали нового президента Ф. Пирса, и ряд из них получили дипломатические назначения.

В середине XIX столетия сторонники «Молодой Америки» уделяли значительное внимание европейскому революционному движению. В данной статье предпринята попытка проследить, каково было в этой связи понимание «молодыми», или «прогрессивными», демократами (так они сами себя называли) собственного революционного наследия, насколько они ощущали свою принадлежность к трансатлантическому сообществу.

В контексте празднования 150-летней годовщины событий 1848–1849 гг. исследователи в Европе стали отходить от национальной перспективы в изучении революционного движения и в большей степени рассматривать «весну народов» как общеевропейскую революцию, первую попытку создания европейской федерации. Коммеморация 1848 года в конце 1990-х годов, заключает немецкий историк А. Кернер, дала толчок «процессу легитимизации европейской интеграции»¹. Публицистам “Democratic Review” не был свойственен подобный подход. Один из авторов не исключал возможность существования в отдаленном будущем «мирной» федерации европейских республик, но относился к этой идее с известной долей иронии. Остается надеяться, писал он, что она не является утопической мечтой христианских философов и сторонников мирных конгрессов².

С одной стороны, «молодыми» демократами проводились параллели между венгерским, итальянским национально-освободительными движениями середины XIX в. и Войной за независимость североамериканских колоний (1775–1783). Магьярских революционеров олицетворял бывший правитель-президент Венгрии Л. Кошут, освобожденный из турецкого плена и прибывший в качестве «гостя нации» в Новый Свет (конец 1851 – июль 1852 г.).

Вооруженная интервенция России в Венгрию в 1849 г. рассматривалась как грубое нарушение ее суверенитета. С. Дуглас, к примеру, в декабре 1851 г. прямо выводил необходимость выражения сочувствия мадьярам из американского революционного опыта. При этом он говорил о нарушении в 1849 г. «права наций» как Россией, так и Французской республикой, которая ввела войска в Рим³. Трактаты голландского юриста Г. Гроция «О праве войны и мира», швейцарского правоведа Э. Ваттеля «Право народов»⁴ были хорошо известны в Америке. Ваттель отстаивал идеи независимости, равенства наций (он отождествлял понятия «нация» и «государство»), усматривал определенные аналогии между нациями и индивидами, ибо, по его словам, «нации, состоящие из людей и рассматриваемые как свободные личности, живущие вместе в естественном состоянии, также от природы равны...». Ни одна нация не имеет права вмешиваться в дела другого независимого государства, убеждал он, но имеет право просить у других оказания «услуг человечности»⁵.

Сама Американская революция⁶ представляла порой войной за национальный суверенитет. На центральное место выдвигался принцип «национальности», который играл столь значительную роль во многих европейских революциях 1848–1849 гг. В интерпретации “Democratic Review” данный принцип становится приметой и XVIII века. В статье «Римская республика – Рим – Америке» Дж. Вашингтон выступает защитником не только принципов свободы слова, религии, но и «свободных национальностей». Автор высмеивает подарок папы Пия IX: понтифик через посланника США в Риме Л. Касса-мл. выразил готовность подарить Соединенным Штатам мраморный блок на сооружение памятника Вашингтону⁷.

Для многих из нас значимость Американской революции связывается прежде всего со вторым параграфом Декларации независимости (принята Континентальным Конгрессом 4 июля 1776 г.), с философией прав человека. «Все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, среди которых – право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью»⁸, – гласила Декларация. Журнал “Democratic Review” нередко ставил на первый план не только права человека, но и «права наций». Как утверждал автор статьи «Кризис в Европе», в процессе борьбы с Великобританией была рождена нация. Сначала североамериканские колонисты сражались за свои права, но когда была пролита кровь, друг другу стали противостоять «с оружием в руках» две нации. Это был в значительной степени конструкт публициста. Историки спорят по поводу того, когда возникла американская нация, однако

очевидно: слов «нация», «американцы» Декларация независимости не содержала. Правда, далее автор склонен рассматривать США не как единую нацию, а как союз, конфедерацию свободных, независимых штатов-республик, «конгресс представителей всех наций»⁹. Подобный взгляд на североамериканскую республику как на систему государств, акцент на ее роли в общей «семье народов», ее взаимодействия с другими нациями близок к заключениям ряда современных американских исследователей¹⁰.

Сэндерс и его друзья делали упор на тот вклад, который внесли в борьбу североамериканских колонистов европейские демократы. Как утверждал Д. Райлли (в 1850–1851 гг. он сотрудничал с вигским журналом “American Whig Review”), европейцы «приезжали к нам тысячами». Героями революции, поборниками принципов национальности и республиканизма объявляются уроженец Ирландии Р. Монтомгери, шотландский моряк Дж.П. Джонс, а также поляк Т. Костюшко, англичанин, автор нашумевшего памфлета «Здравый смысл» Т. Пейн, прусский военный офицер, генеральный инспектор Континентальной армии Ф. Стейбен, уроженец Баварии И. де Калб и, конечно же, маркиз де Лафайет. Отнюдь не всегда, как показывают современные исследователи, европейцы руководствовались лишь идеалистическими побуждениями, отправляясь на помощь колонистам в Северной Америке. Однако публицисты “Democratic Review” не жалели эпитетов для характеристики героев. П. Джонсу, к примеру, была посвящена отдельная статья-панегирик¹¹.

Большое значение придавалось помощи Франции. Сэндерс в «Обращении к народу Франции» (октябрь 1854 г.) подчеркивал тесные узы, связывавшие Францию и США. Американская молодежь, отмечал он, боготворит Лафайета. В духе некоторых идеологов Юга редактор “Democratic Review” усматривал аналогии между «правами штатов» (states' rights) и «правом наций», между положением рабов в Соединенных Штатах и участью «миллионов белых рабов» – итальянцев, венгров, поляков, страдающих от тирании¹².

Формировавшийся в журнале миф о «европейском лике» Американской революции, ее «национальной» окрашенности, обращение к Ваттелю можно объяснить «социальными рамками» настоящего. «Молодые» демократы оказывали поддержку иммигрантам из Старого Света, «угнетенным национальностям» Европы, в особенности венгерскому, итальянскому, ирландскому, польскому национальным движениям середины XIX столетия. Надо иметь в виду, что в это время более трети населения Нью-Йорка составляли люди, родившиеся вне пределов Соединенных Штатов.

После поражения революционного движения в Европе некоторые его участники, «поколение 1848 года», эмигрировали за океан; Демократическая партия стремилась привлечь их голоса. Многими «младоамериканцами» в известном смысле признавалась полиэтничность, как бы мы сейчас сказали, белой Америки.

Ч.Ф. Хеннингсен¹³ обращает внимание на многонациональный характер Австрийской, а также Российской, Османской империй, присутствие различных «рас» и «национальностей» в самой Венгрии, на польский вопрос. Однако о «темной стороне» принципа национальностей, проявившей себя в данный период, в частности о мадьярском национализме, он не говорит. Англичанин, сподвижник правителя-президента Венгрии, он в первую очередь руководствуется политическими соображениями, делая акцент на общем неприязненном отношении невенгерских народностей к Габсбургам в 1852 г. и их поддержке Кошута. Поражение венгерской революции объясняется главным образом предательством генерала Гёргея, подстрекательской политикой Австрии, действиями России. Отмечается готовность национальных меньшинств к выступлению против абсолютизма¹⁴.

С другой стороны, европейские революции 1848–1849 гг. представлялись наследницами революционного опыта США. Последняя приобретает «универсалистский» характер: она начала республиканский эксперимент, политические преобразования в мировом масштабе. В «Democratic Review» использовались термины «универсальный», «универсализм», говорилось об «универсальных принципах прав человека». Колонисты, заявил Р. Стоктон, сражались «не только за наши собственные интересы, но за интересы и счастье всей человеческой семьи»¹⁵. В то же время это радикальная революция, революция с заглавной буквы, в которой большую роль играл народ, «рабочие классы» (о социальном законодательстве Французской республики «молодые» демократы предпочитали в основном не упоминать либо говорили с оттенком осуждения). Победа досталась дорогой ценой – жизнями множества молодых людей, лишениями народа. «Отцы-основатели», отмечал Сэндерс, были «крещены» океанскими штормами и пролитой кровью»; Лафайет и Костюшко вели борьбу за всеобщие права человека. Однако, как показывают материалы журнала, Американская революция еще не стала в их сознании, выражаясь языком американского социолога Р. Беллы, «гражданской религией». Публицисты не скрывают своих симпатий к Т. Джефферсону в противовес позднему Дж. Вашингтону¹⁶.

Как утверждал один из публицистов, народные массы в Старом Свете в середине XIX в. руководствовались теми же мотивами, что и

североамериканские колонисты в 1776 г. Р. Блюм, лидер левого крыла Франкфуртского национального собрания (он был расстрелян в ноябре 1848 г.), стал мучеником за дело революции в коллективной памяти не одних только европейских – французских и немецких – демократов¹⁷. В январском номере журнала за 1852 г. появилась поэма «Блюм живой!», где немецкий демократ ставился в один ряд с Вашингтоном, Костюшко, Монтгомери, Кошуттом¹⁸. Таким образом, «весна народов» приобретала международное значение, а Американская революция – трансатлантическое измерение.

По заключению американского историка Т. Робертса, после первоначального энтузиазма в связи с событиями в Европе наступил очередной цикл разочарований, доктрина американской исключительности укрепила свои позиции в сознании большинства американцев. Но в дальнейшем, приходит к выводу автор, трансатлантический диалог был продолжен реформаторами, противниками особого института, в том числе поколением 1848 г., немецкими иммигрантами, которые истолковывали борьбу по вопросу о рабстве в контексте европейского революционного опыта. Таким образом, сама Гражданская война в интерпретации ученого явилась американским ответом на революции середины XIX в. в Старом Свете, вызовом концепции «американской исключительности»¹⁹. В этой связи подчеркнем, что и в 1852 г. он опровергал тезис о неподготовленности европейских народов к республиканским институтам.

В связи с дискуссиями в Конгрессе о внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов в отношении Европы (в январе 1852 г. сенатором-вигом Дж. Кларком были выдвинуты резолюции о невмешательстве) как приверженцы «Молодой Америки», так и ее противники часто апеллировали к «Прощальному обращению» Дж. Вашингтона 1796 г. Данный документ по-разному интерпретируется исследователями²⁰. Иногда он рассматривается как один из краеугольных камней американской политики изоляционизма. Согласно П. Сулэ и И. Уолкеру, в его основу легли принципы Прокламации о нейтралитете 1793 г. Это была временная мера, попытка избежать вовлечения США в вооруженный конфликт между Францией и Великобританией. Вашингтон, заявил Сулэ, вовсе не был поборником «бездейственной», «осторожной» политики. Сенатор из Луизианы иронично отзывался о тех, кто говорил об изоляции (*isolation*) в то время, когда «наши плавучие дворцы могут добраться от одного континента к другому за меньшее время, чем требовалось нашим отцам пятьдесят лет назад совершить путешествие из Буффало в Филадельфию»²¹.

Уолкер в декабре 1851 г. также выступил решительным сторонником отказа от «неполитичной, немудрой и несправедливой системы нейтралитета». По его мнению, ни Вашингтон, ни другие «отцы-основатели» не считали, что «курс (здесь и далее курсив мой. – М. С.) на нейтралитет, проводившийся в детские годы североамериканской республики, станет основным *принципом* политики США в период их возмужания». «Я, – заявил он, – выступаю за свободу и свободные институты, против рабства и деспотизма во всем мире...»; «такая политика согласуется с соображениями безопасности, с нашими интересами и справедливостью». Возможно, столь смелые высказывания сенатора можно объяснить вотумом недоверия Уолкеру, объявленным висконсинской легислатурой в 1849 г.: политик не выполнил соглашение, по которому обязывался голосовать в Конгрессе против любых предложений, направленных на распространение невольничьего труда на территории Новой Мексики и Калифорнии. Как считает американский историк М. Керти, Уолкер в целом занимал непоследовательную позицию в отношении проблемы рабства²².

Основной акцент рядом «прогрессивных» демократов делается на близость Америки к Западной Европе и, соответственно, на роль Атлантического океана. Последний выступает как некое пространство, связывающее Старый и Новый Свет. Меняется само понятие времени: оно ускоряется, пространство между континентами сжимается. По словам Райлли, «каждый день Атлантический океан, разделяющий нас, становится все меньше...»; «мы с Европой превращаемся в единое целое»; «мы ближе к любой европейской нации, нежели Джефферсон в Монтичелло (поместье третьего президента США в Виргинии. – М. С.) когда-либо был к Нью-Йорку»²³. Сближение Старого и Нового Света объясняется технологическими новшествами, в частности изобретением телеграфа, развитием средств коммуникаций, в особенности установлением регулярного паромного сообщения между Америкой и Европой, строительством сети железных дорог, а также появлением дешевой прессы, так называемый пенни-пресс.

Атлантический океан приобретает в “Democratic Review” новую характеристику. Это, оказывается, «дорога наций». Как писал один из авторов, апостол «принципов национальности и республиканизма» П. Джонс завещал «нашему современному миру» (modern world) взгляды на океан как на «дорогу наций» (highway of nations)²⁴. Принципы национальности и республиканизма ассоциируются с идеями молодости и прогресса. Проводятся параллели между молодым возрастом лидеров Американской революции и

участников революционной организации «Молодая Европа» (основана Дж. Мадзини в 1834 г.). Джефферсон, утверждает автор, перенес дух «демократического прогресса» в Филадельфию и воплотил его в Декларации независимости, став лидером «Молодой Америки»²⁵.

Иными словами, национальный принцип, в видении ряда «молодых» демократов, подразумевает совпадение политических и этнических границ, он неотделим от республиканизма и современности (а по мнению К. Бейли, во многом собственное осознание принадлежности к современности означает, что ты на самом деле современен²⁶). Подобное понимание принципа национальности в определенном смысле перекликается с выводами современных исследователей, которые связывают возникновение национального сознания с урбанизацией, индустриализацией, распространением печатной продукции²⁷.

Выдвигая на первый план идеологическое противостояние абсолютизма и республиканизма, некоторые демократы развивают мысль о необходимости объединения в борьбе против деспотизма относимых к «западной цивилизации» свободолюбивых народов²⁸. Ментальное географическое разделение Европы, настойчивые попытки формирования образа врага подтверждают заключения ряда современных исследователей о том, что само понятие «Восточная Европа» было неким социальным и культурным конструктом, «изобретенным» в условиях противопоставления «цивилизованной» Западной Европы Восточной (В.И. Журавлева в своей недавно вышедшей в свет блестящей монографии подвергает глубокому анализу работы Э. Саида, Л. Вульфа, И. Нойманна и других ученых, посвященные этой проблематике²⁹). Американский исследователь М. Бейкер полагает, что именно работа Хеннингсена «Восточная Европа и император Николай» явилась первой англоязычной публикацией, где был употреблен термин «Восточная Европа»³⁰. Думается, рассуждения младоамериканцев о национальности свидетельствуют в пользу точки зрения Б. Андерсона, который говорит о нациях как о воображаемых политических сообществах.

Старшему поколению специалистов рассуждения об особой роли Атлантического океана, вероятно, напомнят о концепции «атлантической революции». Ее формулировка принадлежит американскому исследователю Р. Палмеру и французскому историку Ж. Годшо, которые на X Международном конгрессе в Риме в сентябре 1955 г. выступили с совместным докладом «Проблема Атлантики с XVIII по XX в.» (выдвинутые учеными идеи в дальнейшем были ими развиты). Революции XVIII в., прежде всего

Американская и Французская, рассматривались как феномен, присущий «атлантической» цивилизации, (ее основу составляет Атлантический океан). Согласно Палмеру, в конце XVIII в. вся «западная», или «атлантическая цивилизация», т. е. главные государства Западной Европы и Соединенные Штаты, «омываемые» Атлантическим океаном, были охвачены единым революционным движением (которое проявляло себя в разных формах), «демократической революцией»³¹.

Прилагательное «трансатлантический» в “Democratic Review” использовалось, но словосочетаний «эра революций», «атлантический мир», «атлантическое сообщество» в риторике «прогрессивных» демократов не удалось обнаружить. Однако, представляется, ими высказывались идеи, созвучные теории «атлантической революции». Термин «атлантическое сообщество», считает Б. Бейлин, впервые появился в журнале “New Republic” (февраль 1917 г.) в редакционной статье влиятельного молодого журналиста, социолога У. Липпмана, обосновывавшего необходимость вмешательства США в Первую мировую войну на стороне союзников³². По его словам, «безопасность атлантического пути – это то, за что Америка должна сражаться», ведь «на обоих берегах Атлантического океана образовалась прочная ткань общего интереса, соединившая весь западный мир»³³; «мы не можем предать атлантическое сообщество».

«Младоамериканцы» проводили аналогии между Американской революцией (иногда Французской конца XVIII в.) и европейским революционным движением середины XIX столетия. Латиноамериканские революции в этой связи не рассматривались; глобальное видение революционного процесса отсутствовало³⁴; на афроамериканцев, мексиканцев, индейцев ценности западной цивилизации не распространялись. «Молодые» демократы отличались особенной нетерпимостью в отношении темнокожих (и аболиционистов), резко высказывались против ассимиляции. Но в определенной степени в толковании Сэндерса и ряда его друзей Западная Африка, Карибский регион взаимодействовали с североамериканской республикой. Некоторые авторы развивали мысль о необходимости «завоевания» западной части африканского континента свободными «цветными». Позднее чернокожие (он называл их американо-африканцами), индейцы, мексиканцы вынуждены покориться американской цивилизации, а рабам суждено быть постепенно вытесненными в Южную Америку или на Кубу³⁵.

Революционные события в Старом Свете ставились в один ряд с расширением «зоны свободы» «прежде всего в Северной и Латинской Америке» в соответствии с концепцией «предопределения

судьбы», прогресс отождествлялся с экспансией. Война с Мексикой (1846–1848), которая вводилась и в контекст революционного опыта США, как утверждалось, служила отправной точкой для европейских революций. Многие сторонники «Молодой Америки» поддерживали флибустьерские экспедиции на Кубу. “New York Times” связывала имена Сулэ, Сэндерса, О’Салливена с тайным «Орденом одинокой звезды» (создан в 1851 г.), одной из целей которого была аннексия Кубы. В “Democratic Review” члены Ордена представлялись смелыми, бескорыстными защитниками свободы и независимости Кубы, наследниками героев 1776 г.³⁶

Таким образом, при обсуждении европейских революций середины XIX в. «молодые» демократы нередко вспоминали об основополагающем событии собственной истории. При этом Американская революция понималась и как война за национальную идентичность, что сближало ее с национально-освободительным движением в Старом Свете, и как борьба за учреждение республиканизма, за права человека во всемирном масштабе, как революция, отличающаяся радикальным характером. На первый взгляд представляется, что конструировавшиеся сторонниками «Молодой Америки» образы собственной революции XVIII в., с одной стороны, как национальной, а с другой – как универсалистской, вступают в противоречие друг с другом. Однако надо иметь в виду, что многие демократы в Европе и в Соединенных Штатах в то время еще не противопоставляли нацию человечеству, не проводили жесткого разграничения между национальными и всеобщими ценностями. К примеру, Шилдз, выступая в Сенате в декабре 1851 г., приходил к выводу, что Венгрия «вела битву за национальность в интересах всего цивилизованного мира». Универсум подразумевал плюрализм национальных культур, включал отдельные нации в общую «семью народов». Подобное отождествление национально-го с интернациональным особенно характерно для Дж. Мадзини, а также для польской демократической мысли указанного периода, в чем иногда усматривается влияние романтизма³⁷.

Публицисты “Democratic Review” и после поражения революционного движения в Старом Свете в середине XIX столетия рассматривали европейские революции в контексте собственного опыта, подчеркивали международную значимость Американской революции. Они ощущали себя частью трансатлантического сообщества. Сам Атлантический океан приобретал в их репрезентации особое значение. Ряд «прогрессивных» демократов отстаивали, как бы мы сейчас сказали, идею «атлантической революции», своего рода «Атлантики наций». Исследователь «Молодой Америки»

Й. Йел полагает, что эта группировка не смогла в конечном итоге занять доминирующее положение в Демократической партии³⁸. Все же можно предположить, что ее идеи оказывали определенное влияние на часть американской общественности, в особенности на европейских иммигрантов Нью-Йорка представителей Среднего Запада, некоторых южан.

Примечания

- ¹ *Körner A.* The European Dimension in the Ideas of 1848 and the Nationalization of Its Memories // 1848: A European Revolution? International Ideas and National Memories of 1848 / Ed. by A. Körner. Basingstoke; L.; N. Y.: Macmillan; St. Martin's press, 2000. P. 20–21; см. также: *Koselleck R.* How European Was the Revolution of 1848/49? // Ibid. P. 209–221; *Pogge von Strandmann H.* 1848–1849: A European Revolution? // The Revolutions in Europe 1848–1849 from Reform to Reaction / Ed. by R.J.W. Evans and H. Pogge von Strandmann. Oxford: Oxford University press, 2000. P. 1–8; *Haupt H.-G., Langewiesche D.* The European Revolution of 1848: Its Political and Social Reforms, Its Politics of Nationalism, and Its Short- and Long-Term Consequences [Электронный ресурс] // Europe in 1848 Revolution and Reform / Ed. by D. Dowe et al. Oxford; N. Y: Berghahn Books, 2001. URL: <http://books.google.ru/books?id=B3qRFCn5CHoC&printsec=front-cover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 01.07.2013).
- ² The Neutrality Law: What Does It Mean, What Prohibit and What Permit? [Электронный ресурс] // Democratic Review (далее – DR). 1852. June. Vol. 30. № 168. P. 499. URL: <http://ebooks.library.cornell.edu/u/usde/usde.1852.html> (дата обращения: 01.07.2013).
- ³ Congressional Globe. 32 Congress. 1st Session [Электронный ресурс] // The Library of Congress. URL: <http://memory.loc.gov/cgi-bin/ampage?collId=llcg&fileName=027/llcg027.db&recNum=151> (дата обращения: 01.07.2013). P. 70–71.
- ⁴ Работа издана на французском языке в 1758 г. и через два года переведена на английский под названием «Право наций».
- ⁵ *Ваттель Э. де.* Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1960. С. 25–26, 30–32, 221, 242–244; и др.
- ⁶ Отечественные историки уделяли большое внимание Американской революции. Из последних работ см., напр.: *Согрин В.В.* Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с.; *Он же.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М.: Весь мир, 2011. 368 с.; и др.
- ⁷ The Roman Republic – “Rome to America” // DR. 1852. Apr. Vol. 30. № 166. P. 339.
- ⁸ Цит. по: Словарь американской истории с колониальных времен до первой мировой войны / Под ред. А.А. Фурсенко. СПб.: Изд-во Д. Буланин, 1997. С. 697.

- ⁹ The Crisis in Europe. Number Two. Intervention of the United States // DR. 1852. June. Vol. 30. № 168. P. 560, 567.
- ¹⁰ *Totten R.J.* Security, Two Diplomacies, and the Formation of the U.S. Constitution: Review, Interpretation, and New Directions for the Study of the Early American Period // *Diplomatic History*. 2012. Jan. Vol. 36. № 1. P. 77–117. Ранние США, считает автор, являлись в определенном смысле не нацией-государством, а системой государств в рамках международной системы. Он, как и некоторые другие специалисты, например Д. Армитэдж (*Armitage D.* The Declaration of Independence A Global History. Cambridge; L.: Harvard Univ. press, 2007. 300 p.), делает упор на международное положение североамериканской республики.
- ¹¹ America and Europe: “Peace” and “Foreign Relations” [Электронный ресурс] // *American Whig Review* (далее – AWR). 1851. March. Vol. 13. № 75. P. 253. URL: <http://ebooks.library.cornell.edu/a/amwh/> (дата обращения: 01.07.2013); The Crisis in Europe. Number Two... P. 562; Eighteen-Fifty-Two and the Presidency // DR. 1852. Jan. Vol. 30. № 163. P. 6–7; Paul Jones // DR. 1852. Febr. Vol. 30. № 164. P. 153–168.
- ¹² Americans in Europe. Another Letter from George N. Sanders. Address to the People of France // *New York Times*. 1854. Oct. 27; Kossuth Against the Slavery Agitation... // *Ibid.* 1854. June 24.
- ¹³ Речь идет, в первую очередь, о его работах «Прошлое и будущее Венгрии» (1852), «Восточная Европа и император Николай» в трех томах (1846). О Хеннингсене см.: *Сиротинская М.М.* «Солдат удачи» по обе стороны Атлантики: жизненный путь Чарльза Фредерика Хеннингсена [Электронный ресурс] // *История: электронный научно-образовательный журнал*. 2010. Вып. 4. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000108-7-3> (дата обращения: 01.07.2013).
- ¹⁴ *Henningsen C.F.* The Past and Future of Hungary: Being Facts, Figures, and Dates, Illustrative of the Past Struggle, and Future Prospects [Электронный ресурс]. Cincinnati: E. Morgan, 1852. P. 3, 13–15, 51–53; etc. URL: <http://archive.org/stream/pastandfuturehu02henngoog#page/n7/mode/2up> (дата обращения: 01.07.2013).
- ¹⁵ The Crisis in Europe. Intervention of the United States // DR. 1852. May. Vol. 30. № 167. P. 401; [*Stockton R.F.*] Remarks of Hon. R.F. Stockton, of New Jersey, upon Non-Intervention. Delivered in the Senate of the United States, February 2, 1852. Washington: J.T. Towers, 1852. P. 3.
- ¹⁶ Progress of Democracy, vs Old Fogy Retrograder. Speech of Marshall, of California // DR. 1852. Apr. P. 295.
- ¹⁷ *Körner A.* Ideas and Memories of 1848 in France: Nationalism, République Universelle and Internationalism in the Goguettes between 1848 and 1890 // 1848: A European Revolution? P. 85–86.
- ¹⁸ Blum Lives! // DR. 1852. Jan. P. 36–37.
- ¹⁹ *Roberts T.M.* Distant Revolutions 1848 and the Challenge to American Exceptionalism. Charlottesville; L.: Univ. of Virginia press, 2009.

- 20 Серьезный историографический анализ Прощального послания проведен М.О. Трояновской: *Трояновская М.О.* Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823). М.: Весь мир, 2010. С. 103–119.
- 21 *Soule P.* Speech of Mr. Soule, of Louisiana, on Non-Intervention, Delivered in the Senate of the United States, March 22, 1852. Washington: J.T. Towers, 1852. P. 36.
- 22 *Congressional Globe.* 32 Congress. 1st Session. P. 105; *Curti M.* Isaac H. Walker: Reformer in Mid-Century Politics // *Wisconsin Magazine of History.* 1950. Aut. Vol. 34. № 1. P. 3–6, 58–62.
- 23 *Russian Ambition* // *AWR.* 1850. Dec. Vol. 12. № 36. P. 632; *America and Europe...* P. 257.
- 24 *Progress of Democracy...* P. 292.
- 25 *Mazzini – Young Europe* // *DR.* 1852. Jan. P. 41–42; *Congress, the Presidency, and the Review* // *Ibid.* 1852. March. Vol. 30. № 165. P. 205, 215; *The Issue* // *Ibid.* P. 286–287 etc.
- 26 *Bayly C.A.* The Birth of the Modern World 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Malden; Oxford; atal.: Blackwell Publishing, 2004. P. 10.
- 27 *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 2001. 288 с.
- 28 Д. Райлли ведет речь о «западной цивилизации», «западном мире». Автор статьи в “*Democratic Review*”, осуждая интервенцию России в Венгрию, говорит о «цивилизованной» «западной» Европе: *Russian Ambition...* P. 632; *America and Europe...* P. 253; *Intervention* // *DR.* Jan. 1852. P. 57.
- 29 *Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. С. 14–21.
- 30 *Бейкер М.* Один человек «Восточную Европу» не создаст, но может попытаться: Чарльз Фредерик Хеннингсен и идеологическое конструирование Восточной Европы (*Baker M.* One Man Cannot an “Eastern Europe” Make, but He Can Certainly Try: Charles Frederick Henningsen and the Ideological Construction of Eastern Europe // *Ab Imperio.* 2003. № 1. С. 524).
- 31 *Palmer R.R.* The Age of the Democratic Revolution A Political History of Europe and America, 1760–1800: In 2 vols. Vol. 1. Princeton: Princeton Univ. press, 1959. P. 4, 13; *Godechot J.* Les révolutions (1770–1799). P.: Presses Universitaires de France, 1963. P. 1–2; *Idem.* Les révolutions de 1848. P.: Editions Albin Michel, 1971. P. 34–35.
- 32 *Bailyn V.* Atlantic History: Concept and Contours. Cambridge; L.: Harvard Univ. press, 2005. P. 7.
- 33 Цит. по: *Печатнов В.О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М.: Международные отношения, 1994. С. 63.
- 34 Современными историками изучаются в глобальном контексте взаимосвязь, взаимозависимость путей развития различных стран в «эру революций».

- См., напр.: *The Age of Revolutions in Global Context, c. 1760–1840* / Ed. by D. Armitage, S. Subrahmanyam. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 336 p.
- ³⁵ *King W.R.* The Conquest of Africa // DR. 1852. Aug. Vol. 31. № 170. P. 102–105; The Cuban Debate // DR. 1852. Nov.–Dec. Vol. 31. № 173–174. P. 440–441.
- ³⁶ The Lone Star Cuban Filibusters // *New York Times*. 1853. Aug. 6; Seintillations from the Lone Star // *Ibid.* 1855. March 13; The Order of the Lone Star // DR. 1853. Jan. Vol. 32. № 1. P. 80–83.
- ³⁷ *Congressional Globe*. 32 Congress. 1st Session. P. 55; *Walicki A.* The Problem of Revolution in Polish Thought, 1831–1848/49 // *The American and European Revolutions, 1776–1848: Sociopolitical and Ideological Aspects* / Ed. with Introd. by J. Pelenski. Iowa City, 1980. P. 290–291.
- ³⁸ *Eyal Y.* The Young America Movement and the Transformation of the Democratic Party, 1828–1861. Cambridge: Cambridge Univ. press. 2007. P. 11.

А.Г. Сенокосов

РОЛЬ «ЛИБЕРАЛ-ПАЦИФИСТОВ»
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

Статья посвящена изучению феномена «либерал-пацифистов», оказывавших заметное влияние на содержание и направленность внешнеполитического курса Великобритании накануне Первой мировой войны. Автор анализирует состав группировки «либерал-пацифистов», их цели, методы и специфику деятельности, оценивает степень их влияния на английскую внешнюю политику 1911–1914 гг. Особое внимание уделяется воздействию «либерал-пацифистов» на состояние англо-германских отношений в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Антанта, МИД Великобритании, радикалы.

В данной статье автор намерен обратиться к тематике британской внешней политики накануне Первой мировой войны. Внешнеполитический курс Великобритании в период 1911–1914 гг. претерпевал изменения. Под влиянием растущих англо-германских противоречий продолжалось сближение, в рамках Антанты, с Францией и Россией. Этот процесс завершился вступлением Англии в войну против Германии. Проблема англо-германских отношений занимала в рассматриваемый период центральное место при выработке внешнеполитического курса правящей элитой Великобритании. На содержание и направленность данного курса известное влияние оказывали существовавшие в правительственных кругах и общественном мнении разногласия по вопросу об отношении к Германии. Их отражением служил феномен так называемой радикальной оппозиции¹. Общепринятая в научной литературе точка зрения отводит «либерал-пацифистам» место оппонентов официального курса на сближение с Францией и Россией, против-

ников Антанты, выступавших в пользу соглашения между Англией и Германией.

Следует обратить внимание на неоднозначное положение, существующее в историографии вопроса. Отечественные авторы уделили относительно мало внимания проблеме радикальной оппозиции в английской внешней политике. До сегодняшнего дня отсутствуют какие-либо специализированные исследования, о «либерал-нейтралистах» упоминалось лишь вскользь и мимоходом, без попыток глубокого анализа. Напротив, в зарубежной научной литературе имеется значительное количество работ, прямо или косвенно освещающих активность британских нейтралистов. Различные стороны их деятельности рассматриваются в работах Д. Коллинз, З. Стейнер, К. Вильсона и других². О. Хэйл и С. Косс посвятили свои исследования британской прессе и ее взаимосвязям с политическими и дипломатическими кругами³. Наконец, упомянем А. Морриса, специально исследовавшего деятельность радикалов в период 1900–1914 гг.⁴ Вместе с тем необходимо заметить, что несмотря на значительное количество имеющихся работ до сих пор не существует ясности в вопросе о реальной внешнеполитической программе нейтралистов и их фактической роли в предвоенной британской внешней политике.

С учетом вышесказанного автору данной статьи представляется необходимым уточнить ряд спорных вопросов, на которые до сих пор не имеется четкого ответа в существующей историографии. Во-первых, выявить суть предлагаемой «нейтралистскими» лидерами программы действий на международной арене, ее отличий от официального (фактически осуществляемого) курса. Во-вторых, определить роль и место радикальной оппозиции в механизме выработки правящей элитой внешнеполитического курса Великобритании.

При изучении событий предвоенного периода 1911–1914 гг. необходимо учитывать как своеобразие международной обстановки, так и внутреннее положение Великобритании. Выйдя из состояния «блестящей изоляции», Британская империя заключила соглашения 1904–1907 гг. с Францией и Россией, знаменовавшие образование Тройственной Антанты. В основе объединения трех столь различных по своим интересам великих держав лежало их общее стремление воспрепятствовать гегемонистским устремлениям Германии. Сошлемся в этой связи на Д. Спендера, утверждающего, что «политика Великобритании в эти годы отличалась двойственностью, проистекающей из сомнения, является ли она европейской державой в том смысле, в котором ее европейские соседи понимали

данное выражение, и это сомнение разрешалось характерным компромиссом, оставлявшим ее наполовину в Европе и наполовину вне ее (*half in and half out of Europe*). Англия имела свои союзы, но, как она неустанно повторяла себе, ни один из них не обязывал ее вступить в войну без предварительного решения правительства и парламента»⁵.

Британское правительство, взяв на себя определенные обязательства по координации своих действий на международной арене с Францией и Россией, стремилось в то же время сохранить для себя свободу рук. Необходимым условием подобной политики оставалось поддержание безусловного военно-морского превосходства, для чего в условиях соперничества с Германией требовалось непрерывное наращивание вооружений. Положение осложнялось сложной внутривнутриполитической обстановкой в стране (ирландский вопрос, забастовочное движение, выступления суфражисток).

Отличительной чертой сложившейся ситуации было и то, что в рядах правящей Либеральной партии не было единства по вопросам внешней политики. Решающее слово при определении внешнеполитического курса принадлежало группировке так называемых «либерал-империалистов» – сторонников сдерживания Германии. Они занимали ключевые посты в правительстве и опирались на поддержку Консервативной партии, дипломатического, военного и военно-морского ведомств и короля. Вместе с тем в рядах либералов были сильны позиции так называемых пацифистов, критиковавших антигерманские действия правительства на международной арене. Их программа, как следовало из официальных заявлений лидеров нейтраллистов и как сама она воспринималась большинством современников, предполагала установление дружественных отношений с Германией.

Либерал-пацифисты составляли большинство в Либеральной партии. Они не имели доступа к принятию важнейших решений, формировавших внешнеполитический курс Великобритании. В то же время они располагали возможностями для влияния на общественное мнение страны, прежде всего через поддерживавшие их органы печати. Показательно в этой связи замечание К. Роббинс, утверждающей, что «в период до 1914 г. существовало широко распространенное убеждение, что общественное мнение может решающим образом воздействовать на внешнюю политику, но не существовало каких-либо конституционных гарантий, обеспечивавших подобную возможность»⁶.

Для влияния на общественное мнение нейтраллисты располагали достаточно широкими возможностями. «Радикалы, – отмечает

А. Моррис, – имели в своих рядах многих публицистов, обладавших исключительными литературными способностями. Это был период, не имевший аналогов в истории “радикального” журнализма, объединивший таланты таких разных людей, как А. Гардинер, Х. Мэссингем, Брэйлсфорд, Херст и огромного количества литературных светил меньшего масштаба»⁷. Пропаганда либерал-нейтралистских взглядов велась со страниц газет «Манчестер Гардиан» и «Дейли Ньюс», журналов «Нейшн» и «Экономист». Особо следует выделить последнее издание, отличавшееся высоким уровнем публикаций и большим объемом зарубежной информации, что делало «Экономист» одним из наиболее авторитетных периодических изданий по внешней политике. Публикации «Экономиста» имели важное значение для координации действий либерал-пацифистов, располагавших сильными позициями в правительстве, Палате общин и Либеральной партии, но не имевших какой-либо собственной организации и авторитетных лидеров.

А. Моррис выделяет три ключевых фактора, приведших, по его мнению, к слабости радикальной оппозиции. Во-первых, растущая внутриполитическая напряженность вынуждала оппозиционеров проявлять сдержанность в критике своих коллег по кабинету. Во-вторых, они не могли позволить себе подвергать опасности существование правительства, с которым были связаны их собственные судьбы как членов правящей партии. Наконец, в-третьих, в их сознании партийная лояльность вступала в противоречие с избранными приоритетами. Приверженность многих либерал-пацифистов идеалам мира была чисто эмоциональной. В конечном итоге при необходимости принять окончательное решение в пору национальной угрозы в большинстве своем они поддерживали сторонников вмешательства Англии на стороне Антанты⁸.

Непоследовательность либерал-пацифистов, по мнению исследователей данного вопроса, превращала радикальную оппозицию в своеобразную «группировку мнения», не способную к каким-либо решительным действиям. Моррис называет их «заслуженными, но в конечном счете неэффективными» критиками, отмечая, что «“голос радикализма” был громом и слышен повсюду, но это всегда был голос разочарования, отражавший непопулярные взгляды меньшинства»⁹.

Рассмотрев особенности либерал-пацифистского движения так, как это представлено в западной историографии, попытаемся теперь определить реальное место радикалов в механизме формирования британской внешней политики 1911–1914 гг. Для этого

проанализируем их позицию в ходе ключевых предвоенных международных кризисов в Европе.

Верхней хронологической границей настоящего исследования служат события Агадирского кризиса. Июль 1911 г. стал определенным рубежом, впервые продемонстрировавшим британскому обществу всю сложность международного положения. Великобритания была вынуждена вмешаться во франко-германский спор из-за Марокко, заявив устами своих государственных деятелей о своей решимости поддержать Францию, вплоть до применения вооруженной силы. Ход и исход кризиса подробно изложены в соответствующих исследованиях¹⁰. Пиковым моментом кризиса стало 21 июля, когда министр финансов Великобритании Д. Ллойд-Джордж выступил с воинственной речью, публично угрожая Германии войной.

В критической ситуации нейтралистское большинство либерального кабинета поспешило присоединиться к позиции империалистов, продемонстрировав единство и сплоченность английского правительства перед лицом возникшей военной угрозы. Х. Вейнрот в связи с этим отмечает: «Рассматривая реакцию (радикалов. – А. С.) по отношению к кризисной ситуации в Марокко, следует задаться вопросом, была ли необходима “Бельгия”, для того чтобы одобрить решение правительства включиться в военные действия на континенте ради поддержки европейского баланса сил? Ответ должен быть – “нет”»¹¹.

Твердая позиция Великобритании поставила в тупик германское политическое руководство. Оказавшись перед лицом объединенного англо-французского фронта (за спиной которого маячила связанная с Францией союзническими обязательствами Россия), Берлин был вынужден отступить. Итогом франко-германских переговоров стало соглашение от 4 ноября 1911 г., дававшее Германии в качестве компенсации за признание протектората Франции над Марокко лишь небольшой участок территории в Центральной Африке.

По мере урегулирования Агадирского кризиса нейтраллисты развернули настоящую кампанию в прессе с целью улучшения англо-германских отношений. Они обвиняли правительство в заключении секретных соглашений с Францией, обязывавших Великобританию прийти к ней на помощь в случае войны. Почти вся либеральная пресса, за исключением “The Westminster Gazette”, выступала под лозунгом «Грей должен уйти!»¹² Так, например, журнал “The Economist” заявлял: «Позвольте нам иметь официальный отчет о наших соглашениях и обязательствах»¹³. По

требованию радикальных парламентариев были организованы дебаты по внешней политике в Палате общин. Одновременно нейтралистское крыло в правительстве большинством голосов (15 против 5) вынудило кабинет вынести решение о том, что ни при каких обстоятельствах английские солдаты не будут посланы на Европейский континент¹⁴.

Скоординированные действия нейтралистов в прессе, парламенте и кабинете министров возымели определенный эффект. Реагируя на обвинения в тайной дипломатии, правительство объявило о публикации секретных статей соглашения 1904 г. с Францией о Египте и Марокко. Уже 24 ноября 1911 г. их содержание стало достоянием общественности. Статьи предоставляли обеим державам свободу действий в пределах своей сферы влияния вплоть до эвентуального права протектората или аннексии этих территорий. Комментируя эту публикацию в Палате общин, Э. Грей заявил об отсутствии каких-либо дополнительных соглашений, связывающих Англию с державами Антанты, и объяснил поддержку Франции в Агадире соображениями поддержания баланса сил в Европе¹⁵. После этого кампания в либеральной прессе с требованием ухода Э. Грея немедленно была прекращена.

По мнению К. Вильсона, развернутая нейтралистами активность оказала заметное влияние на психологическое состояние сторонников антигерманской линии в правительстве, вынуждая их стремиться к максимальной секретности действий по укреплению союза с Францией и Россией. Сходные оценки присутствуют у Д. Коллинз и З. Стейнер¹⁶. Вместе с тем связи Великобритании с Францией и Россией не претерпели реальных изменений. Антанта продолжала существовать постольку, поскольку сохранялась угроза германской гегемонии на Европейском континенте.

В октябре 1911 г. журнал «Нейшн», к которому вскоре присоединились «Экономист» и либерал-пацифистские газеты, выступили с призывами отправить в Германию «посла мира». В феврале 1912 г. эта идея нашла свое воплощение в миссии Холдена. В ходе визита британского военного министра в Берлин предполагалось обсудить вопросы о политическом соглашении, строительстве флота и колониальных проблемах. При этом Р. Холден не имел полномочий связывать английскую политику какими-либо обязательствами в отношении Германии, которые могли поставить под угрозу существование Антанты¹⁷. По возвращении в Лондон в своей частной переписке он писал: «Направляясь в Берлин, я не имел полномочий для заключения договора. Эти вопросы имеют слишком большое значение. Я отправился лишь с целью изучить

обстановку и обсудить ее, чтобы выяснить, что можно предпринять. Как считают в кабинете, нам еще предстоит решить, что возможно сделать при нынешнем настроении британской общественности»¹⁸.

Миссия Холдена не внесла принципиальных изменений в характер англо-германских отношений. Немцы отказались обсуждать уступки в вопросе морских вооружений без получения обязательств о нейтралитете Англии в возможном европейском конфликте. В свою очередь максимум, на что была готова пойти британская сторона, – «не предпринимать неспровоцированного нападения на Германию и не преследовать по отношению к ней агрессивной политики»¹⁹. Это определило неудачу попыток заключить политическое соглашение. Тем не менее миссия Холдена привела к разрядке во взаимоотношениях Лондона и Берлина и способствовала продвижению компромиссных решений по колониальным вопросам (Багдадская железная дорога, судьба португальских колоний).

Следует отметить, что миссия Холдена, сопровождавшаяся мощной пропагандистской кампанией в радикальной прессе, не только не ослабила связи Великобритании с Францией и Россией, но, скорее, придала им новый импульс. При этом наличие нейтралистской оппозиции становилось удобным предлогом для Foreign Office всякий раз, когда его партнеры требовали уточнения союзнических обязательств в рамках Антанты. Стоило французскому послу в Лондоне П. Камбону сделать такую попытку в апреле 1912 г., ему тут же было указано на радикалов в британском правительстве и общественность, отвергающую идею каких-либо военных альянсов. Французам пришлось удовлетвориться секретным обменом дипломатическими нотами, предусматривающими лишь «взаимные консультации в случае угрозы миру»²⁰.

Развитие международной обстановки летом–осенью 1912 г. привело к началу нового серьезного кризиса, эпицентром которого стали Балканы. Последовавшие события привели к двум Балканским войнам, дальнейшему обострению противоречий между Антантой и Тройственным союзом, поставив мир на грань общеевропейского конфликта. В этих условиях наглядно проявилась еще одна черта в позиции либерал-нейтралистов – их подчеркнута негативное отношение к царской России. Традиционная для либерального мышления XIX в. русофобия, представление о России как полудивилизованной стране в новых условиях дополнялись жесткой критикой англо-русского соглашения 1907 г. и любых шагов правительства, направленных на достижение взаимопонимания с Петербургом²¹. Вот как сообщалось по этому поводу на

страницах «Экономиста» 28 сентября 1912 г.: «Мы не понимаем, почему уважающий себя британский министр иностранных дел не должен немедленно публично денонсировать эту несостоятельную англо-русскую Антанту»²². Исходя из этих установок, нетрудно заметить, что с пацифистской точки зрения не могло быть и речи о вмешательстве Англии в русско-германскую войну, не затрагивающую Западную Европу.

Сопоставляя нейтралистские установки с реальной политикой Foreign Office, можно заметить, что британская дипломатия сохраняла известную дистанцию в отношениях с Россией. Расчет делался на то, что обострение балканских проблем неизбежно выльется в рост противоречий между Российской империей Германией и Австро-Венгрией и вынудит ее искать поддержки у своих западных партнеров. В то же время продолжалось непрерывное развитие отношений с Францией, диктуемое необходимостью совместной защиты своих интересов в Европе. При этом активность либерал-пацифистов, создававших иллюзию детанта в отношениях с Германией, становилась удобным прикрытием для давления на своих партнеров по Антанте.

Окончание балканских войн привело к некоторому политическому затишью в Европе, в период которого противостоящие блоки форсированными темпами продолжали подготовку к вооруженной борьбе. В условиях нарастающего напряжения Великобритания сохраняла свою позицию как бы «над схваткой», укрепляя антигерманскую Антанту и одновременно демонстрируя Германии свою показную благожелательность. Непрерывная шумиха в радикальной прессе 1912–1913 гг. вызывала беспокойство у некоторых высших чиновников Foreign Office. Например, А. Никольсон отмечал в своем дневнике весной 1913 г., что «за последнее время значительно выросла и укрепилась партия сторонников дружественных отношений с Германией»²³. Одновременно это создавало иллюзии у германского высшего руководства, всерьез рассчитывавшего на нейтралитет Англии в возможной европейской войне.

На практике же Великобритания неуклонно вовлекалась в грядущее противостояние, о чем свидетельствовали, например, соглашение с Францией о взаимной передислокации флотов в мае 1912 г.²⁴ и соглашение Грея–Камбона от 22–23 ноября 1912 г.²⁵ В феврале 1913 г. на переговорах в Париже глава военного ведомства Г. Вильсон обсуждал уже детали переброски во Францию британского экспедиционного корпуса на случай войны.

Выстрел в Сараево 28 июня 1914 г. дал старт финальному, Июльскому, кризису, приведшему к развязыванию Первой ми-

ровой войны. Позиция либерал-пацифистов оставалась идентичной их поведению в 1911–1913 гг. и почти до самого момента вмешательства Великобритании в войну фактически совпадала с позицией правительства. Они пропагандировали идею неучастия в возможном европейском конфликте в случае, если он не будет затрагивать Западную Европу. Г. Хаттона считал: «Либерал-пацифистам казалось тогда очевидным, что Британии следует играть роль “честного брокера”, вынуждая Францию, Германию, Россию и Австрию принять английское посредничество. Европейский концерт будет поддерживать мир любой ценой. Но если концерт потерпит неудачу, если некоторые из его участников сделают войну неизбежной? Что ж, тогда Англия, имеющая, помимо европейских проблем, еще проблемы защиты своей империи, попросту выйдет из него»²⁶.

В своем послании от 26 июля 1914 г. российский посол в Лондоне Бенкендорф сообщал: «Радикалы стараются... лишить сербское дело популярности. Но нужно сказать, что даже в этом лагере *никто не критикует ни нашу позицию, ни Тройственное Соглашение, как таковое*. Однако отсюда до того, чтобы воевать, далеко. Отсюда все колебания, по крайней мере я так думаю...»²⁷.

Сопоставив поведение радикалов с политикой, которую пыталось в ходе Июльского кризиса проводить британское правительство, ведомое либерал-империалистами, можно обнаружить их принципиальное сходство. Вплоть до известия о вторжении германских войск в Бельгию глава Foreign Office отвергал возможность участия Великобритании в войне. Еще 1 августа 1914 г. на отчаянные призывы французского посла П. Камбона Э. Грей отвечал: «Настоящее положение совершенно отличается от того, которое было создано инцидентами в Марокко. Во время последних переговоров Германия предъявляла Франции требования, которые она не могла выполнить, в связи с чем мы были вынуждены взять на себя некоторые обязательства в отношении французских интересов. В тех инцидентах английское общественное мнение оправдало бы поддержку британским правительством Франции в пределах наибольшей возможности. Теперь положение таково, что Германия соглашается не нападать на Францию, если последняя останется нейтральной в русско-германской войне. Если Франция не может воспользоваться этим положением, то потому, что она связана союзом, в котором мы не участвуем и условия которого нам неизвестны. Это не значит, что мы ни при каких условиях не поддержим Францию, но это значит, что Франция в настоящий момент должна принять собственное решение, не рассчитывая на

нашу помощь, которую мы при настоящем положении вещей не в состоянии обещать»²⁸.

Германское вторжение в Бельгию решительно изменило всю обстановку. Для британского правительства стало очевидным, что конфликт не удалось локализовать Восточной Европой, что Германия, вместо того чтобы нападать на Россию (что в наибольшей степени отвечало английским интересам), наносит главный удар по Франции. Противопоставить немецкому «плану Шлиффена» можно было только немедленное вмешательство Англии в войну, в противном случае разгром Франции становился неминуемым. Соответствующее решение было принято не в силу каких-либо союзных обязательств, а на основе учета европейских и имперских интересов Великобритании, как их понимали правящие круги страны. Нарушение бельгийского нейтралитета тотчас аннигилировало либерал-пацифистскую оппозицию. Из 11 министров, которые вначале решительно возражали против участия Англии в войне, большинство сразу же изменили свою точку зрения. Лишь четыре министра подали в отставку, причем двое потом взяли свои прошения обратно²⁹.

Как указывает А. Моррис, 4 августа 1914 г., день вступления Англии в мировую войну, стал фактически последним днем в истории либерал-пацифистской оппозиции. Хотя некоторые ее лидеры (А. Понсонби, Э. Моррель и другие) продолжили свою деятельность в новых антивоенных организациях, это была уже другая критика, определяемая другими силами (прежде всего лейбористами)³⁰.

Подводя итоги, следует обратить внимание на специфику деятельности радикального крыла Либеральной партии. Прозглашая свой пацифизм и желание мира, объясняемые соображениями морального и экономического порядка, нейтраллисты никогда не были последовательны в этом отношении. В моменты серьезных кризисов радикалы выступали единым фронтом с либерал-империалистским руководством внешней политики. Широковещательные заявления о стремлении установить подлинно дружеские отношения с Германией расходились с реальными целями лидеров радикалов, намеревавшихся лишь избежать, при соблюдении определенных условий, прямого англо-германского столкновения. При этом присутствие нейтраллистов оказывалось удобной ширмой для английского внешнеполитического руководства, средством давления на своих партнеров по Антанте и одновременно элементом сдерживания сторонников чрезмерного сближения с Францией и особенно Россией (таковых было немало в оппозиционной Консервативной партии).

Результатом взаимодействия пацифистских и империалистических элементов в руководстве Либеральной партии стало то, что вплоть до самого начала Первой мировой войны английская внешняя политика, все более склоняясь к поддержке Антанты, смогла сохранить определенную свободу действий. Англия не была принуждена к участию в войне в силу автоматических союзных обязательств, а действовала, исходя из конкретно складывающейся обстановки. Эта обстановка в конечном счете продиктовала решение о вступлении Великобритании в войну, чтобы предотвратить германскую гегемонию в Европе.

Примечания

- ¹ В данной статье употребляются принятые в историографии вопроса термины «радикальная», «нейтралистская» и «либерал-пацифистская» оппозиция, которые следует считать синонимичными.
- ² См. напр.: *Collins D.* Aspects of British Politics, 1904–1919. Oxford: Pergamon Press, 1965; *Steiner Z.* The Foreign Office and Foreign Policy, 1898–1914. L., 1969; *Wilson K.* Empire and the Continent. Studies in British Foreign Policy from the 1880 to the First World War. L., 1987.
- ³ *Hale O.J.* Publicity and Diplomacy (with special reference to England and Germany 1890–1914). L.; N. Y.: Appleton-century co, 1940; *Koss S.* The rise and fall of the political press in Britain. Vol. I–II. L.: Hamilton, 1981–1984.
- ⁴ *Morris A.J.* Radicalism against war, 1906–1914. The advocacy of peace and retrenchment. L.: Longman, 1974.
- ⁵ *Spender J.A.* Great Britain: Empire and Commonwealth, 1886–1935. Westport: Greenwood Press, 1973. P. 478.
- ⁶ British Foreign Policy under Sir E. Grey / Ed. by F.H. Hinsley. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1977. P. 3.
- ⁷ *Morris A.J.* Op. cit. P. 11–12.
- ⁸ Ibid. P. 251.
- ⁹ Ibid. P. 12.
- ¹⁰ См.. напр.: *Романова Е.В.* Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1898–1914 гг. М.: МАКС-Пресс, 2008; *British Foreign Policy...*
- ¹¹ *Weinroth H.* Radicals and the balance of power, 1902–1914 // *Historical Journal.* 1970. № 4. P. 70.
- ¹² Э. Грей в рассматриваемый период занимал пост министра иностранных дел Великобритании и считался в общественном мнении главным творцом Тройственного соглашения с Францией и Россией.
- ¹³ *The Economist.* 1911. Nov. 18.
- ¹⁴ *Wilson K.M.* Op. cit. P. 27.

- ¹⁵ The Parliamentary Debates. House of Commons. L., Hansard. 5-th serie. Vol. XXXII. Col. 60–61.
- ¹⁶ *Collins D.* Op. cit. P. 123; *British Foreign Policy...* P. 26.
- ¹⁷ *Grey E.* Twenty-five years 1892 to 1916. Vol. 1. L.: Stoughton, 1925. P. 242–243.
- ¹⁸ Цит. по: *Morris A.J.* Op. cit. P. 310–311.
- ¹⁹ *British Foreign Policy...* P. 328.
- ²⁰ Cambon to Poincaré, 7 février 1912 // Documents diplomatiques français 1871–1914. 3-e série (1911–1914). T. I. 4 novembre 1911 – 7 février 1912. P., 1929. № 629.
- ²¹ См., напр.: *Brailsford H.N.* The fruits of our Russian Alliance. L.: The Anglo-Russian com., 1912. P. 59–60.
- ²² *The Economist.* 1912. Sept. 28.
- ²³ *Nicolson A.* Portrait of a Diplomatist. Boston, 1930. P. 288.
- ²⁴ Условия соглашения предусматривали перемещение части сил британской Средиземноморской эскадры в Северное море в обмен на встречную переброску французских военно-морских сил из Атлантики в западное Средиземноморье. Французы с готовностью пошли на обмен, рассчитывая на то, что данное соглашение создаст для Англии неустранимое моральное обязательство по защите их северных морских границ в случае конфликта с Германией.
- ²⁵ Соглашение Грея–Камбона представляло собой обмен нотами, в которых впервые фиксировались особые отношения, существовавшие начиная с 1904 г. между Англией и Францией. Формально оно фиксировало ранее произведенную взаимную передислокацию флотов и оговаривало необходимость взаимных консультаций на случай возможной войны в Европе. Фактически же данное соглашение, ставшее результатом предыдущей многолетней работы по уточнению взаимных обязательств сторон, вплотную приблизило их отношения к черте, за которой следовало оформление военно-политического союза.
- ²⁶ *The Economist 1843–1943. A Centenary Volume.* Oxford, 1943. P. 27.
- ²⁷ № 91. Бенкендорф – Сазонову. 26 / 13 июля 1914 г. // Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств в 1878–1917 гг. Сер. III. 1914–1917. Т. V. М.; Л., 1934. С. 122.
- ²⁸ Sir Edward Grey to Sir E. Bertie. Foreign Office, August 1, 1914. Tel. № 299 // *British Documents on the Origin of War 1898–1914.* Vol. XI. L., 1926. № 426. P. 253.
- ²⁹ *Виноградов К.Б.* Дэвид Ллойд-Джордж. М.: Мысль, 1970. С. 173.
- ³⁰ *Edwardian Radicalism, 1900–1914* / Ed. by A.J. Morris. L.: Rotledge; Kegan Paul, 1974. P. 4.

В.И. Журавлева

АМЕРИКАНСКАЯ КУКУРУЗА В РОССИИ: УРОКИ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ И КАПИТАЛИЗМА

Статья посвящена изучению «кукурузной дипломатии» в контексте российско-американских отношений с конца XIX в. до холодной войны. Внимание автора нацелено на анализ трех кейсов, связанных с попытками экспорта американской кукурузы и секретов американского кукурузоведения в Российскую империю и Советский Союз. Избранная проблематика позволяет обратиться к рассмотрению двух аспектов мессианских настроений американцев, оказывавших влияние на формирование долгосрочных трендов восприятия России в американском обществе. Экономический был связан с надеждами на заманчивые перспективы экспорта товаров, капиталов и технологий на российский рынок (русским в данном случае предлагалось изучать «уроки американского капитализма»). Гуманитарный – с превращением голодающей и отсталой России в объект помощи богатой и процветающей Америки, а американцев в «международных филантропов». В то же время один из главных выводов автора сводится к тому, что «кукурузная дипломатия» играла важную роль в расширении взаимопонимания между русскими и американцами, являясь по своей сути дипломатией народной.

Ключевые слова: российско-американские отношения, советско-американские отношения, холодная война, народная дипломатия, «кукурузная дипломатия», голод в России 1891–1892 гг., Н.С. Хрущев в США.

В августе 2009 г. в штате Айова отмечали 50-летний юбилей визита Никиты Сергеевича Хрущева, приезжавшего в гости к американскому фермеру Росуэллу Гарсту во время своего посещения Соединенных Штатов. Именно Гарст стал тем человеком, который взялся обучить советского лидера тому, как посредством

разведения гибридных сортов кукурузы возродить животноводство в стране и накормить советский народ мясом. В СССР в то время газеты взахлеб писали об инновационном методе Гарста, выходили книги, посвященные его кукурузному хозяйству, а сам он был желанным гостем в Кремле. Американский фермер с удовольствием преподавал уроки капитализма и выступал в качестве народного дипломата в разгар холодной войны.

Однако история о том, как американское кукурузоведение «завоевывало» Россию, началась значительно раньше. Причем, пытаясь накормить ее жителей кукурузой, американцы способствовали, с одной стороны, расширению методов народной дипломатии и лучшему взаимопониманию между народами двух стран, а с другой формированию представлений об Америке как о стране изобилия, готовой накормить весь мир, о русских как учениках, которых необходимо обучить секретам американского успеха.

В первый раз это случилось в 1892 г., когда в Соединенных Штатах развернулось движение помощи голодающим русским крестьянам.

История о том, как народ Небраски и Айовы поделился кукурузой с русскими крестьянами

Филантропическая кампания американцев в период «русского голода» 1891–1892 гг. занимает особое место в истории российско-американских отношений. Это был первый пример народной дипломатии в действии, так как помощь исходила от частных групп и отдельных штатов, и первой международной гуманитарной акцией такого масштаба не только американского общества Красного Креста, но и вообще Соединенных Штатов. В ходе движения произошло наложение старых (Россия как дружественный Иной) и новых (Россия как демонический Другой) представлений о Российской империи, актуализировалась амбивалентность ее образа и обозначились маркеры ее отсталости, активизировался процесс узнавания и осмысления русского национального характера американцами, а также получили дополнительные импульсы их мессианские порывы и религиозное вдохновение. Отчасти благодаря этой гуманитарной акции идея поиска свободных рынков начала сопрягаться в общественном сознании граждан США с идеей глобальной миссии Америки по распространению свободы во всем мире¹. В мотивации участников движения переплетались прагматизм и идеализм, следование

собственной выгоде и альтруизм, что было вообще свойственно этой нации. Национальный эгоизм американцев, по наблюдению известного американского писателя Г. Мелвилла, находил выражение в безграничной филантропии, ведь согласно их убеждению, подавая милостыню остальному миру и сохраняя для него ковчег свобод, они делали добро собственной стране.

Кампания помощи голодающим русским крестьянам оформилась в начале декабря 1891 г., после того как временный поверенный в делах России в США А.Е. Грегер сообщил У. Эдгару, редактору коммерческого еженедельного журнала “Northwestern Miller” и вдохновителю филантропического движения, что груз муки – своевременная помощь, которая будет с благодарностью принята правительством Александра III. Причем оно готово оплатить доставку собранного продовольствия из внутренних районов в Нью-Йорк, а затем к берегам Российской империи².

Эдгар возглавил и первый комитет помощи, возникший в штате Миннесота в декабре 1891 г. после воззвания губернатора У.Р. Мерриэма. Вскоре его примеру последовал Дж. Тайер, губернатор «кукурузного» штата Небраска. Он подчеркнул, что отправка в голодающую Россию кукурузы, практически неизвестной в Европе, расширит рынок сбыта этого вида сельскохозяйственной продукции³. По предложению Мерриэма и Эдгара комитет Небраски, возглавляемый Л.П. Ладденом, действовал в тесном сотрудничестве с комитетом Миннесоты по сбору и отправке продовольствия⁴.

Второй крупный филантропический центр возник в декабре 1891 г. еще в одном «кукурузном» штате – Айова. Это произошло по инициативе редактора газеты “The Davenport Democrat” Б.Ф. Гиллингхаста и известной писательницы Э. Френч (литературный псевдоним Octave Thanet) после воззвания губернатора Г. Бойеса. В Айове был создан комитет, который сотрудничал с американским обществом Красного Креста (АОКК), планируя отправить кукурузное зерно и муку голодающим русским крестьянам⁵. К. Бартон, возглавлявшая общество, получив от госсекретаря Дж. Блейна и поверенного в делах русской миссии А.Е. Грегера подтверждения по поводу готовности российского правительства принять помощь американского народа, активно включилась в движение, превратив АОКК в один из центров по сбору денежных пожертвований⁶.

Организаторам и участникам филантропической кампании с самого начала пришлось столкнуться с серьезным противодействием и острой критикой в свой адрес со стороны участников

первого американского «крестового похода» за дело русской свободы. Он был инициирован либеральным журналистом Дж. Кеннаном после его возвращения из поездки по Сибири, поддержан русскими политэмигрантами, а также прогрессивными общественными и религиозными деятелями США, объединившимися в 1891 г. в Американское общество друзей русской свободы, которое выпускало журнал “Free Russia”. Как раз в это время в американском обществе шла активная борьба против ратификации договора о взаимной выдаче преступников, подписанного в 1887 г. с царским правительством и предусматривавшего выдачу всех лиц, причастных к царевубийству. В ходе этого движения окончательно сформировался «демонический» образ официальной России как тюрьмы для политических и религиозных диссидентов⁷.

Газеты и журналы проявляли большой интерес к теме русского голода, однако, по мнению У. Эдгара, «общий тон прессы едва ли можно было назвать положительным»⁸. Смысл большинства публикаций сводился к тому, что бессмысленно и недостойно помогать правительству, которое отправляет наиболее энергичную и просвещенную часть общества в Сибирь, жестоко обращается с евреями, вынуждая их эмигрировать в США, преступно бездействует и продолжает обирать крестьян, несмотря на разразившийся голод, наконец, потворствует взяточничеству и спекуляции. Противники кампании милосердия поставили во главу угла соображения идеологического характера (республика свободы и демократии не должна помогать империи деспотизма и произвола), сторонники – тезис Эдгара о том, что это вопрос не политики, а гуманности. Между двумя печатными органами – “Northwestern Miller” и “Free Russia” – развернулась полемика, за которой стояло разное позиционирование России, ее разный образ в американских репрезентациях⁹.

Ареной столкновения диаметрально противоположных подходов к вопросу об оказании помощи голодающим русским крестьянам стала палата представителей Конгресса США, где обсуждался вопрос о выделении денег на транспортировку собранного продовольствия за океан, поскольку организаторы филантропической акции видели ее от начала и до конца американским предприятием. В итоге палата представителей отказала морскому министерству в выделении 100 тыс. дол., необходимых для фрахта парохода. Вопрос об оказании федеральной помощи голодающим в России был отложен на неопределенный срок преимущественно из-за действий демократов и популистов¹⁰.

Однако ни критика на страницах прессы, ни решение палаты представителей не смогли остановить начавшееся движение. Его участники руководствовались идеями милосердия и гуманности, а также апеллировали к традиционным дружественным отношениям, существовавшим между странами, к образу России, всегда приходившей на помощь Соединенным Штатам в критические моменты их истории, будь то Война за независимость или Гражданская война 1861–1865 гг. Причем участники филантропической акции посчитали для себя унижительным обращаться за помощью к российскому правительству, решив собрать деньги, необходимые для фрахта пароходов, самостоятельно. Так движение окончательно превратилось в чисто народное предприятие.

В январе 1892 г. начал работу Национальный комитет помощи российским голодающим, ставший единым координационным центром и действовавший в тесном сотрудничестве с АОКК. Его возглавил Дж. Хойт, недавний редактор журнала “Wisconsin Farmer and Northwestern Cultivator”, бывший губернатор территории Вайоминг, человек обширного международного опыта, много путешествовавший по миру и побывавший в Российской империи.

Фермеры и мельники Миннесоты, Айовы и Небраски развернули бурную деятельность, намереваясь вскоре отправить один из пароходов с пшеничной и кукурузной мукой в Россию. Однако в северо-западных штатах, где продовольствие собиралось на обширной территории, приходилось учитывать метеорологические условия и решать транспортные проблемы. В результате инициативу перехватили восточные штаты. А подлинным лидером всего филантропического движения вскоре стал штат Пенсильвания, где вслед за Миннесотой и Айовой возник еще один центр помощи голодающим в России – третий по счету.

В начале февраля 1892 г. по инициативе мэра Филадельфии Э.С. Стюарта был создан комитет для сбора денежных пожертвований. Вошедший в комитет Р. Блэнкенбург, квакер, известный реформатор и будущий мэр города, подготовил и опубликовал специальный памфлет с символическим названием: «Должны ли русские крестьяне умереть от голода? Вопрос для процветающей Америки»¹¹. За три недели комитет проделал грандиозную работу: собрал деньги, закупил 2000 т продовольствия, которое оперативно и бесплатно доставили к месту отправки. 22 февраля 1892 г., в день рождения Дж. Вашингтона, пароход «Индиана», освобожденный от оплаты фрахта Международной судоходной компанией, отплыл из Филадельфии в российский порт Ливава под восторженные крики

50-тысячной толпы. Пароход был снабжен бесплатным топливом, а его экипаж – бесплатным питанием. Представители различных церквей организовали совместное прощальное богослужение, которое произвело на собравшихся неизгладимое впечатление. 23 апреля 1892 г. комитет Филадельфии отправил еще один пароход – «Конемаг». На его борту находилось 2,5 тыс. т продовольствия. Судно было предоставлено Международной судоходной компанией на тех же условиях¹².

В начале марта 1892 г. успешно закончили свою работу комитеты штатов Миннесота и Небраска, снарядив для отправки в Россию пароход «Миссури». По свидетельству Эдгара, пожертвования поступили от «жителей 25 штатов, 450 городов и населенных пунктов США, представителей различных экономических классов»¹³.

В Небраске удалось собрать 1 млн 350 тыс. фунтов кукурузы. 17 февраля 1892 г. два поезда отправились из Линкольна и Омахи с грузом для голодающих русских крестьян. Вагоны были красочно декорированы и пестрели надписями: «Небраска может накормить весь мир», «Небраска – России: живи и помогай жить другим», «Кукурузный царь Небраски шлет верительные грамоты русскому царю», «Процветающая Небраска в помощь голодающим русским», «Патриотическая Небраска благодарна России за поддержку Союза в лихолетье войны». К каждому мешку прилагалась инструкция на русском языке о способах приготовления блюд из кукурузной муки¹⁴. Предусмотрительные американцы отдавали себе отчет в том, что русские не были с ней знакомы, а плохо приготовленная пища могла вызвать дизентерию.

Всего на борт «Миссури» погрузили 5,5 млн фунтов (2 800 т) пшеничной и кукурузной муки и зерна. Подписка закрылась 12 февраля, так как остальные грузы не успевали к сроку прибыть в Нью-Йорк. К этому времени удалось собрать 4 753 516 фунтов. Остальную часть груза закупили на 12 тыс. дол., предоставленные Комитетом помощи Торговой палаты Нью-Йорка¹⁵. Пароход принадлежал Атлантической транспортной компании, освободившей его от оплаты фрахта. Железнодорожные фирмы бесплатно пропустили пожертвованное продовольствие, а телеграфные компании отправляли сотни сообщений во все пункты страны. Общая стоимость груза с учетом транспортных и телеграфных расходов, оплаты складских помещений в Нью-Йорке, погрузки, обслуживания рейса, предоставленного топлива, а также расходов на страхование составила 200 тыс. дол.¹⁶

По мнению Эдгара, фермеры и мельники Соединенных Штатов смогли продемонстрировать всему миру высокий гуманизм,

присущий американцам, которые готовы накормить голодающих в различных частях мира, не ожидая ничего взамен от тех, кто далек от них не только географически, но и по уровню экономического развития¹⁷.

15 марта «Миссури» отплыл из Нью-Йорка в Либаву. Газеты города нашли немало теплых слов, комментируя это событие¹⁸. В целом к началу февраля 1892 г. пресса Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго и Вашингтона сменила гнев на милость и начала оказывать поддержку филантропическому движению, принимая участие в его популяризации¹⁹.

Совместные усилия жителей штата Айова и АОКК также увенчались успехом. В Айове вообще развернулось одно из самых консолидированных региональных движений. Когда стало очевидно, что федеральная помощь не последует, Клара Бартон активизировала работу по сбору денежных пожертвований и инициировала беспрецедентную международную акцию АОКК. В свою очередь, Б. Тиллингхаст обратился с письмом к посланнику США в России Ч.Э. Смит и получил от него яркий и убедительный ответ следующего содержания: «Это движение своевременно и с самой лучшей стороны характеризует щедрый и великодушный народ штата Айова. Уверяю Вас, что 10 тыс. бушелей²⁰ кукурузы, которую вы предполагаете послать в виде муки, будут очень своевременны. Американская кукурузная мука совершенно неизвестна в России, но с того момента, как начался голод, было получено ее небольшое количество и превращено в хлеб под руководством американцев. Я располагаю информацией, что... он пользовался даже большей популярностью, чем обычный»²¹.

Посланник имел в виду деятельность в России бывшего фермера из Висконсина Ч. Марфи. В конце 1891 г. по поручению министра сельского хозяйства Соединенных Штатов Дж. Раска он отправился в Берлин с целью организации рекламы кукурузной муки в качестве продовольствия для немецкой армии. Однако услышав о голоде в России, передал через Ч.Э. Смита образцы кукурузного хлеба в С.-Петербург и приехал туда лично для встречи с официальными лицами, включая министра внутренних дел И.Н. Дурново²². Марфи оказался в рядах тех, кто активно ратовал за отправку грузов кукурузы в голодающие районы, хотя этот вопрос и вызывал поначалу сомнения в рядах участников филантропического движения.

Благодаря инициативе и энергии Элис Френч в движении штата Айова самое активное участие приняли американские женщины. Интернационализация филантропической деятельности

расширяла для американок возможности социализации, хотя и в традиционной для их общественной активности сфере.

Губернатор Айовы Г. Бойес по согласованию с К. Бартоном создал комитет из 12 американок, ставший вспомогательным женским отделением АОКК в этом штате. Активистки движения использовали тактику предвыборных кампаний (“a house-to-house canvass”): ездили по всему штату, посещая каждую ферму и каждый дом. Денежные пожертвования собирались в школах, церквях, на благотворительных концертах и спектаклях. В университете штата устраивались благотворительные лекции²³. Пресса Айовы единодушно поддержала движение, публикуя обращения и имена участников. В сельской местности пожертвования кукурузой колебались от одной меры до целого вагона. Всего было собрано зерна и денег на сумму 40 тыс. дол.

Тиллингхаст непрерывно отправлял поступавшее продовольствие в Нью-Йорк на склады АОКК, пользуясь бесплатно услугами железнодорожных, телеграфных и страховых компаний²⁴. Наблюдая за развитием событий, он писал К. Бартону: «Двадцать один год я связан с прессой и был свидетелем многих непопулярных движений. Никогда прежде мне не приходилось наблюдать подобного единодушия. ...С самого начала это движение глубоко заинтересовало меня, так как оно не было связано с вопросами политики и веры»²⁵.

К. Бартону удалось собрать 20 тыс. дол. Это был дар жителей округа Колумбия, где действовало отделение АОКК, обратившееся к жителям столицы со специальным воззванием²⁶. 12 651 дол. использовали для оплаты фрахта парохода «Тьюнхед», на борт которого погрузили 117 тыс. бушелей кукурузного зерна, 400 мешков кукурузной муки и 200 т пшеничной муки, больничное оборудование и медикаменты. 2 мая корабль, украшенный флагами и вымпелами, отплыл из Нью-Йорка в Ригу с грузом, отправленным русским крестьянам от имени американских женщин и собранным, несмотря на непогоду, плохие дороги, непонимание и порой открытую оппозицию. Общий вклад Айовы равнялся приблизительно 100 тыс. дол.²⁷

Вскоре после этого события Тиллингхаст спросил мнение Эдгара о значении филантропического движения для развития российско-американских отношений. В ответ редактор “Northwestern Miller” заметил, что четыре парохода (американцы называли эти корабли “Famine Fleet”) сделали для укрепления дружбы между народами двух стран больше, чем 50 лет дипломатических связей²⁸.

Последний, пятый, пароход с благотворительным грузом был снаряжен благодаря деятельности религиозного журнала "Christian Herald", который издавался пастором пресвитерианской церкви в Бруклине Т. Талмажем и его другом Л. Клопшем, соединившим в себе таланты бизнесмена и журналиста. В марте 1892 г., после проповеди Т. Талмажа в бруклинской церкви, журнал "Christian Herald" объявил подписку с целью сбора денег, необходимых для закупки продовольствия. На призыв откликнулись представители разных слоев населения США. Однако сами организаторы движения подчеркивали, что груз последнего парохода был куплен на пожертвования малообеспеченных американцев. За 7,5 тыс. дол. был зафрахтован пароход «Лео», на борт которого в итоге погрузили 2 млн фунтов пшеничной муки. С учетом муки, отправленной на корабле «Конемаг», журнал "Christian Herald" собрал самый крупный груз продовольствия. «Лео» отплыл к берегам России 13 июня 1892 г.²⁹

Все корабли Famine Fleet благополучно достигли берегов Российской империи, а сопровождавшие их представители филантропических комитетов, следившие за разгрузкой и распределением пшеничной и кукурузной муки и зерна, поведали американцам о радушии, с которым в России встречали посланцев далекой Америки, поделились своими размышлениями о причинах голода и воссоздали образ русского крестьянина.

Исследователи единодушны в своих выводах о позитивном влиянии филантропического движения на развитие российско-американских отношений. Безусловно, оно способствовало их укреплению и актуализировало в общественном сознании американцев образ России – исторического друга. Однако данные события обретают дополнительный смысл, если их рассматривать в качестве первого в истории взаимоотношений двух стран примера народной дипломатии³⁰.

Для Соединенных Штатов период голода в Российской империи оказался временем активной интеграции в международную хлебную торговлю. Америка выиграла от запрета на экспорт зерновых в России с осени 1891 г. до весны 1892 г., а вывоз зерна из США значительно вырос в эти годы³¹. Филантропическое движение оказалось прекрасной рекламой американского сельскохозяйственного изобилия и способствовало расширению рынка сбыта кукурузы, в том числе и в России.

Так, в конце XIX в., во многом благодаря деятельности филантропических комитетов «кукурузных» штатов Небраска и Айова, американская кукуруза начала завоевывать российские пространства.

«Больше кукурузы для Бессарабии»: уроки американского кукурузоведения в России

Те, кто в США и в 1891–1892 гг., и 1897 г., и в 1907 г. рассуждали о причинах «русского голода», неизменно обращали внимание на необходимость заимствования новаторских аграрных методов американцев. И Соединенные Штаты были готовы поделиться с Россией не только деньгами, пшеницей и кукурузой в голодные годы, но и преподать ей уроки того, как сделать сельское хозяйство процветающим.

В начале XX в. земство Бессарабии, ведущей губернии по разведению кукурузы в Российской империи³², через агентов «Международной компании жатвенных машин» в Одессе связалось с профессором Колледжа по изучению сельского хозяйства и ремесла штата Айова (Iowa State College of Agriculture and the Mechanic Arts) Перри Холденом с просьбой поделиться опытом селекции и культивирования кукурузы, чему Холден обучал фермеров Айовы. Профессор, не желавший покидать США, рекомендовал для этой работы Луиса Майкла, прибывшего в Россию в феврале 1910 г. и до 1917 г. реализовывавшего проект «Больше кукурузы для Бессарабии».

Американец столкнулся с интригами в среде губернских земских деятелей, развернувших против него кампанию в местной прессе, с противодействием со стороны большинства уездных агрономов, опасавшихся вторжения в сферу их компетенции и не веривших в готовность крестьян к американским нововведениям, с пассивностью крупных землевладельцев, передоверявших управляющим контроль над имениями и предпочитавшим закупать отборные семена на станциях, наконец, с особенностями национального характера крестьянства, уповавшего на Бога и мечтавшего не о повышении урожая кукурузы, а о расширении своих земельных наделов. Как констатировал Майкл, для русских крестьян сама идея селекции семян перед их посевом казалась трудно постижимой «заморской премудростью».

Но упорный американец сумел найти единомышленников среди учителей и священников. Однако главным его союзником стал предводитель дворянства Бессарабской губернии, статский советник А.Н. Крупенский, благодаря поддержке которого Майкл сумел получить финансирование губернского земства, создать Земскую комиссию по селекции кукурузного зерна (состоящую из приглашенных немцев, серба и чеха и действовавшую под председательством Крупенского) и развернуть свой план по организации

школьных образцово-показательных клубов. Деятельность учеников по селекции и выращиванию кукурузы на школьной земле в соответствии с американской методикой должна была убедить их родителей в необходимости ее использования. Майкл напрямую занялся обучением, вооружившись переводом на русский язык написанной Холденом для американских фермеров «Азбуки по выращиванию кукурузы»³³.

Зимой 1910–1911 гг. было создано 40 школьных клубов, в которые по замыслу Майкла входили мальчики и девочки, представлявшие семьи, различавшиеся по этническому происхождению и социальному статусу (этакий русский «плавильный котел»), и в деятельность которых он привнес американский дух соревновательности. Победители, получившие лучший урожай, награждались денежной премией. Этот показательный опыт рационализации производства кукурузы обеспечил успех всему проекту, несмотря на скептические прогнозы агрономов и земских деятелей, а также упорство крестьян³⁴.

В последующие годы Майклу удалось не только значительно расширить сеть школьных клубов, но и втянуть в орбиту своей системы представителей местной власти, крупных земельных собственников и молодых крестьян, добившихся значительного увеличения урожая кукурузы в кратчайшие сроки, о чем регулярно сообщал в госдепартамент американский консул в Одессе Дж. Граут³⁵.

В ходе реализации программы «Больше кукурузы для Бессарабии» Майкл пропагандировал идею схождения в развитии России и США, создавал образ русских крестьян, хоть и живущих в «земле, известной своим голодом», но способных к восприятию новаторских методов хозяйствования, несмотря на присущие им негативные черты национального характера. Американец сравнивал деятельность организованной им Земской комиссии по селекции кукурузного зерна с аграрной реформой П.А. Столыпина. Только в первом случае речь шла об интересах многих крестьян, а во втором – избранных, которые должны были создать класс независимых фермеров в качестве буфера между крестьянской массой и властями³⁶.

Майкл отмечал, что русские крестьяне, в особенности зажиточные, отчетливо понимают значение механизации аграрного сектора, а на полях Российской империи уже давно используются жатки Маккормика и различные американские сельскохозяйственные машины и орудия труда, облегчавшие труд земледельцев и остававшиеся основным предметом экспорта из США в Россию. В 1910 г.

туда был ввезен первый американский трактор, а многочисленные статьи на страницах русских сельскохозяйственных журналов свидетельствовали о повышенном интересе к очередному техническому изобретению с маркой «Made in USA»³⁷.

Никита Хрущев и Росуэлл Гарст: «кукурузная дипломатия» в период холодной войны

Эстафету в преподавании русским уроков американского кукурузоведения принял у Луиса Майкла фермер из штата Айова Росуэлл Гарст, кукурузное хозяйство которого потрясло воображение главы советского правительства Никиты Сергеевича Хрущева во время его первого визита в США 15–27 сентября 1959 г.

Эта поездка проходила на фоне расширявшегося российско-американского культурного сотрудничества, начало которому положило Соглашение между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях (неофициальное название «соглашение Лэйси–Зарубина»), подписанное 27 января 1958 г.

Соединенные Штаты уже посетили советские исполнители – пианист Э. Гилельс и скрипач Л. Коган, а в Советский Союз приезжали американская певица Б. Тибом и певец Л. Уорен. Американский пианист Вэн Клайберн уже стал первым победителем Международного конкурса им. П.И. Чайковского, в одночасье превратившись для москвичей в «Ванечку» или «Ванюшу». Уже прошли в Америке гастролы Государственного ансамбля народного танца СССР под руководством И.А. Моисеева, а солисты Большого театра Николай Фадеечев и Галина Уланова произвели настоящий фурор своими выступлениями. Наконец, уже состоялась первая советская выставка в Нью-Йорке, главным событием которой стала демонстрация модели искусственного спутника Земли, запущенного в космос в октябре 1957 г. и издававшего известные всему миру радиосигналы, а в Москве в парке «Сокольники» прошла первая американская выставка, потрясшая воображение советских людей чудесами массовой культуры досуга и быта и вошедшая в историю «кухонными дебатами» между Н.С. Хрущевым и вице-президентом США Р. Никсоном, открывавшими выставку³⁸.

В то же время визиту в США предшествовал ультиматум Хрущева по берлинскому вопросу. В ноябре 1958 г. он поставил бывших союзников по антигитлеровской коалиции перед выбором: либо они в течение шести месяцев признают Западный Берлин вольным

городом и подписывают мирный договор с ГДР, либо СССР сделает это в одностороннем порядке и передаст контроль над въездом в западные секторы Берлина правительству ФРГ. Как полагает американский исследователь У. Таубман, этот ультиматум был нацелен на то, чтобы «вытащить президента США Д. Эйзенхауэра за стол переговоров»³⁹.

18 сентября 1959 г. Хрущев, прибывший за океан с визитом, поднялся на трибуну ООН и призвал страны и народы к мирному сосуществованию, провозгласив свою знаменитую программу всеобщего и полного разоружения, которая, несмотря на ее утопичность, была достаточно позитивно воспринята во всем мире.

Речь, как и последующие переговоры в Кэмп-Дэвиде с президентом Эйзенхауэром, приглашенным с ответным визитом в Москву, стали свидетельством того, что «оттепель», наступившая в СССР во внутренней политике, также слегка подтопила лед холодной войны. И хотя Эйзенхауэр был уклончив в своих обещаниях, он в целом согласился возобновить поиск дипломатического решения германского вопроса в рамках четырехсторонней встречи на высшем уровне, что вкупе с налаживавшимися культурными обменахми свидетельствовало об обоюдном стремлении руководителей СССР и США к относительной нормализации взаимоотношений, к пониманию позицию противоположной стороны.

При этом во время визита Хрущев вел себя противоречиво и зачастую крайне агрессивно. Он был, безусловно, горд, став первым советским лидером, которого пригласили в США. Хрущев, безуспешного добивавшийся этого с 1957 г., расценил жест американского президента как следствие провозглашенной им «ракетной доктрины». В то же время советский лидер, не упускавший возможности поговорить о космическом триумфе СССР и превосходстве социализма над капитализмом, чувствовал себя крайне неуверенно. Могущество и процветание Соединенных Штатов рождали в нем внутреннее беспокойство и желание найти любой повод, дабы придрасться и дать отпор. Хрущев опасался, что его постараются унизить тем или иным способом, что не окажут ему должного уважения⁴⁰.

Видный советский дипломат О.А. Гриневский, входивший в состав делегации, позже делился своими наблюдениями: «Что касается Хрущева, то он больше всего не хотел выглядеть наивным простаком, которому коварные капиталисты, как фокусники, достают из шляпы и показывают всякие чудеса процветания этого гнивающего мира. Ему все уши прожужжала подобными предупреждениями дружная команда помощников и советников –

Аджубей, Сатюков, Ильичев и другие. “Времена изменились, – внушали они. – Это Петр Первый в скромном костюме плотника ехал учиться на Запад. А Вы, Никита Сергеевич, едете в Америку, чтобы учить. Любой американский генерал из артели “юпитеров” и “авангардов” с удовольствием сменит свой мундир, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на советские звездные верфи или межпланетные пристани, от которых взмывают ввысь советские космические корабли” <...> Весь этот бред стал лейтмотивом хрущевской поездки по США. А в результате между Хрущевым и Америкой пролегал глубокий ров»⁴¹.

И, тем не менее, как справедливо замечает О.А. Гриневский, в Хрущеве все время боролись два человека: догматик-коммунист и прагматик-крестьянин⁴². И именно этот второй человек с крестьянской хваткой по возвращении из США вознамерился воплотить в Советском Союзе все лучшее, что он увидел в повседневной жизни американцев. И именно эта вторая натура Никиты Сергеевича Хрущева проявилась в полной мере во взаимоотношениях с американским фермером Росуэллом Гарстом.

Интерес Хрущева к Гарсту не был случайным. Последний обрел известность, став инициатором производства гибридных сортов кукурузы. Этот фермер-миллионер, как его называли американские газеты, на своем огромном – в две тысячи гектаров – участке земли специализировался на выращивании кукурузы и сорго. Вместе с партнером Чарльзом Томасом он владел крупной компанией, производящей гибридные семена кукурузы и входившей в состав ведущей в стране семеноводческой фирмы «Пионер», ориентированной на выращивание семян гибридных сортов кукурузы, а также породистых кур и свиней. На своей ферме Гарст постоянно внедрял новые технологии и технику, а для откорма крупного рогатого скота умело использовал отходы – стержни початков кукурузы в смеси с другими ингредиентами.

История знакомства советского лидера и американского фермера началась четыре года раньше. В январе 1955 г. на Пленуме ЦК КПСС, посвященном развитию животноводства, Хрущев в своем докладе не раз ставил в пример американцев. 8 февраля изложение доклада появилось в газете “The New York Times” и было перепечатано в Айове в газете “The Des Moines Register”. Ее редактор Лорен Сот предложил, вместо того чтобы тратить миллиарды на гонку вооружений, развернуть соревнование на фермерских и колхозных полях с целью доказать, чья система лучше. Он писал в редакционной статье: «У нас нет никаких дипломатических полномочий, но мы шлем приглашение любой делегации, которую

русские посчитают необходимым отправить в Айову <...> Мы обещаем не скрывать наших секретов. Мы повезем эту делегацию на крупнейшую в штате Айова сельскохозяйственную экспериментальную станцию в Эймсе, к ведущим фермерам, к животноводам, к специалистам по мелиорации земли и в компании, занимающиеся селекцией семян. Пусть русские посмотрят, как мы все это делаем. Кроме того, мы были бы рады отправить в Россию делегацию фермеров Айовы, агрономов, животноводов и других специалистов. Все, что мы, жители Айовы, знаем о кукурузе, о других сортах кормового зерна, о фуражных культурах, о мясном скоте, а также о молочной промышленности и птицеводстве, мы сообщим русским, если они того пожелают»⁴³.

Так «кукурузный» штат Айова в очередной раз выступил инициатором российско-американского сближения.

Советская делегация во главе с министром сельского хозяйства В.В. Мацкевичем прибыла в США в июле 1955 г. и посетила ферму Росуэлла Гарста как одну из преуспевающих, а также фирму «Гарст и Томас» как одну из крупнейших в Айове. Жители штата встретили советских специалистов с распростертыми объятиями. Все рассказали, показали и снабдили ворохом литературы. По итогам поездки Мацкевич составил 400-страничный отчет, в котором обращал особое внимание на опыт калибровки и селекции кукурузных семян и выращивания гибридных сверхурожайных сортов кукурузы (как тут не вспомнить уроки Луиса Майкла в Бессарабии!). Основной вывод делегации сводился к тому, что опыт американского кукурузоведения позволит решить продовольственную проблему в СССР и резко увеличить производство мяса, поскольку из смеси стеблей, листьев и молодых початков кукурузы получается самый питательный корм для животных. Мацкевич отвел в своем отчете целый раздел описанию фермы Гарста. Так состоялось заочное знакомство с ним Хрущева⁴⁴.

Гарст оказался в числе тех 12 американских фермеров (5 из штата Айова), которые в октябре 1955 г. рискнули отправиться за «железный занавес», несмотря на сохранявшийся запрет государственного департамента торговать с Советским Союзом и угрозу быть обвиненными в связях с коммунистами.

Гарст посетил Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москве, затем поехал в Киев и Одессу, а уже оттуда по личному приглашению Хрущева в Ялту, где советский лидер проводил свой летний отдых. И везде американский предприниматель изучал процесс возделывания кукурузы и производства гибридных семян, указывал на отставание советского сельского хозяйства от

потребностей растущего населения и демонстрировал готовность преподавать русским уроки американского кукурузоведения.

В беседе с Гарстом Хрущев сказал: «Давайте торговать. Мы у вас купим часть гибридных семян кукурузы. Но учтите, что страна у нас большая, мы сеем миллионы гектаров кукурузы. Разве вы можете продать, а мы приобрести гибридных семян кукурузы на такую огромную площадь? К тому же у нас есть свои хорошие гибриды. Поэтому давайте не только торговать, а обмениваться опытом. Мы вам дадим наши советские гибриды и, если хотите, селекционные линии для получения гибридов, а вы нам давайте ваши гибриды, ваши линии». В ответ Гарст заметил, что селекционные линии – это секрет фирмы и предложил следующее: «Присылайте ко мне своего агронома, и пусть он посмотрит, как мы выращиваем гибридные семена кукурузы. Присылайте своего зоотехника, и пусть он посмотрит, как мы откармливаем скот на мясо. Присылайте своего биохимика, и пусть он посмотрит, как мы берем азот из воздуха, делаем мочевину, а затем используем ее для приготовления корма в смеси со стержнями початков кукурузы и мелассой. Присылайте своего механизатора, и пусть он поработает у меня на ферме вместе с моим сыном и убедится, как нужно организовывать дело, чтобы в среднем один человек возделывал кукурузу на площади в сто гектаров, а шесть человек – на площади в 800 гектаров»⁴⁵.

В ходе встречи договорились, что Гарст продаст СССР 5 тыс. т кукурузного зерна всех сортов, а в качестве премии немного элитных семян. Из них на Одесской селекционной станции начнут выращивать свои гибриды (что, кстати сказать, и удалось затем осуществить). Кроме того, была куплена технология для строительства завода по очистке и калибровке кукурузы в Краснодаре. Предприимчивому Гарсту, который перед поездкой в СССР получил от государственного департамента бессрочную экспертную лицензию, удалось разбить «лед» в торговых советско-американских отношениях⁴⁶. Конечно, не без реальной выгоды для себя (Гарсту заплатили за семена золотом). Но на то он и предприниматель, а не коммунист, как пытались окрестить его в ФБР, куда приглашали впоследствии из-за частых поездок в Советскую Россию.

Гарст стал активным поборником мирного сотрудничества с СССР, развития деловых связей и обмена опытом между русскими и американцами. В 1958 г., обращаясь к членам советской сельскохозяйственной делегации, он заявил: «Главная причина ваших успехов – это то, что вы провели огромную работу в области народного образования и подготовки кадров. Теперь нужно как можно больше контактов с целью распространения

передового опыта, увеличения производства хлеба, мяса и других продуктов»⁴⁷.

Гарст еще трижды посещал СССР и весной 1959 г. вновь встретился с Н.С. Хрущевым, на этот раз в Сочи. По его просьбе он даже ездил в Казахстан, взглянуть на целинные земли, напоминая ему просторы родной Айовы, а в Краснодарском крае поучал колхозного бригадира, не желавшего использовать удобрения, как выращивать кукурузу. Так в период холодной войны зародились неформальные отношения между советским лидером и американским фермером, переросшие в настоящую дружбу⁴⁸. Никита Сергеевич Хрущев с его крепкой крестьянской закваской отлично понимал Росуэлла Гарста и мечтал превратить кукурузу в подлинную «царицу советских полей».

Во время своего путешествия по Соединенным Штатам Хрущев нанес ответный визит американскому фермеру 22–23 сентября 1959 г. По свидетельству очевидцев, эти дни в богатой и процветающей Айове, в центре «кукурузного пояса» США, стали самыми удачными за всю предшествующую поездку, поскольку нигде главу советского государства не встречали так тепло и дружелюбно – ни в Вашингтоне, ни в Нью-Йорке, ни в Лос-Анджелесе, ни в Сан-Франциско. Местная пресса вообще объявила 22 сентября Днем Хрущева на Среднем Западе⁴⁹. А сам Хрущев признавался Генри Кэботу Лоджу, специальному представителю президента, что это был кульминационный момент его американского путешествия⁵⁰.

Заимствуя опыт американцев, Хрущев надеялся «догнать и перегнать Америку» по производству продуктов питания. Он ратовал за мирное сосуществование и соревнование, обращаясь к жителям Айовы, которые, по его собственному признанию, производили кукурузы и мяса значительно больше колхозников Кубани. И это заявление не могло не импонировать американцам. Предвосхищая визит Хрущева в Айову, газеты писали о том, что здесь советский лидер сможет воочию оценить успехи американской аграрной революции и получить прекрасное подтверждение того, сколь процветающим может быть общество, живущее в условиях капитализма⁵¹.

В связи с приездом Хрущева ферма Гарста на время приковала внимание не только всей Америки, но и всего мира. Сюда съехались сотни журналистов и фотографов. Последних, по замечанию корреспондента газеты “The New York Times” Дж. Рестона, «было больше, чем птиц на дереве»⁵²: в конце августа 1959 г. государственный департамент получил 471 заявку на аккредитацию⁵³.

Среди прочего Рестон в своей статье рассуждал о том, насколько выгодным для СССР в мировой пропагандистской войне мог бы оказаться отснятый материал, попади он в умелые руки, и сокрушался по поводу того, что официальный Вашингтон не предпринял ничего, дабы минимизировать влияние поездки Хрущева в американскую глубинку на формирование имиджа Советского Союза по другую сторону Атлантики.

Корреспонденты настолько надоели вспыльчивому Гарсту, что тот бросался в них силосом и грозил початками кукурузы, а одному даже дал хорошего пинка. В итоге солдатам национальной гвардии и войскам штата, а также сотрудникам государственного департамента, сопровождавшим Хрущева, пришлось взяться за руки и образовать вокруг него и Гарста круг, позволив им тем самым спокойно осматривать ферму⁵⁴. Как вспоминает С.Н. Хрущев, «показ достижений удался Гарсту на славу, отец только покрывал: “Вот бы нам так”»⁵⁵.

Присутствие прессы сделало прекрасную рекламу процветающему хозяйству Гарста и позволило ему поделиться собственным аграрным опытом со всем миром.

В одной из многочисленных статей, опубликованных в газете “The New York Times”, Гарст представал в облике миссионера, вышедшего из недр американской аграрной революции с ее научными технологиями, такими как создание гибридных сортов кукурузы, использование химических удобрений и инсектицидов. Он видел свою цель в распространении передовых методов ведения сельского хозяйства, позволявших получать больше продуктов при меньших затратах труда. Этот человек символизировал американское процветание, а в качестве объекта своей аграрной миссии избрал Советский Союз, чему не смогли помешать ни «железный занавес», ни климат холодной войны. Хрущев мечтал накормить советский народ мясом, и Гарст взялся помочь ему в этом. Он заявил в интервью корреспонденту “The New York Times”: «Мистер Хрущев стремится понять, как 12% населения США обеспечивают белковыми продуктами питания, в том числе и мясом, всех жителей страны. <...> Он интересуется тем, как постоянно улучшать качество производимой продукции с наименьшими трудовыми затратами. Именно этот секрет он хочет узнать, и именно этим секретом я готов с ним поделиться»⁵⁶.

Позже Гарст скажет: «Мы не могли себе позволить, чтобы одна треть населения мира, владевшая атомной и водородной бомбой, оставалась при этом голодной, сколь бы ни было велико искушение сделать это, исходя из эгоистических побуждений»⁵⁷. Так Россия

в середине XX в., как и в конце века XIX, становилась объектом мессианского порыва американских фермеров, отодвигавших на задний план соображения идеологии и политики.

Гарст потряс воображение советского лидера рассказами о применении гранулированных удобрений для выращивания кукурузы еще во время первой встречи в Крыму. А теперь он продолжал учительствовать, показывая результаты того, как использование азота в виде минеральных добавок и отказ от традиционного сеяния бобовых культур для повышения содержания азота в почве приводит к росту урожайности кукурузы. Хрущев, веривший столь же вдохновенно, как и Гарст в то, что кукуруза – наиболее продуктивный из известных человеку злаков, внимал ему с восторгом. Не меньший энтузиазм советского лидера вызвал траншейный способ силосования кукурузных початков вместе со стеблями на корм скоту, показанный фермером⁵⁸. Параллельно жена Гарста тоже выполняла определенную миссию, показывая жене Хрущева повседневную жизнь американской глубинки во всем ее великолепии⁵⁹.

Во время осмотра завода Гарста по калибровке кукурузы в городке Кун-Рапидс была сделана ставшая знаменитой фотография, на которой американский фермер и советский лидер держат в руках початки кукурузы. В американских газетах появилась целая серия снимков Хрущева с букетом из початков кукурузы. И даже на обложке журнала “Life” смеющийся Хрущев, стоя бок о бок с Гарстом, сжимал в руках початок кукурузы⁶⁰, всем своим видом подтверждая мысль последнего о том, что «два фермера в состоянии решить мировые проблемы быстрее, чем два дипломата»⁶¹. Пресса США воздала должное Гарсту за то умение, с которым он рассеял «дипломатический тучи», представил советскому лидеру реальную Америку и продемонстрировал американское гостеприимство⁶².

В своей речи губернатор Х. Лавлес подчеркнул роль «кукурузного» штата Айова в обмене аграрным опытом между США и СССР, начавшимся четыре года назад: «Этот обмен привел к расширению обменов культурных, образовательных и научных между американцами и гражданами Советского Союза. Таким образом, Айова проложила путь для прямых контактов между народами наших двух великих стран»⁶³. Одним словом, теплый и влажный климат штата, столь подходящий для выращивания кукурузы, растопил лед холодной войны, как любили комментировать визит Хрущева местные газеты.

А затем были напряженные переговоры между Хрущевым и Эйзенхауэром на его даче в Кэмп-Дэвиде по германскому вопросу. Они не привели к подписанию никаких конкретных документов, но

породили надежду на возможность разрядки в советско-американских отношениях. Впрочем, как вскоре выяснилось, иллюзорную.

Советские хроникеры именовали поездку советского лидера в США триумфальной. Зять Хрущева Алексей Аджубей и группа советских журналистов оперативно и со вкусом написали пропагандистскую книгу «Лицом к лицу с Америкой», на страницах которой первый секретарь ЦК КПСС представал перед советской и восточноевропейской аудиторией как борец за мир, талантливый оратор и искусный переговорщик. Так что опасения корреспондента «The New York Times» Дж. Рестона были не напрасными.

Американская пресса в целом также оценивала визит Хрущева как достаточно удачный, наконец взломавший лед в советско-американских отношениях⁶⁴.

Если обратиться к мнению историков, то один из наиболее авторитетных исследователей «хрущевской эпохи» У. Таубман приходит к следующему выводу: «Во многих отношениях поездка Хрущева и вправду была успешной: он проник в цитадель капитализма, заслужил симпатии многих простых американцев, наконец, добился определенного прогресса в вопросе о Берлине – президент дал согласие на саммит, которого так долго добивался Хрущев»⁶⁵. Впрочем, Таубман тут же добавляет, что последний успех был скорее воображаемым, а личные промахи Хрущева подрывали его дипломатию.

В свою очередь, американский историк К. Кордон, апеллируя в основном к воспоминаниям Хрущева и мнению его сына Сергея, вступает в спор с теми исследователями, которые заявляли о безуспешности и даже провале визита Хрущева в США. Ведь он, как справедливо замечает автор, стремился к поиску взаимопонимания, которое невозможно без обмена мнениями между двумя переговорщиками по поводу того, как каждый представляет позицию противоположной стороны и стоящую за ней мотивацию. И в данном смысле «дух Кэмп-Дэвида» был крайне полезен для возвращения к честным дипломатическим отношениям между Россией и США, к ситуации, когда одна сторона была готова слушать другую. Хрущев достиг своей цели, познакомившись с американцами, с их образом жизни и стилем мышления, а также вникнув в суть позиции Соединенных Штатов⁶⁶.

Визит не был безуспешным еще и потому, что, как подчеркивают А. Фурсенко и Т. Нафтали, Хрущев попытался внедрить в Советском Союзе все лучшее из увиденного им в США⁶⁷.

Между тем в Советском Союзе началась «кукурузная эпопея». Посевы кукурузы вытеснили пшеницу, рожь и кормовые травы.

Теплолюбивую кукурузу пытались выращивать не только в южных регионах, но и на всем пространстве – от Казахстана до Таймыра. Хрущев переусердствовал с внедрением ценного злака, который так и не смог заменить традиционные зерновые. И Америку по производству мяса, для чего, собственно, кукурузу разводили, СССР не догнал. Более того, с приходом к власти в 1964 г. Л.И. Брежнева кукуруза исчезла с пахотных земель даже в тех регионах, где ее всегда успешно выращивали. Однако в данном случае проблема не в американцах и их опыте, а в неумении этот опыт разумно и продуктивно использовать.

А еще от той поездки Хрущева к Гарсту советским людям достался в наследство знакомый с детства вкус кукурузы, но не сладкой, которую знает и любит весь остальной мир, а той «царицы полей», которой хорошо кормить коров и свиней. Ведь в Советском Союзе в погоне за повышением производства мяса другой и не сажали.

Последующие после визита Хрущева в США шесть месяцев стали чуть ли не самыми «теплыми» в истории холодной войны. Однако это «потепление» в двусторонних отношениях закончилось, не успев толком начаться. Инцидент с американским самолетом-разведчиком У-2 безнадежно испортил отношения Хрущева с Эйзенхауэром. А затем последовали сооружение Берлинской стены, размещение советских ракет на Кубе и Карибский кризис, поставивший мир на грань ядерной катастрофы.

Однако, несмотря на то, что расчеты на разрядку в советско-американских отношениях на этот раз не оправдались, дружба между Хрущевым и американским «кукурузным дипломатом» Гарстом не оборвалась. Они продолжали переписываться. В мае 1963 г. Гарст еще раз встретился с Хрущевым во время своего визита в Советский Союз, вел переговоры с главой советского государства в Кремле в присутствии министра сельского хозяйства И.П. Воловченко, а вечером ужинал с Хрущевым у него на даче⁶⁸. В свою очередь, последний после отставки экспериментировал с элитными гибридными семенами кукурузы, присланными ему из США его старым американским другом Россуэлом Гарстом⁶⁹. Правда, не на полях страны, как раньше, а у себя на даче на небольшом участке земли.

По свидетельству Сергея Хрущева, в Айове до сих пор вспоминают приезд Никиты Сергеевича очень тепло. «Ваш отец сделал наш штат знаменитым... Как и саму кукурузу», – сказал сыну Хрущева губернатор штата⁷⁰. От себя добавим, что глава советского государства и первый секретарь ЦК КПСС сделал знаменитым и лично Россуэлла Гарста.

В 2009 г. Айова отметила 50-летие визита Хрущева конференцией под названием «Гражданская дипломатия в контексте российско-американских отношений», публикациями в местной прессе, выставкой сельскохозяйственной техники и созданием музея на ферме Гарста⁷¹. Его внучка Рейчел в интервью корреспонденту «Российской газеты» сказала накануне празднования: «Чем больше мы говорили об этой идее, тем больше людей заинтересовывались ею. Наш организационный комитет уже включает в себя фермеров и предпринимателей, сообщество историков штата Айова и множество других заинтересованных в развитии российско-американских связей людей. Кстати, дом и ферма моего дедушки внесены в список объектов национального исторического наследия США. Начатая нами медиакампания нацелена на то, чтобы напомнить людям огромную значимость визита Хрущева в Америку <...> Мы очень гордимся историей дружбы с русскими людьми и хотели бы и дальше ее развивать. Мы также стремимся к тому, чтобы подобные контакты помогали поддерживать мир между нашими странами»⁷².

Во время юбилейных торжеств было принято решение поставить на сцене театра Айовы пьесу о событиях тех далеких дней, которые смогли согреть сердца русских и американцев в суровом климате холодной войны. Написать сценарий взялась Синтия Меркати. Премьера спектакля с символическим названием «Мир посредством кукурузы» (“Peace Through Corn”) состоялась 26 января 2011 г. Основанный на письмах, воспоминаниях и выступлениях Никиты Хрущева и Росуэлла Гарста, он посвящен рассказу о дружбе этих двух очень разных, но в чем-то очень похожих людей⁷³.

Делясь опытом кукурузоведения, Гарст действовал в русле народной дипломатии, так же как это делали до него фермеры Небраски и Айовы или Л. Майкл в Бессарабии. И пусть визит в Айову не привел к каким-то реальным советско-американским соглашениям, а метод Гарста не прижился в советских колхозах, и пусть американцы в очередной раз выступали в роли учителей, а русские учеников, и пусть Америка в очередной раз делилась секретами своего успеха и процветания с оставшей Россией (будь то Российская империя или Советский Союз), люди по обе стороны Атлантики получали возможность лучше узнать и понять друг друга, что было немаловажно в условиях холодной войны.

Не этому ли нас учит история «кукурузной дипломатии»?

- ¹ Например, известный американский историк У. Уильямс подчеркивал двойной мотив участников филантропического движения: открытие новых рынков и поощрение свободы. См.: *Williams W.A. The Roots of the Modern American Empire: A Study of the Growth and Shaping of Social Consciousness in a Marketplace Society*. N. Y.: Random House, 1959. P. 293–294, 342–343.
- ² Переписку У. Эдгара и А.Е. Грегера см.: Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 737. Л. 201–203, 222–223, 225–229.
- ³ *The Nebraska State Journal*. 1891. Dec. 20. P. 8.
- ⁴ У. Эдгар – Дж.М. Тайеру, 23 декабря 1891 г.; У.Р. Мерриэм – Дж.М. Тайеру, 26 декабря 1891 г. // *State Archives of Nebraska. Nebraska State Historical Society*. RG.1. State Governor. 14. Series 1. Box 8; Дж.М. Тайер – А.Е. Грегереу, 26 декабря 1891 г.; Дж.М. Тайер – У.Р. Мерриэму, 28 декабря 1891 г. // *Ibid*. Box 11. Letter press book. Vol. 1891–1892. P. 89, 95.
- ⁵ *The Davenport Democrat*. 1891. Nov. 23; *Tillinghast B.F. A Far-Reaching Charity I* // *Midland Monthly*. 1894. April. Vol. 1. № 4. P. 330–331.
- ⁶ АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 56. Л. 73–74 об.; Д. 737. Л. 2, 124, 126, 130–131 об.; К. Бартон – Дж.Г. Блейну, 14 декабря 1891 г. // *Library of Congress (LC). Manuscript Division (MD). Clara Barton Papers*. R. 83; К. Бартон – А.Е. Грегереу, 1 января 1892 г. // *Ibid*. R. 26.
- ⁷ О первом «крестовом походе» американцев за продвижение демократии в России подробнее см.: *Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы*. М.: РГГУ, 2012. С. 149–209; *Foglesong D.S. The American Mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881*. Cambridge: Cambridge Univ. press, 2007. P. 16–27.
- ⁸ *Edgar W.C. The Russian Famine of 1891 and 1892: Some Particulars of the Relief Sent to the Destitute Peasants by the Millers of America in the Steamship Missouri*. Minneapolis: Millers & Manufacturers Insurance Co., 1893. P. 9.
- ⁹ См., например: *Free Russia*. 1891. Sept. P. 6–7; Oct. P. 7, Nov. P. 3–4, Dec. P. 5; 1892. Jan. P. 4–5; March. P. 8, April. P. 4; May. P. 10; *Northwestern Miller*. 1892. Febr. 19. Vol. 33. № 8. P. 265.
- ¹⁰ *Congressional Record*. 52-nd Congress. 1-st Session. Vol. 23. Pt. 1. P. 110–111, 157–177.
- ¹¹ *Saul N.E. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914*. Lawrence: University Press of Kansas, 1996. P. 345.
- ¹² АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 55. Л. 30; Д. 737. Л. 85–87, 98, 106 об., 116, 124–125; *Harper’s Weekly*. 1892. March 5. P. 223; *Reeves F.B. Russia Then and Now. 1892–1917*. N. Y.; L.: Putman’s, 1917. P. 3–5, 7–8; *Blankenburg R. Philadelphia and the Russian Famine of 1891 and 1892. Letters from Russia to the Philadelphia “Ledger”, “Times” and “Inquirer”*. Philadelphia:

- Russian Famine Relief Committee, 1892. P. 58–59; The Philadelphia Public Ledger. 1892. Apr. 25.
- ¹³ Northwestern Miller. 1892. Feb. 26. Vol. 33. № 9. P. 301.
- ¹⁴ The Nebraska State Journal. 1892. Febr. 16. P. 2; Febr. 17. P. 7; *Ludden L.P.* Report of the Work in Nebraska for the Russian Famine Sufferers to the Governor of the State. Lincoln, 1892. P. 5–6.
- ¹⁵ Northwestern Miller. 1892. Feb. 19. Vol. 33. № 8. P. 266; Feb. 26. Vol. 33. № 9. P. 302.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне Оп. 512/1. Д. 55. Л. 30; Д. 56. Л. 91–93; Northwestern Miller. 1892. Febr. 12. Vol. 33. № 7. P. 228; March 18. Vol. 33. № 12. P. 440a.
- ¹⁷ *Edgar W.C.* Op. cit. P. 13.
- ¹⁸ Цитаты из нью-йоркских газет см.: Northwestern Miller. 1892. March 25. P. 451–452.
- ¹⁹ См., напр.: The New York Tribune. 1892. Febr. 6, 13; The New York Herald. 1892. March 6, 8; The New York Times. 1892. Febr. 5, 18; The New York World. 1892. May 3; The Philadelphia Public Ledger. 1892. Febr. 1; The Washington Star. 1892. March 12; The Washington Post. 1892. Febr. 1; The Chicago Times. 1892. Apr. 2; The Chicago Daily Tribune. 1892. Febr. 15.
- ²⁰ Бушель – мера емкости, равная ≈ 36,3 л.
- ²¹ Ч.Э. Смит – Б.Ф. Тиллингхасту, 15 января 1892 г. // «Это вопрос не политики, это вопрос гуманности». Документы о помощи американского народа во время голода в России 1891–1892 гг. (публикация подготовлена В.И. Журавлевой) // Исторический архив. 1993. № 1. С. 203–204.
- ²² *Saul N.E.* Op. cit. P. 352–353.
- ²³ *Barton C.* Op. cit. P. 177; *Tillinghast B.F.* The Women's Gift to Russia // Harper's Weekly. 1892. Apr. 23. P. 402; Отчет Э. Френч губернатору штата Айова г. Бойесу, 23 мая 1892 г. // State Archives of Iowa. State Historical Society of Iowa. RG. 043. Governors' Records. G. VIII. Box 37.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 56. Л. 89–89 об., 119, 217; Д. 737. Л. 17, 108; *Tillinghast B.F.* Final Report of the Russian Famine Relief Commission to the Governor of the State of Iowa, June 1, 1892 г. // State Historical Society of Iowa. RG. 043. Governors' Records. G. VIII. Box 37. P. 4–7.
- ²⁵ Б.Ф. Тиллингхаст – К. Бартон, 31 января 1892 г. // LC. MD. Clara Barton Papers. R. 83.
- ²⁶ District of Columbia Auxiliary Red Cross Association. To the Citizens and Residents of the National Capital. February 22, 1891 // NARS. RG 200. Gift Collection. RANRS. 1881–1916. Box 59.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 55. Л. 30, 101; Д. 56. Л. 30, 89; The New York World. 1892. May 3; *Borzo H.A.* Chapter in Iowa-Russian Relations // Annals of Iowa. 1959. Vol. 34. № 8. P. 589–592.
- ²⁸ Б.Ф. Тиллингхаст – К. Бартон, 11 июня 1892 г. // LC. MD. Clara Barton Papers. R. 83.

- 29 Christian Herald. 1892. March 23. P. 177, 181. См. также: Russia's Cry Heard // Ibid. 1892. Apr. 13; Московские ведомости. 1892. 8/20 июля. С. 2; *Pepper M. Ch. Life-Work of Louis Klopsch. Romans of a Modern Knight of Mercy. N. Y.: The Christian Herald, 1910. P. 15–20; T. De Witt Talmage: His Life and Work. N.Y.: Eaton & Mains, 1902. P. 199–200.*
- 30 Подробнее о филантропическом движении и его итогах в контексте российско-американских отношений см.: *Журавлева В.И. Указ. соч. С. 209–258; Saul N.E. Op. cit. P. 355, 361–363.*
- 31 *Simms J.Y. Impact of Russian Famine 1891–1892 upon the United States // Mid-America. 1978. Oct. Vol. 60. № 3. P. 179–181.*
- 32 Эта культура была распространена в Бессарабии еще в период ее нахождения в составе Османской империи.
- 33 Американский оригинал: *Holden P.G. ABC of Corn Culture. Springfield, Ohio: Simmons Publishing Co, 1906.*
- 34 *Michael L.G. More Corn for Bessarabia: Russian Experience 1910–1917. East Lansing: Michigan State University Press; Detroit: Wayne State University Press, 1983. P. 13–16, 26–36, 46–50, 60–61, 70–71, 88–89.*
- 35 Информацию из опубликованных консульских отчетов см.: *Allen R.V. Russia Looks at America: The View to 1917. Washington: Library of Congress, 1988. P. 170–171.*
- 36 *Michael L.G. Op. cit. P. 90.*
- 37 *Allen R.V. Op. cit. P. 172–177.*
- 38 *Иванян Э.А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М.: Международные отношения, 2007. С. 341–366.*
- 39 *Таубман У. Хрущев. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 439.*
- 40 Там же. С. 457–478. Также см.: *Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2011. С. 208–209.*
- 41 *Гринеvский О.А. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М.: Вагриус, 1998. С. 57–58.*
- 42 Там же. С. 98.
- 43 The Des Moines Register. 1955. Febr. 10 (editorial).
- 44 *Хрущев С.Н. Никита Хрущев: Реформатор. М.: Время, 2010. С. 239–240.*
- 45 Цит. по: *Аджубей А. и др. Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. М.: Политическая литература, 1960. С. 338–339 (далее: Лицом к лицу с Америкой).*
- 46 *Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 242, 244. Также см.: Khrushchev Sees U.S. Corn Expert // The New York Times. 1955. Oct. 10.*
- 47 Цит. по: Лицом к лицу с Америкой. С. 340.
- 48 *Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 244–245.*
- 49 *Гринеvский О.А. Указ. соч. С. 77.*

- ⁵⁰ *Weherwein A.C.* Iowa Skeptical, but Enjoyed Visit // *The New York Times*. 1959. Sept. 25.
- ⁵¹ *Weherwein A.C.* Premier to Find the Iowa Doors Open // *Ibid.* Sept. 10.
- ⁵² Khrushchev's Odyssey // *Ibid.* Sept. 24.
- ⁵³ *Lee H.* Roswell Garst: A Biography. Ames: Iowa State University Press, 1984. P. 223.
- ⁵⁴ Этот момент был запечатлен на снимке, сделанном фотографом "Associated Press" и широко тиражирован в американской прессе.
- ⁵⁵ *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 247.
- ⁵⁶ Missionary of Food. Roswell Garst // *The New York Times*. 1959. Sept. 23.
- ⁵⁷ Roswell Garst, 79, Khrushchev's Farm Host in 1959 // *Ibid.* 1977. Nov. 7.
- ⁵⁸ *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 242–243; Лицом к лицу с Америкой. С. 343–346.
- ⁵⁹ *Asbury E.E.* Mme. Khrushchev will Tour Town // *The New York Times*. 1959. Sept. 23.
- ⁶⁰ *Life*. 1959. Oct. 5 (обложка).
- ⁶¹ Stevenson Reports Khrushchev Hints at Give in Negotiations. Chat Held in Iowa // *The New York Times*. 1959. Sept. 24.
- ⁶² *Lee H.* *Op. cit.* P. 226.
- ⁶³ Texts of Speeches by Government Loveless, Lodge and Khrushchev at Dinner at Des Moines // *The New York Times*. 1959. Sept. 23.
- ⁶⁴ См., напр.: Khrushchev after His U.S. Tour // *Ibid.* Sept. 27; Mr. K Due in Moscow Today; Trip Praised // *The Los Angeles Times*. 1959. Sept. 28.
- ⁶⁵ *Тaubман У.* Указ. соч. С. 463.
- ⁶⁶ *Kordon K.A.* Khrushchev Comes to America: The Advent of Mutual Understanding // *Voces Novae: Chapman University Historical Review*. 2009. Vol. 1. № 1. С. 147–151, 166–169.
- ⁶⁷ *Fursenko A., Naftali T.* Khrushchev's Cold War: The Inside Story of an American Adversary. N. Y.: W.W. Norton, 2006. P. 242–245.
- ⁶⁸ Khrushchev and Iowan Renew Talk of Farms // *The New York Times*. 1963. May 11.
- ⁶⁹ Khrushchev is Living at Dacha He Had as Premier // *Ibid.* 1965. Jan. 9.
- ⁷⁰ *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 248–249.
- ⁷¹ *Swoboda R.* 50th Anniversary of Khrushchev's Visit to Iowa is Celebrated [Электронный ресурс] // *Prairie Farmer*. URL: <http://farmprogress.com/story-50th-anniversary-of-khrushchevs-visit-to-iowa-is-celebrated-9-31177> (дата обращения: 01.07.2013).
- ⁷² *Гасюк А.* Хрущев в полях [Электронный ресурс] // *Российская газета*. URL: <http://www.rg.ru/2009/04/02/hrushev.html> (дата обращения: 01.07.2013).
- ⁷³ Theater of Iowa in US stages play about Khrushchev [Электронный ресурс] // *RT*. URL: <http://rt.com/art-and-culture/khrushchev-garst-corn-theatre/> (дата обращения: 01.07.2013).

П.К. Симонов

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС
В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ 1920-х ГОДОВ
(по материалам центральных церковных
обновленческих изданий в СССР)

В статье освещаются различные аспекты религиозного вопроса в советско-американских отношениях 1920-х годов на основе анализа публикаций в центральных церковных обновленческих журналах, выходивших в СССР.

Ключевые слова: советско-американские отношения, православная церковь в России, митрополит Платон Рождественский, патриарх Тихон, архиепископ Иоанн Кедровский, США, СССР.

Соединенные Штаты Америки явились одним из последних государств, признавших СССР. Дипломатические отношения между двумя странами были официально установлены лишь в 1933 г. С 1918 по 1920 г. американские войска участвовали в интервенции против Советской России. С 1919 г. в Соединенных Штатах широко развернулась борьба против коммунистических и социалистических движений, оказалась под запретом деятельность организаций левого толка, а из страны периодически выдворялись потенциально опасные, с точки зрения властей, лица. Предшествовавший 1933 г. период в истории советско-американских отношений получил название «годы непризнания».

Несмотря на это, в 1920-е годы развивались активные контакты между религиозными организациями, осуществлявшими свою деятельность в СССР и США. В силу этого изучение религиозного вопроса в контексте советско-американских отношений приобретает особое значение для исследователей по обе стороны Атлантики.

Отдельные аспекты заявленной проблематики были исследованы в работах отечественных и зарубежных историков, однако

в целом роль религиозного вопроса в советско-американских отношениях вообще, и в 1920-е гг. в частности, представляется малоизученным сюжетом. В Советском Союзе по идеологическим соображениям деятельность религиозных организаций крайне редко становилась предметом научного исследования. Кроме того, серьезным препятствием для историков была ограниченность источниковой базы, поскольку основной массив исторических документов был засекречен и недоступен для изучения.

В советский период основное внимание интересующей нас тематике уделяли церковные историки, жившие и работавшие за границей. Так, в 1953 г. в Бостоне выходит работа Дж. Куртиса «Русская церковь и Советское государство, 1917–1950»¹. С 1965 по 1973 г. в Великобритании и США историк У. Флетчер публикует работы, посвященные положению и деятельности Русской православной церкви в Советском Союзе². Наконец, в 1984 г. в Нью-Йорке издается книга Д. Поспеловского «Русская церковь при советском режиме, 1917–1982»³.

В 1991 г. в России открывается доступ к архивам КПСС и государственных ведомств. Результатом знакомства с их фондами стала публикация статей и монографий отечественных историков О.Ю. Васильевой⁴, В.А. Ливцова⁵, И.А. Курляндского⁶, В.Н. Якунина⁷, которые освещали те или иные аспекты внешнеполитической деятельности Московского патриархата, в том числе советско-американские контакты по церковной линии. Отдельные эпизоды, связанные с деятельностью структур Российской Православной Церкви⁸ в Соединенных Штатах Америки, рассматривали в своих работах протоиерей Георгий Митрофанов⁹, протоиерей Владислав Цыпин¹⁰, М.Б. Данилушкин¹¹, Д.В. Сафонов¹², А.В. Шкурин¹³, С.В. Болотов¹⁴.

Особый вклад в изучение религиозного вопроса в контексте российско-американских отношений в длительном временном диапазоне внесла книга известного американского исследователя Д. Фоглесонга. Она посвящена изучению многочисленных «крестовых походов» американцев за демократизацию России (будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия). Автор обращает особое внимание на религиозное измерение «новой мессианской идеи» в США, возникшей еще в конце XIX в. в связи с формированием в американском обществе стойкого убеждения в том, что Соединенные Штаты несут ответственность за проведение либеральных реформ в России в рамках выполнения миссии по реформированию мира¹⁵.

Одним из практически не исследованных до настоящего времени массивов источников, освещающих советско-американские

контакты, происходившие в 1920-е годы по церковной линии, являются церковные периодические издания. Касаясь вопроса их использования в качестве исторического источника особой видовой характеристики, необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь может идти лишь о периодических изданиях так называемых обновленческих церковных групп – раскольнических по отношению к Российской Православной Церкви (РПЦ), которую возглавлял патриарх Тихон и его законные приемники. Российская Православная Церковь лишилась своего центрального печатного издания в 1918 г., после закрытия «Церковного вестника» – официального органа Святейшего Синода, и до начала издания в 1931 г. «Журнала Московской патриархии» не имела своего печатного органа.

Реквизиция церковных типографий началась еще в 1917 г., практически сразу после Февральской революции. Так, уже 2 августа 1917 г. Святейший Синод Российской Православной Церкви, озабоченный фактической утратой доступа к типографиям, просил Министерство внутренних дел «обратить церковные типографии вновь по их прямому назначению»¹⁶. В 1920-е годы в силу антирелигиозной направленности внутренней политики легальное издание в Советской России каких-либо периодических изданий стало невозможным.

В это время советская власть использовала различные методы борьбы с РПЦ – от открытых гонений до организации и поддержки внутрицерковных расколов. Так, возникновение обновленческого раскола в РПЦ было осуществлено по предложению Л.Д. Троцкого и под непосредственным руководством органов ГПУ¹⁷. Для информационной поддержки обновленчества и подготовки общественного мнения в нужном ключе органами ГПУ было разрешено и даже профинансировано издание периодического журнала «Живая Церковь»¹⁸, который выходил «под самым строжайшим контролем»¹⁹ с мая 1922 по февраль 1923 г. Другой обновленческий периодический центральный журнал «Вестник Священного синода Православной Российской Церкви» издавался в Москве в период с 1925 по 1931 г. С 1927 г. журнал стал называться «Вестник Священного синода православных церквей в СССР»²⁰.

До сих пор материалы центральных обновленческих периодических изданий не стали объектом разнопланового анализа исследователей советско-американских отношений. Хотя, по мнению занимавшегося изучением церковной периодики диакона (ныне священника) Василия Писцова, обновленческие периодические издания являются ценными источниками, «содержащими значительный фактический материал по истории 1920-х годов»²¹. При

этом необходимо помнить, что церковная периодика этого времени преподносила читателям весьма специфическое и очень тенденциозное освещение событий, происходивших в общественной и церковной жизни. Учитывая такую особенность обновленческих изданий, исследователи должны чрезвычайно ответственно и критически оценивать содержащуюся в них информацию, не только подвергая ее проверке по источникам других видовых характеристик, но и тщательно отделяя фактический материал от идеологической и пропагандистской составляющей этих изданий.

В начале 1920-х годов большой интерес к Советской России проявляла методистская церковь Соединенных Штатов Америки, хотя первые американские методисты появились на территории России еще задолго до Октябрьской революции 1917 г.²²

В Советский Союз осенью 1923 г. приезжал методистский епископ Дж.Л. Нюльсен, о визите которого, с пометкой «от нашего корреспондента»²³, сообщается в статье «Американская церковь и живоцерковное движение в России», помещенной в одном из номеров обновленческого журнала «Живая Церковь» в специально созданном по этому случаю разделе под названием «Религиозная жизнь на Западе». Он предназначался для сообщений «из Америки, Англии и Германии». «Выступление Епископа Нюльсена, – говорится в статье, – обратило на себя внимание американского правительства и печати. Статс-секретарь Юз²⁴ и другие влиятельные лица правительства приглашали его на беседы по русскому вопросу, и повсюду он настаивал на необходимых дружественных отношениях Америки к России»²⁵. Учитывая тот факт, что приезд и пребывание в СССР в 1923 г. иностранного епископа не могли происходить без бдительного контроля со стороны органов ГПУ, осуществлявшего и негласное управление обновленческим движением, мы можем на основании этой публикации говорить об осуществленной советской властью попытке использования каналов «церковной дипломатии» для улучшения имиджа Советского Союза в глазах американцев. Широкий общественный резонанс от визита в СССР епископа Нюльсена подтверждается также публикациями в газетах “The New York Times” и “The Chicago Daily Tribune”, освещавшими этот визит начиная с подготовительного периода²⁶.

О контактах с американскими методистами говорил в своем докладе профессор-обновленец Б.З. Белоликов: «Из Америки сообщают, что епископалы поддерживают Митрополита Платона Рождественского. Но среди англиканской Церкви есть течение методистов, которое относится к нам весьма симпатично. Епископ Блейк был на Соборе 1923 г., в 1924 г. был в Синоде и в настоящее

время состоит в переписке с некоторыми его членами. Епископ Нюльсен в 1924 г. и начале 1925 г. посетил Россию, Св. Синод и Богословские Академии в Ленинграде и Москве. Методистская Церковь помогает нам, собирая средства на дело духовного просвещения в России»²⁷. В свою очередь, автор заметки «В Московской Богословской академии», сообщая об очередной поездке епископа Дж. Нюльсена в СССР в апреле 1925 г., подчеркивал: «Еп. Нюльсен беседовал со студентами и прочел им лекцию о религиозном состоянии Запада (лекция эта печатается ниже). Затем состоялось в присутствии еп. Нюльсена собрание корпорации Академии и членов Св. Синода. Еп. Нюльсен живо интересовался положением богословского образования в православной русской церкви, его нуждами и перспективами. Он сообщил, что верующее американское общество с готовностью оказывает материальное содействие русской богословской науке. Трудными епископов Блейка и Нюльсена собраны значительные средства на этот предмет, которые и передаются чрез американского представителя методистов в России Ю.Ф. Геккера в распоряжение Московской Богословской Академии и Ленинградского Богословского Института. За полтора года таких пожертвований получено названными учреждениями около 16 тыс. руб. В последнее время, благодаря антиобновленческой и антирусской агитации в Америке эмигрантского митрополита Платона (б. Одесского), в сборе пожертвований замечается некоторая заминка, но еп. Нюльсен выразил надежду, что правильная информация о русских церковных делах в Америке устраним влияние русских реакционеров. <...> Перед приездом в Москву еп. Нюльсен посетил и Ленинградский Богословский Институт, где ознакомился с его состоянием. Ленинградский Институт точно так же много обязан поддержке американских друзей на первых порах своего существования»²⁸. В напечатанной далее речи епископа Нюльсена в Московской богословской академии он подчеркивал: «Я могу вас уверить, что к этой Академии существует повсюду колоссальный интерес. Вся Америка знает о существовании данной Академии. Верующие этой страны ожидают, что академия может очень много сделать для утверждения церковной жизни и разъяснения Христианских истин в России. С особым интересом смотрит, конечно, издалека на деятельность этой Академии наш друг Епископ Блейк, который в настоящее время находится в Америке, и тысячи других, которые точно так же чувствуют связь с вами, и поэтому я надеюсь и всегда надеялся иметь возможность быть посредником между Академией и внешним миром»²⁹. То, что произнесенные епископом Нюльсеном слова «вся Америка знает»

являются не художественным преувеличением, мы уже могли убедиться на примере публикаций в американских газетах “The New York Times” и “The Chicago Daily Tribune”. О финансовой поддержке обновленческих богословских учебных заведений сообщалось также на страницах «Вестника Священного синода Православной российской церкви»³⁰.

Сообщение о дальнейшем развитии взаимоотношений между американскими методистами и советскими обновленцами находим в докладе лидера обновленцев Александра Введенского, опубликованном в шестом номере «Вестника» за 1926 г.: «Московская Академия дает наступающим летом выпуск своих питомцев, несмотря на то, что она находится в очень стесненных материальных условиях. Субсидия со стороны американских друзей прекратилась»³¹. Но уже в седьмом номере «Вестника» за тот же год был опубликован материал, свидетельствующий о расширении контактов с протестантами Соединенных Штатов: «6-го текущего августа в 8 часов вечера Св. Синод посетили члены находившейся в Москве делегации американских промышленных и общественных деятелей, в количестве 9 человек, в сопровождении профессора Ю.Ф. Геккера, в составе следующих лиц: Бинскалед – настоятель Чикагского Епископального Собора, Морисон – редактор журнала “Христианский Век”, Пейж – редактор журнала: “Мир завтрашнего дня”, Акснон – настоятель Церкви всех наций в Анжелес в Калифорнии, Каротерс – профессор университета из Калифорнии, Девис – профессор из Йельского университета, М. Спинка – профессор Чикагского Университета и Д. Стикман – квакерша. Члены делегации интересовались положением Православной Церкви в России, предлагали вопросы и обещали оказать свое содействие к получению материальной помощи из Америки, преимущественно на нужды богословского просвещения»³². О визите этой американской делегации, еще два раза упоминается в центральных обновленческих периодических изданиях³³.

В 1927 г. состоялся последний визит делегации из США к обновленцам. Автор заметки сообщал: «15 августа с. г., в 6 часов вечера, Св. Синод и Московскую Богословскую Академию посетили, в сопровождении профессора Ю.Ф. Геккера, представители американской делегации профессоров и студентов, а именно – ректор Доннигтон, профессора социологии Магруден, Гуккерт, Воод, педагог Снайдер, журналист Гебен, лидер американских студенческих делегаций профессор журналистики Кээн и др. Гостей принимали, во главе с председателем Св. Синода митрополитом Вениамином, члены президиума Св. Синода – протопресвитер

П.Н. Красотин, профессор С.М. Зарин и находившиеся в Москве студенты Московской Богословской Академии»³⁴.

Важным аспектом во взаимоотношениях церковных организаций СССР и США на протяжении 1920-х годов была борьба обновленческих церковных организаций, возникших на территории Соединенных Штатов, с церковными структурами, признающими над собой главенство законно избранного патриарха Тихона и его преемников. Этот вопрос оставался постоянным сюжетом на страницах «Вестника Священного синода Православной российской церкви».

Так, уже в первом номере этого периодического издания упоминается одна обновленческая епархия в Америке³⁵, а в докладе протоиерея Василия Алёшинцева говорится об организации обновленческих заграничных управлений в Америке и Западной Европе³⁶. Автор одной из последующих публикаций в числе прочего писал: «В самое последнее время в Америке происходил судебный процесс между Платоном³⁷ и Синодальным митрополитом Иоанном Кедровским³⁸ из-за церковного имущества. Платоном нажаты были все кнопки в высших кругах Америки, чтобы помешать торжеству справедливости, и результаты этого нажима обнаружались в стремлении суда придать делу не церковное, а исключительно политическое значение. <...> Между прочим судья заявлял, охарактеризовав доклад Архиепископа Александра Введенского о взаимоотношениях Церкви и государства, о социальной революции и о Тихоне: «Я бы сказал, что полное одобрение Собором³⁹ Советского Правительства и всех его действий и начинаний, изъятие полной лояльности этому диктаторскому Правительству напоминает скорее бешеный политический конвент, чем Высший Церковный законодательный Собор. Так как Тихон этого Собора не признал, то ясно... что православие на его стороне и имущество должно быть в руках Платона»⁴⁰. В том же номере был опубликован доклад профессора Б.З. Белоликова на расширенном пленуме Св. Синода 30 января 1925 г., в котором содержится, хотя и весьма политизированное, но в то же время довольно интересное описание проходящих в это время в США судебных тяжб за имущество Российской Православной Церкви: «И вот перед нами факт из жизни нашей Церкви в Америке. Папский двор, подобно английскому адмиралтейству, знающий в любой момент, что делается на всем Земном шаре, обратил внимание на деятельность обновленчества в Америке. Там идет борьба из-за Кафедрального Собора в Нью-Йорке и другого церковного имущества между представителем Св. Синода Митрополитом Иоанном Кедровским

и Платоном Рождественским. Интересно, что судья Форд, разбирая данное дело, выясняет, что такое *православие*. И та и другая сторона считают себя *православною*, законною наследницею имущества: Судья разбирает постановления Собора 1923 г., оценивает их с точки зрения Собора 1917–1918 гг., приводит целый ряд канонических справок, и так как Собор 1923 г. пошел на путь реформ, ввел, между прочим, женатый епископат, то это явилось одним из мотивов отказа в иске Кедровскому. Затем судья отмечает следующее, более серьезное, с его точки зрения обстоятельство: *“Новая Церковь – продукт Советской диктатуры, стремится захватить все религиозные организации в С. Америке, которые располагают сотнями духовенства и миллионами верующих”*. Русская Церковь в Америке обладает колоссальными средствами. Если эти суммы перейдут к Советскому Правительству через посредство его духовенства, то оно приобретет колоссальные средства для пропаганды. Бюллетени Собора 1923 г. ясно показывают, насколько этот Собор тесно связан с диктатурой Советов. «Юрист, обязанный поддерживать конституцию своего Правительства, не может отставать от других органов Правительства в стремлении сломить деятельные силы врага нашей демократической Республики, где бы, когда бы и как бы они ни проявлялись». Адвокат Кедровского пишет: *“Форд – католик, и решение его несомненно вызвано его соответствующими убеждениями”*. Вывод ясен. Ватикан через Форда выступил уже открыто именно против обновленчества и Собора 1923 г., благословившего новые формы церковного и государственного строя»⁴¹.

Обновленческий митрополит Александр Введенский предлагает политизированную и крайне тенденциозную оценку событий, связанных с борьбой за церковное имущество в США: «В Америке беженский митроп. Платон ведет рьяную антисоветскую агитацию и открыто хвалится (№ 42 “Возрождения”), что Тихон в свое время отстранил его лишь для вида: на самом деле ему был дан тайный приказ остаться. Американская печать недавно открыла нам, что американские тихоновцы работают на хорошие деньги: в карманы организации, к которой из принадлежит американские тихоновские архиереи, перепало из денег еще занятых Керенским 187 млн долл. Наконец, рекорд побивает полученное на днях письмо южно-американского Епископа Николая Соловья. Этот Епископ в прошлом году уехал из Москвы за границу, под флагом обновленца; но там изменил обновленчеству и перешел в тихоновщину. Ныне он снова обращается к Св. Синоду и кается в своем грехе...»⁴². В этом докладе содержится откровенная ложь по поводу денег, якобы попавших к американским «тихоновским архиереям», при этом другие факты,

приведенные в публикации, действительно имели место, пусть они и получили в устах Введенского такое предвзятое, граничащее с ложью освещение.

Историки, исследовавшие недавно рассекреченные архивы, выяснили, что патриарх Тихон намеренно задержал отправку указа об увольнении североамериканского митрополита Платона (Рождественского) и издал его под беспрецедентным давлением органов ГПУ⁴³. В докладе же Введенского мы находим первое упоминание этого факта, а также подтверждение того, что митрополит Платон получил от патриарха Тихона устные распоряжения и понимал вынужденность патриаршего указа о своем увольнении.

О лжи и клевете, содержащейся в письме Николая Соловья, вызвавшем широкий общественный резонанс, уже писали многие историки⁴⁴, поэтому рассмотрение этого вопроса здесь опускается. Таким образом, вышеприведенный отрывок из обновленческого «Вестника» наглядно показывает, что события, происходившие в то время в православной среде на Американском континенте, отличались нешуточным накалом страстей, взаимными обвинениями и клеветой. Сотни людей стали участниками этих событий, которые выплеснулись на страницы ведущих газет США⁴⁵.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что обновленцам удалось одержать временную победу в борьбе за церковное имущество в Соединенных Штатах, чему была посвящена специальная публикация в «Вестнике Священного синода Православной российской церкви»: «Крупнейшим фактом в жизни русской церкви за пределами СССР последних месяцев надобно признать победу, одержанную представителем Священного Синода в Америке, митрополитом Иоанном Кедровским, в его тяжбе с беженским митрополитом Платоном <...> Во владении русской церкви на американской территории находятся крупные имущества – церковные здания, дома, участки земли, школы и под. Ценность этих имуществ определяется миллионами <...> Священный Синод, конечно, в свое время предъявил права на русские церковные имущества, с чем связана и церковно-иерархическая юрисдикция. Но американский суд долго отказывал в признании законных прав Синода. В первой стадии суда судья Форд, как уже передавалось в № 3 «Вестника Синода», решил дело в пользу Платона, т. е. тихоновцев, основываясь главным образом не на юридических данных, а на своей антипатии к Советской власти. Однако во второй инстанции более авторитетной суд отменил решение Форда и признал законным правопреемником российской церковной власти Священный Синод, как получивший законные права управления от Собора

1923 г., и постановил передать Собор в Нью-Йорке синодальному уполномоченному митрополиту Иоанну Кедровскому, с чем связано подчинение ему и других церквей»⁴⁶.

Дальнейшее развитие событий, связанных с разделом церковного имущества в Соединенных Штатах, по сути дела не нашло развернутой характеристики на страницах обновленческой печати⁴⁷. Все закончилось тем, что, как сообщалось в одной из публикаций, Верховный суд США был вынужден «в силу представленных доказательств вновь признать нашего митрополита Иоанна Кедровского единственным законным представителем Русской Православной Церкви в Америке»⁴⁸.

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на два интересных момента, связанных с религиозным измерением советско-американских отношений и нашедших свое отражение на страницах церковной обновленческой периодики. Первый касается связей сектантских групп в СССР с религиозными организациями в США, что не могло не вызывать крайне негативной реакции со стороны органов ГПУ. Так, в одном из сообщений говорилось: «Сектантство (баптизм, адвентизм) находится в постоянном общении с заграницей (Германией, Америкой), ведет оживленную переписку, в которой часто сообщает сведения, делающиеся за границей достоянием прессы. Так как эти сообщения часто могут быть подведены под понятие гражданского шпионажа, и так как освещение фактов дается с точки зрения конфессиональной, при которой легко исказить как самые факты, так и смысл их, то отсюда понятно, что этот конфессиональный интернационал может быть не безвреден для политического и социального строя»⁴⁹. Второй момент связан с контактами американских старокатоликов с советскими обновленцами: «Митрополит старокатоликов в Америке *Френсис* обратился к Митрополиту Иоанну Кедровскому с весьма интересным посланием, в котором, исповедуя свое учение, предлагает начать переговоры о *соединении Церквей*. <...> Митрополит Иоанн Кедровский, докладывая об обращении к нему митрополита Френсиса, свидетельствует, что старокатоличество в Америке представляет из себя весьма симпатичное явление, что Френсис является единственным почти другом обновленчества среди массы врагов его. Св. Синод поручил Митрополиту Иоанну собрать все материалы, касающиеся старокатолического движения в Америке, и представить их Синоду для внесения на обсуждение предстоящего Собора»⁵⁰. Необходимо заметить, что вопрос об отношениях между советскими обновленцами и американскими старокатоликами относится к неисследованным сюжетам. По сути дела, мы впервые узнаем

об этих отношениях именно благодаря публикациям в церковных обновленческих изданиях.

Таким образом, как свидетельствуют публикации на страницах церковной обновленческой периодики, при отсутствии официальных дипломатических отношений между СССР и США советское правительство использовало обновленческое движение для установления контактов с американским обществом по линии церковных связей, а обновленцы, в свою очередь, выполняя обязанности, возложенные на них ГПУ, были не прочь пополнить свой бюджет за счет американских друзей.

Лишь с началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. советская власть в условиях сотрудничества с западными странами в рамках антигитлеровской коалиции начнет проводить планомерную политику по использованию Русской православной церкви для создания положительного имиджа Советского Союза в Соединенных Штатах Америки.

Примечания

- ¹ *Curtiss J.* The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. Boston: Little, Brown and Company, 1953. 387 p.
- ² *Fletcher W.* A Study of Survival: The Church in Russia 1927–1943. N. Y.: MacMillan, 1965. 168 p.; *Idem.* Portrait of Most Praised and Vilified of Modern Churchmen. New Jersey, 1968; *Idem.* The Russian Orthodox Church Underground, 1917–1970. L.: Oxford University Press, 1971. IV. 314 p.
- ³ The Russian Church under the Soviet Regime, 1917–1982. N. Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. 535 p.
- ⁴ *Васильева О.Ю.* Кремль против Ватикана // Новое время. 1993. № 30. С. 38–40; *Она же.* Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35–47.
- ⁵ *Ливцов В.А.* Русская православная Церковь и экуменическое движение в XX в. М.: Социум, 2000. 206 с.
- ⁶ *Курляндский И.А.* Сталин и «интервью» митрополита Сергия Советским корреспондентам в 1930 г. // Российская история. 2010. № 2. С. 157–169; *Он же.* О мнимом повороте Сталина к православной церкви // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 3–17.
- ⁷ *Якунин В.Н.* Внешние связи Московской Патриархии и расширение ее юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: Науч.-техн. центр, 2001. 211 с.
- ⁸ До 1943 г. Русская православная церковь именовалась Российской, или Всероссийской, православной церковью.

- ⁹ *Митрофанов Георгий, прот.* История Русской Православной Церкви 1900–1927 гг. СПб.: Сатис, 2002. 443 с.
- ¹⁰ *Цытин В.А., прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный период. Новейший период. М.: Учебн. комитет Русской Православной Церкви, 2004. 840 с.
- ¹¹ История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917–1970 / Под общ. ред. М.Б. Данилушкина. Т. 1. СПб.: Воскресение, 1997. 1020 с.
- ¹² *Сафонов Д.В.* Патриаршая Церковь и обновленческий раскол в 1922–1925 гг. Сергиев Посад, 2006; *Он же.* Патриарх Тихон и советская власть: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- ¹³ *Шкурин А.В.* Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) – ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922–1929 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- ¹⁴ *Болотов С.В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е гг. М.: Крутицкое подворье, 2011. 315 с.
- ¹⁵ *Foglesong D.S.* The American Mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 352 p.
- ¹⁶ Определение Св. Синода от 2 августа 1917 г. // Церковный вестник. 1917. № 32–33. С. 264.
- ¹⁷ *Степанов А.С.* Обновленческий раскол как средство антицерковной политики советской власти в 1922–1923 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 32.
- ¹⁸ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922–1925 гг. Кн. 2. М.; Новосибирск, 1998. С. 184.
- ¹⁹ Там же. С. 429.
- ²⁰ *Писцов В., диак.* Периодические издания и публикации обновленческих групп как источник по истории обновленческого раскола: Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2008. С. 107.
- ²¹ Там же. С. 168.
- ²² Об этом подробнее см.: *Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы. М.: РГГУ, 2012. С. 913–921; *Foglesong D.S.* Redeeming Russia? American Missionaries and Tsarist Russia, 1886–1917 // Religion, State and Society. 1997. Vol. 25. № 4. P. 353–368.
- ²³ Здесь и далее в цитатах сохранены курсив и кавычки оригинала.
- ²⁴ Имеется в виду государственный секретарь Чарльз Эванс Хьюз, занимавший этот пост в 1921–1925 гг.
- ²⁵ Американская церковь и живоцерковное движение в России // Живая Церковь. 1923. № 11 (1). С. 22–23.
- ²⁶ См., напр.: *Bishops’ Mission Cancelled* // The Chicago Daily Tribune. 1923. Apr. 11; *To Help Russian Church* // The New York Times. 1923. Aug. 1.
- ²⁷ *Белоликов Б.З., проф.* Инославие, сектантство и миссия. Доклад на расширенном пленуме Св. Синода 30 января 1925 г. // Вестник Священного синода Православной Российской Церкви. 1925. № 3. С. 23.

- 28 В Московской Богословской академии // Там же. С. 26.
- 29 Речь епископа Ньюльсена в Московской богословской академии // Там же. С. 27–28.
- 30 В ленинградском высшем Богословском институте // Там же. С. 16.
- 31 Доклад Члена Президиума Священного Синода Митрополита Александра (Введенского) по Просветительному Отделу при Священном Синоде // Там же. 1926. № 10 (6). С. 5.
- 32 Посещение Священного Синода членами американской делегации // Там же. № 11 (7). С. 2.
- 33 Протокол № 2 Заседания пленума Священного Синода от 31 января 1927 г. // Там же. 1927. № 2 (15). С. 9–10; *Серафим, митр. Московский*. Доклад общему собранию членов Священного Синода 31 января 1927 года по административному и иностранному отделам // Там же. С. 15–18.
- 34 Посещение Св. Синода представителями Американской делегации // Там же. № 9–10 (22–23). С. 24.
- 35 Обзор современного положения Р. П. Ц. // Там же. 1925. № 1. С. 15–16.
- 36 *Василий Алешиинцев, прот.* Св. Синод и патриарх Тихон (Доклад, читанный на Тотемском съезде духовенства и мирян 30-го декабря 1924 года) // Там же. № 3. С. 9.
- 37 Митрополит Платон (Рождественский) – на тот момент управляющий Алеутской и Северо-Американской епархией Российской Православной Церкви.
- 38 Обновленческий митрополит Иоанн Кедровский. На протяжении 1920-х гг. активно судился за имущество Российской Православной Церкви в США.
- 39 Речь идет о проведенном обновленцами под контролем советских властей так называемом Втором Московском Соборе, который осудил законно избранного патриарха Тихона, признал Советскую власть и объявил капитализм «смертным грехом».
- 40 Заграничная Тихоновщина // Там же. С. 12.
- 41 *Белоликов Б.З., проф.* Указ. соч. С. 23.
- 42 *Введенский А., митр.* О современном положении православия (доклад) // Там же. 1926. № 6 (2). С. 10.
- 43 См.: *Сафонов Д.В.* Патриарх Тихон и советская власть: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 155–157.
- 44 См. напр.: *Кузнецов А.И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви // Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И.В. Соловьев. М.: Крутицкое подворье, 2002. С. 424–425; *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/istoriya_rpc/levitin_shavrov_ocherki/24/ (дата обращения: 01.09.2013).
- 45 См., напр.: *Delays Ousting of Platon* // *The New York Times*. 1925. Dec. 1; *Russian Church Dispute* // *Ibid.* 1926. Jan. 16; *Kedrovsky Takes Russian Cathedral* //

Ibid. Арг. 3. В общей сложности было выявлено более 20 статей в данном периодическом издании по интересующей нас проблематике.

⁴⁶ Русская церковь за границей // Вестник... 1926. № 8–9 (3–4). С. 16. Об этом же факте упоминается и в докладе митрополита Серафима: Доклад члена президиума Св. Синода Митрополита Серафима по административному и иностранному отделам // Там же. № 10 (6). 1926. С. 7.

⁴⁷ В публикациях упоминались лишь отдельные незначительные факты. См., напр.: От организационного отдела при Священном Синоде. Бюллетень № 1, на 15 сентября 1926 года // Там же. № 12–13 (8–9). С. 4–5; Бюллетень № 5, на 1 января 1927 года // Там же. 1927. № 2 (15). С. 6.

⁴⁸ Бюллетень № 7, на 1 марта 1927 года // Там же. № 4 (17). С. 3–4. Последнее упоминание об этих событиях находим в 1928 г. В публикации сообщалось о том, что «особенно хорошо обстоит дело в Сев. Америке, где митрополит Иоанн Кедровский успешно объединяет под властью Священного Синода православные приходы» (Там же. 1928. № 2 (25). С. 3–4).

⁴⁹ Сектантство (Доклад на предсоборном совещании) // Там же. 1925. № 2. С. 23.

⁵⁰ Там же.

III. Страны и регионы в современной системе международных взаимодействий

III.1. СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А.С. Левченков

ОТНОШЕНИЯ УКРАИНЫ С ГОСУДАРСТВАМИ – УЧАСТНИКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Статья посвящена отношениям Украины со странами – членами Центральноевропейской инициативы в контексте сотрудничества с Европейским союзом. Автор сравнивает евроинтеграционный курс Киева с отношением Украины к интеграции на постсоветском пространстве, анализирует перспективы участия страны в Евразийском экономическом союзе.

Ключевые слова: Украина, постсоветское пространство, интеграция, Центральноевропейская инициатива, Европейский союз, Зона свободной торговли.

Отношения Украины с государствами Центрально-Восточной Европы всегда являлись неотъемлемой составляющей евроинтеграционного курса украинского государства, который был декларирован в качестве приоритета уже при первом президенте Л.М. Кравчуке, а по сути начал формироваться в последние годы существования Украинской ССР, в ходе контактов украинских политиков эпохи парада суверенитетов в СССР с европейскими (в том числе центральноевропейскими) коллегами того времени.

При этом традиционно и обоснованно как евроинтеграционный, так и российский векторы украинской внешней политики специа-

листы склонны оценивать как варианты цивилизационного выбора, находящиеся, по мнению многих, в конфронтации друг с другом на протяжении гораздо более длительного периода, причем ни один из этих вариантов не мог получить окончательного перевеса в силу различных, как внешних, так и внутренних, факторов. Отсюда в значительной степени и так называемая многовекторность внешней политики Украины, окончательно сложившаяся при Л.Д. Кучме и в своей основе сохраняющаяся до настоящего времени, хотя и поколебленная было президентством В.А. Ющенко, резко усилившего на несколько лет евроинтеграционную и евроатлантическую составляющую внешнеполитической активности Киева.

Именно ряд государств Центральной и Восточной Европы всегда являлись достаточно последовательными сторонниками активного вовлечения Украины в евроинтеграционные процессы. Принадлежа к так называемым молодым членам ЕС, страны Центральной и Восточной Европы рассматривают Украину как важный рынок сбыта собственных товаров, площадку для инвестиций и ареал распространения культурного влияния. Наконец, как Украина, являющаяся транзитным государством, так и ее более западные (географически) соседи являются важнейшими элементами в устоявшейся схеме транспортировки энергоносителей из Центральной Азии и Российской Федерации.

Наибольшей активностью отличаются контакты Украины со странами – членами Центральноевропейской инициативы – регионального объединения стран Центральной и Восточной Европы, основной целью деятельности которого с самого начала было провозглашено налаживание многостороннего сотрудничества в политической, социально-экономической, научной и культурной сферах, а также содействие на этой основе укреплению стабильности и безопасности в регионе.

Центральноевропейская инициатива (ЦЕИ) ведет свою историю с переломной эпохи распада социалистического блока, что создало предпосылки для объединения государств региона на основе новых принципов и интересов. ЦЕИ была создана в ноябре 1989 в Будапеште четырьмя государствами – Италией, Австрией, Венгрией, Югославией. Впоследствии состав организации неоднократно расширялся, и в настоящее время она насчитывает 18 государств: Албания, Австрия, Беларусь, Босния и Герцеговина, Болгария, Венгрия, Италия, Македония, Молдова, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия и Украина. Ровно половина участников организации является членами Евросоюза.

Украина начала развивать контакты с ЦЕИ в 1992 г., включившись в деятельность нескольких рабочих групп Инициативы. В марте 1994 г. Киев получил статус члена ассоциированного совета ЦЕИ, а 31 мая 1996 г. Украина стала полноправным членом организации. Безусловно, несмотря на ярко выраженный мейнстрим участников ЦЕИ – преимущественное стремление стать членом ЕС, у отдельных членов организации есть свои конкретные цели и задачи. Так, к примеру, белорусская дипломатия рассматривает участие в организации как способ расширить контакты с европейскими государствами, наладить с ними прочные, стабильные связи, а также обрести поддержку ЦЕИ в решении проблем миграции, борьбы с организованной преступностью, визовых и таможенных вопросов. Повышенное внимание Минск уделяет сотрудничеству в деле ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС¹.

Со второй половины 1990-х годов акцент в деятельности ЦЕИ стал все больше смещаться в сторону активизации контактов со странами – участниками евроинтеграционного проекта. В конце 1990-х годов содействие европейской интеграции и сближению между ЕС и европейскими государствами, не входящими в его состав, было провозглашено основной целью организации.

Следует отметить, что далеко не все предложения и чаяния украинской стороны находили однозначную поддержку со стороны государств – членов ЦЕИ, особенно связанные непосредственно с вступлением в Евросоюз. Так, в 1990-х годах Киев надеялся ускорить процессы евроинтеграции, включившись в Вышеградскую группу, образованную в 1991 г. четырьмя центральноевропейскими государствами: Польшей, Чехией, Словакией и Венгрией². Главной целью Вышеградской четверки на первом этапе стало вступление в Евросоюз. Отмечая слишком большую разницу с Украиной в экономическом развитии, члены Вышеградской четверки скептически отнеслись к перспективе вступления Киева в это объединение. Не получило поддержки со стороны центральноевропейских держав и стремление Киева присоединиться к Центральноевропейскому соглашению о свободной торговле (ЦЕФТА), подписанному в декабре 1992 г. Венгрией, Польшей, Словакией и Чехией и вступившему в силу 1 марта 1993 г.

Тем не менее можно констатировать, что контакты Украины и стран ЦЕИ по вопросам, связанным с евроинтеграцией, продолжали развиваться. В 2012 г. Украина сменила Сербию на посту председателя ЦЕИ. Интересно, что, очерчивая приоритеты украинского председательства в ЦЕИ, министр иностранных дел Украины Константин Грищенко отметил важность участия Украины в

деятельности Инициативы, учитывая стратегический евроинтеграционный курс украинского государства³. В начале ноября 2011 г. премьер-министр Украины Н. Азаров во время пресс-конференции глав делегаций государств-участников «Общей тройки⁴ Центрально-европейской инициативы» в Белграде заявил, что продолжает настаивать на включении в соглашение об ассоциации перспективы членства в Европейском союзе.

В целом в период председательства Украины в ЦЕИ главной задачей являлась именно выработка решений, которые смогли бы противодействовать надвигавшемуся кризису. Помимо этого, как считали специалисты и представители организации, Украина в рамках председательства в организации была заинтересована в развитии энергетического и транспортного направлений сотрудничества, в развитии регионального сотрудничества для евроинтеграции, включая судьбу Восточного партнерства⁵.

Безусловно, еще с конца 1980-х годов, после смены режимов и бархатных революций, страны Центрально-Восточной Европы выражали заинтересованность в демократизации Украины, в максимальном вовлечении страны в процессы развития евроориентированной демократии, часто прямо указывая на это как противовес российскому влиянию. В этом ключе совершенно очевидно стремление государств Центральной и Восточной Европы – членов Евросоюза и ЦЕИ – не допустить включения Украины в область приоритетного влияния России, как политического, так и экономического.

Необходимо подчеркнуть, что государства-члены Центрально-европейской инициативы стали важной опорой деятельности ряда так называемых альтернативных интеграционных модулей. Современные исследователи отмечают, что уже во второй половине 1990-х годов на постсоветском пространстве начала формироваться особая система отношений, образовался ряд модулей, обусловленных желанием их участников оформить структуру, в рамках которой они могли бы играть главенствующую роль⁶. Эти региональные модули изначально ориентировались на тесное сотрудничество, прежде всего со странами ЕС и США, представляя собой, по сути, потенциальную площадку для запуска механизмов все более тесного вовлечения во взаимодействие с Евросоюзом и НАТО с перспективой вхождения в евроатлантические структуры. Длительное время последовательно дистанцируясь от активного участия в интеграционных организациях на постсоветском пространстве, в которых главенствующую роль играла и играет Российская Федерация, Украина уже при президенте Л.Д. Кучме (1994–2004 гг.), следуя концепции многовекторности, преврати-

лась в одного из инициаторов и активных участников альтернативных модулей, в состав которых вошел и ряд государств-членов Центральноевропейской инициативы⁷.

Деятельности одного из таких модулей – ГУАМ, включающего из государств-членов Центральноевропейской инициативы, помимо Украины, Молдову, а также Азербайджан и Грузию (а на определенном этапе и Узбекистан), нашли реальное воплощение планы части политической элиты Украины по созданию альтернативной россицентричным интеграционным объединениям на постсоветском пространстве (ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ, СНГ) международной организации, преимущественно политического характера. Другим важнейшим фактором участия Украины в ГУАМ изначально стали вопросы энергетической политики. Государства – участники организации выступили за создание новых маршрутов транзита через их территорию в Европу каспийской нефти, минуя Россию, что согласовывалось со стратегическими интересами государств как Западной, так и Центральной Европы, находило поддержку в Вашингтоне.

Особенной активностью деятельность Украины в ГУАМ отличалась в годы президентства Виктора Ющенко. Выступая на открытии Киевского саммита в мае 2006 г., Ющенко заявил, что «позитивный опыт взаимодействия в рамках ГУАМ, потребность в переходе на качественно новый уровень сотрудничества» создали предпосылки для образования новой международной региональной организации, являющейся «частью общих процессов формирования качественно новой системы международных отношений»⁸. По замыслу Ющенко, дальнейшее взаимодействие в рамках ГУАМ должно было основываться «на единстве мнений его участников относительно процессов расширения ЕС и НАТО, стремлении к развитию демократии, углублению европейской интеграции». По мнению украинского президента, особое значение создание ГУАМ приобрело в связи с завершением очередного этапа расширения Североатлантического альянса и Евросоюза, которые вплотную подошли к региону. В связи с этим он призвал ГУАМ «сфокусировать внимание на укреплении отношений с Европейским союзом, НАТО, нашими соседями и партнерами путем создания эффективного механизма координации усилий», отметил необходимость «усиления в первую очередь экономической составляющей деятельности ГУАМ, совместного участия в реализации перспективных международных проектов, прежде всего в транспортной и энергетической сферах», коллективного ответа на «вызовы международного терроризма, агрессивного сепаратизма»

и экстремизма», скорейшего разрешения неурегулированных конфликтов в государствах ГУАМ⁹.

В ходе саммита был принят новый устав, подтвердивший курс на скорейшую интеграцию с Европейским союзом и НАТО, подтверждены широкие географические границы действия ГУАМ – «от Каспия до Балтики». Согласно новому уставу, основными целями организации стали: утверждение демократических ценностей, укрепление международной и региональной безопасности и стабильности, углубление европейской интеграции для создания общего пространства безопасности, а также расширение экономического и гуманитарного сотрудничества; развитие социально-экономического, транспортного, энергетического, научно-технического и гуманитарного потенциала; активизация политического взаимодействия и практического сотрудничества в сферах, представляющих взаимный интерес. Особое значение придавалось энергетическим вопросам. На саммите были озвучены планы создания специального топливно-энергетического совета.

К саммитам ГУАМ неоднократно привлекались лидеры ряда сторонних государств-членов ЦЕИ. Так, в саммите ГУАМ в Батуми в июле 2008 г. принял участие президент Республики Польша Л. Качинский. На саммите была подписана Батумская декларация «ГУАМ – интегрируя Восток Европы». В этом документе, помимо прочего, были подтверждены «акцент на неизменности курса на развитие регионального сотрудничества как составляющей общеевропейских и азиатских интеграционных процессов, укрепление международных партнерских связей Организации со США, Польшей, Японией...», «готовность к дальнейшему развитию энергетической безопасности и поддержке усилий, направленных на либерализацию и диверсификацию европейского рынка энергоресурсов», а также «к углублению торгово-экономического сотрудничества на основе полномасштабной реализации соглашений о создании зоны свободной торговли...»¹⁰.

Приход к власти на Украине В.Ф. Януковича, казалось, означал конец участия Киева в данной организации. В начале 2010 г., будучи еще кандидатом в президенты, Янукович заявил, что деятельность ГУАМ неактуальна, добавив, что «за последние пять лет слышал только разговоры вокруг ГУАМ, но не видел конкретных действий». Однако в том же 2010 г. народный депутат от Партии регионов В. Зубанов заявил, что Украина должна возглавить интеграционные процессы в рамках ГУАМ¹¹. Дальнейшее развитие событий показало, что Киев и команда Януковича продолжали следовать курсом многовекторной политики, не отказываясь от членства

в ГУАМ, которая служила площадкой для укрепления контактов с государствами-членами ЕС. 26 сентября 2013 г. в Нью-Йорке в рамках 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялось 21-е заседание Совета министров иностранных дел ГУАМ, в ходе которого стороны подчеркнули важность близящегося Вильнюсского саммита восточного партнерства 28–29 ноября 2013 г., выразив убеждение, что европейские устремления стран – членов ГУАМ и их сближение с Европейским союзом находятся в полном соответствии с уставными задачами и целями организации¹².

В 2006 г. на учредительной конференции в Вильнюсе было провозглашено об образовании еще одного регионального модуля – Содружества демократического выбора (СДВ). В состав этой международной региональной организации, по своим главным целям (прежде всего содействие евроинтеграции) схожей с ГУАМ, вошли многие государства – участники ЦЕИ (Украина, Македония, Молдавия, Польша, Румыния, Словения) а также Латвия, Литва, Эстония и Грузия. Все страны СДВ подчеркивают факт своего освобождения от социалистического прошлого и построения новой демократии. Помимо этого, в создании СДВ очевиден геополитический мотив, заключающийся в тесном сотрудничестве с НАТО и ОБСЕ. Сам концепт макрорегиона, включающего Каспий, Черное и Балтийское моря, был впервые озвучен американской дипломатией и активно используется для обоснования расширения зоны ответственности НАТО за рамки, прописанные в Атлантической хартии. Однако оценка перспектив СДВ в настоящее время представляется весьма затруднительной. Данная организация, в отличие от ГУАМ, еще не оформилась структурно. Тем не менее в поддержке СДВ со стороны США прослеживается стремление создать внутри ЕС и за его пределами своеобразное ядро государств, которые обеспечили бы эффективное участие американской дипломатии в решении всех ключевых проблем европейской жизни, включая отношения с Россией и будущее государств на постсоветском пространстве. Среди «старых» участников ЕС наблюдалось беспокойство созданием новой региональной организации, включившей страны так называемой новой Европы.

Экономические отношения играют в заинтересованности государств ЦЕИ в Украине как стабильном партнере Евросоюза не менее важную роль, чем идеология и геополитика. Одна из важнейших составляющих отношений Украины и стран Евросоюза, в том числе государств Центрально-Восточной Европы, – торговля. Нужно отметить, что торговый оборот со странами ЕС в целом на протяжении 2000-х годов снижался в процентах от доли общего

товарооборота Украины с зарубежными государствами и в 2012 г. составлял не более 30%. В то же время товарооборот с государствами СНГ превышал 4% (в 2010 г. – 40,2%)¹³. В 2011 г. в цифрах он составил 70 760 000 000 долл., из которых 65 млрд – со странами Таможенного союза (Россия, Беларусь, Казахстан) и 55,5 млрд – собственно с Российской Федерацией¹⁴. Безусловно, серьезную роль в этих процессах в последнее время сыграл общеевропейский экономический кризис и тяжелое положение ЕС в целом. При этом существенная доля технологического экспорта Украины (от двигателей самолетов или ракет, продукции ВПК и железнодорожного транспорта до энергетического машиностроения) поставлялась на рынок России, в то время как существенную долю товарной структуры украинского экспорта в ЕС составляют черные металлы, а также руды и железные концентраты.

Однако это не означало, что по экономическим причинам Украина собиралась отказаться от евроинтеграционного вектора. Одной из главных экономических причин ориентации на Евросоюз является то, что европейский рынок в несколько раз превосходит рынок Таможенного союза, СНГ и других интеграционных объединений на постсоветском пространстве.

К тому же в абсолютных цифрах товарооборот Украины с государствами ЕС с конца первого десятилетия XXI века уверенно рос. В частности, в 2011 г. он вырос на 36% и составил 44 млрд долл.¹⁵ По прогнозам некоторых украинских экономистов, возможно, чересчур оптимистичным, но тем не менее отражающим заинтересованность Киева в развитии сотрудничества с Евросоюзом, ожидалось, что товарооборот Украины и ЕС в перспективе мог составить, а то и превысить 60% от общего объема внешней торговли¹⁶.

Данную заинтересованность подтверждали и заявления руководителей украинского государства. В феврале 2012 г., вскоре после своего официального вступления в должность, первый вице-премьер Украины В. Хорошковский отметил, что основной целью своей работы он видит евроинтеграцию Украины, создание благоприятной бизнес-среды, в частности условий, которые способствовали бы притоку инвестиций в отечественную экономику¹⁷.

При этом соседние с Украиной государства Центральной и Восточной Европы – члены ЦЕИ – с точки зрения торгового оборота с Украиной находились среди тех стран Евросоюза, товарооборот с которыми, как правило, уверенно рос. Так, торговый оборот между Украиной и Польшей за первые полгода 2012 г. вырос на 13%, о чем свидетельствуют данные, обнародованные президентом Януковичем и Коморовским 20 сентября 2012 г.¹⁸ Увеличился

до 1 млрд долл. за восемь месяцев 2012 г. товарооборот Украины и Румынии¹⁹. Существенно за 2011 и 2012 гг. вырос товарооборот между Украиной и Чехией. Так, за 9 месяцев 2011 г. он увеличился на 41,6% – до 2,07 млрд дол.²⁰ С начала 2000-х годов товарооборот между Украиной и Венгрией вырос более чем в четыре раза. Так, в январе–сентябре 2011 г. товарооборот между Украиной и Венгрией составил 1,9 млрд дол., что показало его увеличение по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. на 34%²¹.

Определенных и в целом бóльших, чем с другими государствами ЕС, успехов удалось добиться Украине и в вопросах смягчения режима пересечения границы с соседними государствами ЦВЕ. Так, Украина добилась либерализации правил пересечения границ украинскими, польскими, словацкими гражданами, в конце прошлого года был подписан меморандум с МИД Венгрии о либерализации визового режима для Украины.

В 2011 г. Украина и Европейский союз договорились ускорить подготовку документа об ассоциации между Украиной и ЕС по вопросу углубленной зоны свободной торговли (ЗСТ). 30 марта 2012 г. Украина и ЕС парафировали соглашение об ассоциации и ЗСТ. Правда, по словам главы представительства ЕС в Украине Жозе Мануэл Пинту Тейшейры, ратификация договора об ассоциации должна зависеть от внутренней ситуации в стране. 8 мая 2012 г. в Брюсселе была достигнута договоренность об ускоренном режиме подготовки в ходе встречи министра экономического развития и торговли П. Порошенко с комиссаром ЕС по вопросам торговли К. Де Гухтом.

Украина и ЕС вели переговоры о создании зоны свободной торговли с 2008 г. ЗСТ должна стать составной частью соглашения об ассоциации, переговоры по которому стороны начали в 2007 г. 19 июля 2012 г. представителями Украины и Европейской комиссии был парафирован текст соглашения о зоне свободной торговли. Процесс касался эталонной английской версии текста соглашения, неотъемлемой части договора об ассоциации.

20 сентября 2012 г. президент Янукович встретился в Киеве с польским коллегой Б. Коморовским. Лидер Польши заявил, что намерен лоббировать в ЕС подписание соглашения об ассоциации с Украиной после выборов 28 октября, дав понять, что займется этим вне зависимости от решения проблемы Ю.В. Тимошенко. Кроме того, президент Польши во время встречи отметил, что «польско-украинское стратегическое партнерство – это, прежде всего, поддержка Украины в ее европейских стремлениях. Мы довольны, что завершены переговоры об ассоциации между Украиной и ЕС.

С особым вниманием мы будем смотреть на парламентские выборы. Поддерживание демократичных принципов на этих выборах откроет путь для дальнейшей евроинтеграции Украины».

По словам Януковича, вопрос европейской интеграции остался «одним из важнейших для Украины». Наряду с этим, и данное обстоятельство вызывает беспокойство ЕС, Украина вошла в ЗСТ с Россией, Беларусью и Казахстаном (также Узбекистан присоединяется). Договор о ЗСТ СНГ вступил в силу 20 сентября 2012 г. Премьер-министр Украины Н. Азаров на заседании совета глав правительств СНГ заявил, что договор станет отправной точкой для формирования торгово-экономических отношений на качественно новом уровне и новой правовой основе. Не случайно во время совместной пресс-конференции по завершении переговоров с польским лидером 20 сентября Янукович заявил, что Украину интересует экономическая интеграция как на Запад, так и на Восток, поскольку товарооборот с ЕС и с СНГ у Украины «примерно одинаков».

Подготовка к подписанию соглашения об ассоциации Украины и Евросоюза сопровождалась непростым обсуждением внутренней ситуации в стране, что было связано, прежде всего с преследованиями политических противников Януковича. В феврале 2013 г. на саммите Украина–ЕС представители ЕС выдвинули ряд требований по изменению законодательства Украины и устранению «выборочного правосудия» как одно из условий подписания соглашения. 7 апреля 2013 г. Янукович подписал указ о помиловании экс-министра МВД Украины Ю. Луценко и экс-министра охраны окружающей природной среды Г. Филипчука, что получило положительные отзывы со стороны европейских политиков. Однако в центре внимания европейской общественности остается вопрос о будущей судьбе Тимошенко. Кроме того, евроинтеграционные инициативы украинского руководства не находили понимания у довольно большей части населения Украины, особенно на востоке страны, они выступали против евроинтеграции и за вступление в Таможенный союз ЕврАзЭС.

Тем не менее в мае 2013 г. Европейская комиссия заявила о технической готовности и рекомендовала Совету Евросоюза подписать в ноябре 2013 г. текст соглашения об ассоциации с Украиной. Подписание соглашения было намечено на ноябрь 2013 г. на саммите Восточного партнерства в Вильнюсе. В июле 2012 г. Украина и ЕС договорились о внесении дополнений в соглашение об упрощении визового режима. В марте–апреле 2013 г. Верховная рада Украины и Европарламент ратифицировали эти договоренно-

сти. 17 сентября 2013 г. Кабинет министров Украины единогласно одобрил проект соглашения об ассоциации с Европейским союзом.

Большую роль в достижении данного, пока промежуточного, результата играли и продолжают играть государства Евросоюза из числа участников Центральноевропейской инициативы, особенно Польша, президент которой Бронислав Коморовский назвал «игрой за высшую ставку» вопрос запланированного на ноябрь подписания соглашения об ассоциации Украины с Европейским союзом²². Безусловно, учитывая исторические связи Украины со своими ближайшими западными соседями, наиболее вероятным является их дальнейшее активное участие в процессе взаимодействия Украины с ЕС, находится в конфронтации с евразийским проектом России и Казахстана.

Примечания

- ¹ Центральноевропейская инициатива [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь. URL: <http://www.mfa.gov.by/multilateral/organization/list/a4ab9536d34cfd74.html> (дата обращения: 10.06.2013).
- ² Все члены Вышеградской группы 1 мая 2004 г. стали членами Европейского союза.
- ³ Украина начала председательствовать в ЦЕИ [Электронный ресурс] // РБК-Украина. URL: <http://www.rbc.ua/rus/top/show/ukraina-nachala-predsedatelstvovat-v-tsei-02012012133100> (дата обращения: 10.06.2013).
- ⁴ В 1996 г. в рамках ЦЕИ основана Тройка объединения как руководящий орган ЦЕИ (нынешняя, будущая и бывшая председательствующие страны).
- ⁵ Киев представит в конце ноября план председательства в ЦЕИ [Электронный ресурс] // Подробности. URL: <http://podrobnosti.ua/power/2011/11/13/803452.html> (дата обращения: 10.06.2013).
- ⁶ *Пивовар Е.И.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. СПб.: Алетейя, 2008. С. 118.
- ⁷ *Левченко А.С.* Украина и интеграционные объединения на постсоветском пространстве (1991–2009 гг.) // В едином историческом пространстве: Сб. науч. статей. М.: РГГУ, 2009. С. 451–452.
- ⁸ Вступительное слово Президента Украины Виктора Ющенко на пленарном заседании саммита ГУАМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Украины, Пресс-служба Президента Украины Виктора Ющенко. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/3302.html> (дата обращения: 10.06.2013).
- ⁹ Заключительное слово Президента Украины Виктора Ющенко на пленарном заседании саммита ГУАМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт

- Президента Украины, Пресс-служба Президента Украины Виктора Ющенко. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/3305.html> (дата обращения: 10.06.2013).
- ¹⁰ По результатам заседания Совета глав государств Организации за демократию и экономическое развитие (ГУАМ) подписаны совместные документы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Украины, Пресс-служба Президента Украины Виктора Ющенко. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/10496.html> (дата обращения: 10.06.2013).
- ¹¹ Украина должна стать лидером ГУАМ [Электронный ресурс] // Газета «Донбасс». URL: <http://donbass.ua/news/politics/2010/08/19/ukrainadolzhna-stat-liderom-guam.html> (дата обращения: 10.06.2013).
- ¹² 21-е заседание Совета министров иностранных дел ГУАМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации за демократию и экономическое развитие. URL: <http://guam-organization.org/node/1496> (дата обращения: 10.06.2013).
- ¹³ Экономика ЗСТ СНГ для Украины [Электронный ресурс] // Newzz.in.ua. URL: <http://newzz.in.ua/economic/1148882897-ekonomika-zst-sng-dlya-ukrainy.html> (дата обращения: 10.06.2013).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Товарооборот Украины с ЕС за прошлый год вырос до 44 млрд долл. [Электронный ресурс] // Подробности. URL: <http://podrobnosti.ua/economy/2012/02/28/823107.html> (дата обращения: 10.06.2013).
- ¹⁶ АП прогнозирует увеличение товарооборота между Украиной и ЕС до 60% от общего объема внешней торговли [Электронный ресурс] // FundMarket – Фондовый рынок Украины. URL: <http://fundmarket.ua/news/ap-prognoziruyet-uvyelicheniye-tovarooborota-myezhd-ukrainoy-i-yes-do-60-ot-obshyego-obyema-vnyeshnyey-torgovli-20120409180940/> (дата обращения: 10.06.2013).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Товарооборот между Украиной и Польшей вырос на 13% [Электронный ресурс] // ТОВ «Укрнет». URL: http://www.ukr.net/news/tovarooborot_mezhdu_ukrainoj_i_polshej_vyros_na_13-15146204-1.html (дата обращения: 10.06.2013).
- ¹⁹ Товарооборот между Украиной и Румынией за 8 мес. 2012 г. составил 1 млрд долл. [Электронный ресурс] // РБК-Украина. URL: <http://www.rbc.ua/rus/newsline/show/tovarooborot-mezhdu-ukrainoy-i-rumyniye-za-8-mes-2012-g-sostavil-19092012115900> (дата обращения: 10.06.2013).
- ²⁰ Товарооборот между Украиной и Чехией за 9 месяцев 2011 г. увеличился на 41,6% – до 2,07 млрд долл. [Электронный ресурс] // ФинМонитор. URL: <http://finmonitor.com.ua/news/1068-tovarooborot-mezhdu-ukrainoy-i-chehiye-za-9-mesyacev-2011-g-uvelichilsya-na-416-do-207-mlrd-doll-posol-chehii.html> (дата обращения: 10.06.2013).

- 21 Николай Присяжнюк: Товарооборот между Украиной и Венгрией достигнет 4,5 млрд дол. [Электронный ресурс] // Правительственный портал. URL: http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=244739790 (дата обращения: 10.06.2013).
- 22 Коморовский о подписании соглашения об ассоциации с Украиной: Это игра за высшую ставку [Электронный ресурс] // Корреспондент. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1570101-komorovskij-o-podpisaniii-soglasheniya-ob-associacii-s-ukrainoj-eto-igra-za-vyssshuyu-stavku> (дата обращения: 10.06.2013).

ЗАПАДНОУКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье анализируется современный западноукраинский национализм, его роль в политической жизни Украины и воздействие, которое он может оказать на российско-украинские отношения. Делается вывод, что национализм к настоящему времени превратился в одну из значимых политических сил Украины, способную создать серьезные препятствия для сближения между Россией и Украиной, а также вообще привести к нарастанию как внутренней нестабильности в стране, так и международно-политической напряженности в регионе в целом.

Ключевые слова: национализм, русофобия, Западная Украина, ВО «Свобода», российско-украинские отношения.

Характерной чертой политической культуры западноукраинских земель (прежде всего Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей) в постсоветский период является широкое распространение радикальных, националистических, в том числе русофобских, настроений. Постепенно они превратились в фактор политической жизни не только рассматриваемого региона, но и всей Украины в целом. Главный выразитель националистической идеи, Всеукраинское объединение «Свобода», на выборах в Верховную раду в 2012 г. получило около 10% голосов и сформировало четвертую по размерам фракцию в украинском парламенте. Теперь в ее руках оказались реальные рычаги воздействия на принятие решений по основным вопросам внутренней и внешней политики Украины, включая и те из них, которые касаются отношений с Россией. Подобный поворот событий заставляет с особым вниманием подойти к анализу той роли, которую

западноукраинский национализм может играть в российско-украинских отношениях.

Западноукраинский национализм имеет более чем вековую историю. Украинское национальное самосознание стало пробуждаться среди малорусов (русинов) Галиции еще в 1860-х годах. Конец XIX – начало XX в. стал временем бурного развития украинского движения, причем большую роль играло в этом австрийское правительство, опасавшееся возможного перехода Галиции и прочих восточнославянских земель под власть России и потому поддерживавшее сознание национальной отчужденности галичан от русских. Накануне Первой мировой войны в Галиции существовали мощные украинские партии, при содействии властей проводившие в сейм большую часть депутатов от русинских округов (русофильские партии, провозглашавшие единство галичан с русскими и потому подвергавшиеся постоянному давлению, почти не имели представителей в местных органах власти)¹. На полях Первой мировой войны против российской армии сражались и украинские части, имевшие своей целью создание независимого украинского государства из всех малорусских территорий России и Австро-Венгрии². После окончания войны, когда Галиция оказалась в составе независимой Польши, украинские части составили основу военизированных националистических организаций, прежде всего Организации украинских националистов (ОУН). В годы Второй мировой войны ее члены сражались против СССР в составе Украинской повстанческой армии и 14-й дивизии Ваффен СС «Галичина». На протяжении всего советского периода для Западной Украины были в той или иной степени характерны сепаратистские тенденции, неприятие советской власти. Уже с конца 1950-х годов действовали различные подпольные группировки, частично связанные еще с ОУН или возникшие под ее влиянием, частично независимые от нее, например Объединенная партия освобождения Украины, Украинский рабоче-крестьянский союз, Украинский национальный фронт и другие. Вообще на Западной Украине преобладали именно националистические, сепаратистские диссидентские организации, в то время как диссидентские круги Восточной Украины преследовали общеполитические цели³.

Всплеск националистических и русофобских настроений на территории бывшей Галиции пришелся на посткоммунистический период, когда Украина обрела независимость. Это проявилось, во-первых, в возникновении организаций, стоящих на открыто националистических позициях, являющихся, по сути, возобновлением ОУН. Например, с 1990 г. существовала Украинская межпар-

тийная ассамблея, возглавляемая Ю. Шухевичем, советским диссидентом, многие годы проведенным в лагерях и тюрьмах, сыном одного из крупнейших оуновцев Р. Шухевича. При Украинской национальной ассамблее возникла и военизированная организация – Украинская народная самооборона, бойцы которой принимали участие в первой чеченской кампании против вооруженных сил РФ⁴. А в 1991 г. был создан Конгресс украинских националистов во главе с Ярославой Стецько (вдовой другого видного деятеля ОУН) – прямое продолжение ОУН.

Во-вторых, весьма непросто стало положение русских жителей западных областей, прежде всего Львовской. Численность русских за первое постсоветское десятилетие сократилась вдвое: с 200 тыс. в 1989 г. до 100 тыс. в 2001 г.⁵, в 2001/02 учебном году функционировало лишь пять школ с русским языком преподавания⁶. Русские были отстранены от управления городом, вообще от государственной службы. Существующий во Львове Русский культурный центр неоднократно подвергался обыскам, а также актам вандализма – нападениям, поджогам и даже обстрелам⁷. Сложностью отличается и вероисповедная ситуация. С легализацией грекокатолической церкви участились конфликты ее приверженцев с прихожанами православных храмов. Имели место отдельные случаи насильственных захватов православных храмов и передачи их грекокатоликам. Дальнейшее обострение обстановки было связано с возникновением Украинской православной церкви Киевского патриархата и Украинской автокефальной православной церкви. К настоящему времени во Львове действуют только три храма, находящихся под юрисдикцией Московского патриархата⁸.

Выходят множество периодических изданий, а с широким распространением электронных СМИ начали свою работу и интернет-порталы, способные дать представление об основных элементах западноукраинской политической культуры. Главный акцент здесь делается на принципиальном «еврооптимизме» галичан, на том, что даже 50 лет пребывания в составе СССР не смогли сделать их «настоящими» советскими гражданами. Галичину, веками находившуюся под властью Польши и Австрии, скорее можно отнести к европейскому, а не евразийскому пространству, ее жителям всегда были ближе западные, а не российские ценности и образ жизни. Вывод отсюда может быть только один: место Западной Украины в единой Европе и НАТО, а не в СНГ. Именно во вступлении в ЕС и Североатлантический альянс политически активные галичане видят средство разрешения всех проблем, гнетущих их край, и если восточноукраинские территории могут

стать тому препятствием, их не остановит даже перспектива отделения от остальной Украины⁹.

В последние годы, однако, наиболее громкие заявления и эффективные акции западноукраинских националистов оказываются связаны с деятельностью уже упоминавшейся партии, известной с 2004 г. как Всеукраинское объединение (ВО) «Свобода». Еще в 1991 г. была образована Социал-национальная партия Украины, политическая сила местного значения, способная проводить своих кандидатов в Верховную раду лишь по одномандатным округам Львовской области. Именно по одномандатному округу в 1990-х годах в раду прошел ее будущий лидер, тогда еще молодой врач О.Я. Тягнибок. В 2004 г. партия получила новое название, подверглась структурным и идеологическим преобразованиям. Ее лозунгами стали защита прав украинцев как титульной нации, возвращение в паспорта «пятой графы», соблюдение процентных норм этнического представительства во всех областях жизни, реабилитация ООН / УПА и «Галичины», уравнивание их ветеранов в правах с ветеранами Великой Отечественной войны. Во внешнеполитической сфере лидеры «Свободы» требуют возобновления ядерного статуса Украины и развития тактических ядерных вооружений, выхода из всех «созданных Москвой» объединений, и запрета «подрывных организаций», финансируемых Россией¹⁰. На парламентских выборах 2006 и 2007 гг. по всей стране «Свобода» набирала не более 1% голосов, но в областях, составлявших бывшую Галицию, ее рейтинг превысил 3%. В 2009 г. партия победила на региональных выборах в Тернопольской области, получив большинство мест в облсовете, а ее член С. Надал стал мэром Тернополя. В 2010 г. Тягнибок, ставший лидером «Свободы», выставил свою кандидатуру на президентских выборах, получив по всей стране около 1%, а в Галичине ≈ 5%. Наконец, как уже было отмечено, на парламентских выборах 2012 г. партия получила около 10% голосов и сформировала фракцию в составе 37 депутатов¹¹.

Впрочем, гораздо больший резонанс, чем политические успехи и неудачи партии, имеет ее внепарламентская активность. Еще летом 2004 г. Тягнибок, выступая на мероприятиях, связанных с памятью видного деятеля УПА Д. Клячкивского, с глубоким благоговением заявил о бандеровцах: «Они... боролись с москалями, боролись с немцами, боролись с жидвой и с другой нечистью, которая хотела забрать у нас наше украинское государство... Нужно отдать Украину, наконец, украинцам. Эти молодые люди, и вы, седоголовые, это есть та смесь, которой больше всего боится москальско-жидовская мафия, которая сегодня руководит на Украине»¹².

За эти высказывания Тягнибок был исключен из фракции «Наша Украина», в которую тогда входил, и даже подвергался судебному преследованию, хотя и был оправдан.

На следующий год был выпущен скандальный плакат с изображением груди черепов и надписью «Москва, покайся!» (скорее всего, в виду имелся «голодомор» или прочие факты «геноцида Москвы» в отношении украинского народа). В 2007 г. последовала новая серия не менее колоритных плакатов под названием «Мат превращает тебя в москаля», «В Расеи матом не ругаются, там на нем разАваривают», «Та кохайтесь, чорнобриві, та не з москалями»¹³. Следует упомянуть и «филологические изыскания» члена партии И.Д. Фарион, согласно которым детей нельзя называть «московскими» уменьшительными формами имен (Михаил в этой связи должен быть Михайликом, а не Мишей, Наталья – Наталочкой, Маша – Маричкой и т. п.), в противном случае они рискуют стать «москалями»¹⁴. По ее же инициативе был уволен водитель львовского маршрутного такси, отказавшийся выключить русскоязычное музыкальное радио¹⁵. Русская музыка в львовских маршрутных такси, как кажется, вообще является большим вопросом для многих западноукраинских деятелей. Еще в начале 2000-х годов газета «Поступ» призывала «давать в рыло» водителям, которые «помешаны на кацапской попсе»¹⁶.

Особое место в агитационной деятельности партии занимают мероприятия, связанные с исторической памятью. 1 января 2009 г. активистами «Свободы» было организовано митинги в честь 100-летия со дня рождения Степана Бандеры, а в апреле 2009 г., в 65-ю годовщину с момента образования дивизии СС «Галичина», по Львову были развешаны плакаты и расставлены билборды с надписью «Они сражались за Украину. Дивизия Галичина»¹⁷. Имели место и акты вандализма в отношении памятников Ленину и прочим советским вождям¹⁸.

Апогеем среди акций, направленных на защиту памяти об историческом прошлом Западной Украины от посягательств со стороны «москалей», вне всякого сомнения, стали события 9 мая 2011 г. во Львове. Поводом к беспорядкам послужил принятый Верховной радой закон, согласно которому во время празднования Дня Победы вместе с государственным флагом Украины должен вывешиваться красный флаг Победы. Лидер партии Тягнибок так отреагировал на это решение: «Сегодня вывешивают красный флаг, а завтра скажут: а зачем этот “бандеровский” сине-желтый?»¹⁹ Активисты «Свободы» составили основное ядро группы хулиганов, попытавшихся сорвать церемонию возложения венков на Холме

славы. За участие в беспорядках два депутата от Самборского райсовета Львовской области были привлечены к суду. В последнее время усилия «свободовцев» направлены на искоренение «измены» среди депутатов Верховной рады, подписавших обращение к польскому сейму с просьбой «признать Волынскую трагедию геноцидом польского народа и осудить злодейские деяния украинских националистов»²⁰.

Выступают деятели «Свободы» и в качестве главных защитников государственного языка. Особенно актуальным это стало с принятием в 2012 г. закона о региональных языках, в соответствии с которым языки, являющиеся родными для более чем 10% населения какой-либо административно-территориальной единицы, получают там широкие права функционирования в сфере образования и СМИ. Понятно, что реализация этого закона существенно укрепляет в Украине позиции русского языка – языка «московских оккупантов», по официальной терминологии «Свободы»²¹. Обсуждение законопроекта было отмечено целым рядом митингов и акций протеста, а будучи избранными в раду, члены партии требуют от других депутатов пользоваться в своих выступлениях исключительно государственным языком, из-за чего в украинском парламенте происходят конфликты и даже потасовки.

Безусловно, агрессивная ксенофобская риторика лидеров партии, дерзкие выходки ее активистов не могли не обратить на себя внимание зарубежной общественности. Тем более пристальным оно стало после выборов в Верховную раду 2012 г. По их итогам Европарламент принял резолюцию, в которой среди прочего выражалась настороженность в связи с ростом «националистических настроений в Украине», а все «продемократические партии» были призваны «не взаимодействовать, не поддерживать и не формировать коалиций с этой партией»²². Еще большая обеспокоенность прослеживается в официальных заявлениях израильских политиков и международных еврейских организаций, что вполне очевидно: антисемитизм занимает не менее важное место в высказываниях партийных лидеров, чем русофобия. В определенной мере это влияет и на современные украино-израильские отношения. Официальный представитель израильского МИД заявил о том, что в Израиле внимательно следят за развитием событий в Украине и в особенности за деятельностью партии «Свобода», после того как ее члены стали депутатами Верховной рады. Со своей стороны МИД Украины пообещал учесть обеспокоенность Израиля прохождением «Свободы» в парламент²³. Некоторые представители израильской политической элиты позволяют себе и гораздо более резкие высказывания. Так, бывший

министр иностранных дел Израиля и лидер партии «Ха-Тнуа» Ципи Ливни призвала международное сообщество бойкотировать «Свободу». По ее словам, «невозможно представить откровенно неонацистские партии в европейских органах законодательной и исполнительной власти. Политические силы, объявляющие о своей исторической и идеологической схожести с гитлеровскими преступниками, не могут считаться легитимными»²⁴.

Отзвуки «свободовского» антисемитизма донеслись и до США. В докладе Госдепа, посвященном ситуации с правами человека в мире в 2012 г., Украина была включена в число государств с самым высоким уровнем антисемитизма²⁵. Еще один повод к упоминанию в американских СМИ в конце 2012 г. дал видный деятель партии И.М. Мирошниченко, назвав американскую актрису украинского происхождения М. Кунис жидовкой, которую «не надо... лепить к Украине»²⁶. Теперь о «Свободе» как о «крайне правой партии, в арсенале которой... ксенофобские, антисемитские, гомофобные и антирусские идеи», узнала и американская общественность²⁷. Инцидент с М. Кунис позволил Центру С. Визенталя поместить Тягнибока и Мирошниченко на пятую строку в топ-10 антисемитов всего мира²⁸.

Как же реагирует на деятельность «Свободы» российская сторона и как это может сказаться на состоянии российско-украинских отношений? В первую очередь в глаза бросается поразительное безразличие, с которым и российские власти, и общественность, и СМИ относятся к западноукраинскому национализму. Господствующими в российском обществе по-прежнему являются стереотипные представления об «аномальной слабости» и «электоральной недееспособности» правоэкстремистских политических партий в Украине²⁹. ВО «Свобода» и близкие ей партии рассматриваются исключительно как региональные политические силы, способные лишь на весьма ограниченный успех в западных областях, а потому не воспринимаются всерьез. Единственным исключением здесь стали события 9 мая 2011 г., повлекшие за собой официальные заявления МИД и Государственной думы, оценки отдельных политиков и многочисленные упоминания в СМИ.

Главными оппонентами среди украинских политических сил в глазах российского руководства вплоть до настоящего времени являлись «Наша Украина» В.А. Ющенко и Блок Юлии Тимошенко – партии, составившие основу «оранжевой коалиции». Победы Партии регионов на парламентских выборах 2006 и 2007 гг., а затем и ее лидера В.Ф. Януковича на президентских выборах 2010 г., казалось бы, решили большую часть проблем в отношении

ях с Украиной. В самом деле, неудачи, постигшие БЮТ и «Нашу Украину», свидетельствовали о разочаровании в «оранжевой революции» в стране в целом, не только на востоке, где она никогда не пользовалась значительной поддержкой, но и на западе. Впрочем, причины и последствия этого разочарования на западе и востоке различались принципиально. На востоке в основном были недовольны неспособностью «оранжевой» власти разрешить экономические трудности, а следствием стала поддержка Партии регионов. На западе же недовольство было связано с невозможностью осуществить политические идеалы «западнцев» – превратить Украину в европейскую страну, способную стать полностью независимой от России. Соответственно, образовавшийся в западных областях политический вакуум был частично занят такой силой, как ВО «Свобода». Таким образом, успех «Свободы» на парламентских выборах 2012 г. был вполне ожидаемым, хотя Россия была застигнута им врасплох. Существует мнение, что столь высокими результатами «Свобода» не в последнюю очередь обязана Партии регионов, которая, по неподтвержденным данным, оказывала тайное покровительство националистам и даже частично профинансировала их предвыборную кампанию. Партия регионов «Свобода» была выгодна как партия-спойлер, способная внести раскол в ряды оппозиции, отобрать голоса у основных конкурентов, а также мобилизовать их собственный электорат. Впрочем, и сторонники такой точки зрения допускают, что «у патронов этой марионетки есть хорошие шансы остаться с оборванными ниточками в руках»³⁰.

Какова бы ни была подоплека отношений Партии регионов и «Свободы», нельзя не признать, что, получив представительство в Верховной раде, националисты оказались в числе ведущих политических сил Украины. Теперь с ними в отдельных ситуациях вынуждены считаться и власть, и различные круги общества, а сами они могут оказывать непосредственное воздействие на проводимый в стране курс. Нельзя исключать, что в будущем они еще больше укрепят свои позиции. Прежде всего это может негативно отразиться на положении русского и русскоязычного населения, являющегося важной опорой России в Украине. Могут быть ущемлены в правах многие русские общественные организации, в том числе и созданные с участием России. Усиление националистов грозит и приостановкой совместных российско-украинских проектов в области экономического сотрудничества, созданием различных препятствий для российских инвестиций, а возможно, и частичной переориентацией импорта энергоносителей. Еще тяжелее могут быть последствия в международно-политической сфере.

В первую очередь это связано с возможностью выхода Украины из Харьковских соглашений, продлевающих пребывание Черноморского флота на украинских базах на 25 лет. Кроме того, как уже было отмечено, целью «Свободы» является выход не только из Харьковских соглашений, но и из всех объединений, «созданных Москвой», т. е. Украина должна полностью покинуть СНГ (где она является государством-учредителем и государством-участником), Зоны свободной торговли СНГ и прочих подобных организаций, где она имеет различный статус. Вообще может быть существенно затруднено прохождение через Верховную раду инициатив, направленных на дальнейшее сближение Украины и России.

Может ли, однако, «Свобода» предложить проект интеграции, который стал бы реальной альтернативой процессам, происходящим в СНГ? Очевидно, это не может быть курс на сближение с ЕС и НАТО, являвшийся основой внешней политики «оранжевой коалиции». В программе партии есть лишь аморфные утверждения об «украинском европоцентризме»³¹, а главное, ксенофобия и национализм могут только отпугнуть умеренных европейских политиков. Не следует абсолютизировать и приверженность действующей власти интеграционным процессам в рамках СНГ. Уже с 2009 г. действует проект «Восточное партнерство», который направлен на сближение бывших советских республик, в том числе Украины, с ЕС и в определенной перспективе может завершиться договором об ассоциированном членстве³². Сам Тягнибок активно эксплуатирует идею «балтийско-черноморского» союза – широкой коалиции государств, включающей в себя страны Скандинавии, Прибалтики, Польшу и Украину³³. Однако и перспективы такого объединения представляются более чем сомнительными: все эти государства, кроме Украины, являются членами ЕС.

Таким образом, в случае значительного усиления националистов Украина может оказаться в международной изоляции, что приведет к нарастанию как напряженности в отношениях с другими государствами, так и к внутренней нестабильности. Россия рискует получить у своих границ враждебное государство, раздираемое внутренними противоречиями и конфликтами, а это чревато самыми непредсказуемыми последствиями. В этой связи следует интенсифицировать контакты со всеми демократическими и антифашистскими силами в Украине, но главное – преодолеть отмеченное выше равнодушие к росту националистических настроений. Необходимо всесторонне изучать прошлое и настоящее украинского национализма, а также западноукраинских земель как эпицентра националистического движения.

Примечания

- ¹ *Ястребов Н.В.* Галиция накануне Великой войны 1914 г. Пг.: Тип. А.Э. Коллинс, 1915. С. 137–138.
- ² *Думин О.* Історія Легіону Українських січових стрільців, 1914–1918. Львів: Червона Калина, 1936. 375 с.
- ³ *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. Вильнюс; М.: Весть, 1992 [Электронный ресурс] // Мемориал. URL: <http://www.memo.ru/history/diss/books/ALEXEEVA/index.htm> (дата обращения: 10.07.2013).
- ⁴ *Умланд А., Шеховцов А.* Праворадикальная политика в постсоветской Украине и загадка электоральной маргинальности украинских ультра-националистов в 1994–2009 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2011. № 2. С. 167.
- ⁵ *Терлюк І.Я.* Росіяни західних областей України (1944–1996 рр.) (Етносоціологічне дослідження). Львів: Світ, 1997. С. 22; Численность и состав населения Львовской области по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года [Электронный ресурс] // Государственный комитет статистики Украины. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/lviv/> (дата обращения: 12.07.2013).
- ⁶ День за днем. 2001. № 1. С. 3.
- ⁷ *Сокуров С.А.* Очерки истории русского национально-культурного движения в Галиции (1988–1993). М.: Клуб «Реалисты», 1999. С. 42–43; На Украине разгромили помещение Русского культурного центра [Электронный ресурс] // Новостной портал ИА REGNUM. URL: <http://www.regnum.ru/news/278964.html> (дата обращения: 12.07.2013).
- ⁸ *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. 2-е изд., доп. М.: Имперская традиция, 2007. С. 165.
- ⁹ См.: *Соловьев К.А.* Галичина: формирование представлений об истории региона в современном веб-пространстве [Электронный ресурс] // Университетский потенциал исторического знания и исторического образования в контексте современной российской модернизации. Междун. науч.-практ. конф. 10–11 февраля 2011 года. М.: РГГУ, 2011. С. 390–391. URL: http://rodnaya-istoriya.ru/images/a_images/sten_ros1.doc (дата обращения: 15.07.2013).
- ¹⁰ Програма ВО «Свобода» (чинна): Програма захисту українців [Электронный ресурс] // ВО «Свобода»: офіційна сторінка. URL: http://www.svoboda.org.ua/pro_partiyu/prohrama/ (дата обращения: 16.07.2013).
- ¹¹ Всеукраїнське об'єднання «Свобода» [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.svoboda.org.ua/pro_partiyu/istoriya/ (дата обращения: 16.07.2013).

- ¹² Лозунько С. Из Галиции с фашистским приветом: Тягнибок как наследие «оранжевого» режима [Электронный ресурс] // Интернет-издание Еженедельник 2000. URL: <http://2000.net.ua/2000/forum/effekt-svobody/45808> (дата обращения: 16.07.2013).
- ¹³ Всеукраїнське об'єднання «Свобода»...
- ¹⁴ Во Львові Машам посовєтовали «єхати туди, де Маши живуть» [Электронный ресурс] // Корреспондент. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/events/1049782> (дата обращения: 16.07.2013).
- ¹⁵ Во Львові уволїли водїтеля маршруткї, котрий отказався вкључити руську музїку по требованню Фарион [Электронный ресурс] // Корреспондент. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1365188> (дата обращения: 16.07.2013).
- ¹⁶ Цит. по: *Соколов Л.* Осторожно: «украинство»! М.: ФонДИВ, 2009. С. 321.
- ¹⁷ Всеукраїнське об'єднання «Свобода»...
- ¹⁸ В Києвє облит красной краской памятник Ленину [Электронный ресурс] // Новостной портал Russia.Ru. URL: http://www.devmail.russia.ru/video/news_8423/ (дата обращения: 16.07.2013).
- ¹⁹ Олег Тягнибок: Эксклюзивное интервью НБН [Электронный ресурс] // Независимое бюро новостей. URL: <http://nbnews.com.ua/tema/1264/> (дата обращения: 16.07.2013).
- ²⁰ Ірина Фарїон вимагає покарати за державну зраду народних депутатів, які підписали звернення до польського Сейму [Электронный ресурс] // ВО «Свобода»: офіційна сторінка. URL: <http://www.svoboda.org.ua/diyalnist/novynu/040869/> (дата обращения: 16.07.2013).
- ²¹ Фарїон: На якому г*ні виросла російська мова? [Электронный ресурс] // Сайт газети Українська Правда. URL: <http://www.pravda.com.ua/photo-video/2012/06/18/6966949/> (дата обращения: 16.07.2013).
- ²² Европарламент обеспокоен ростом популярности «Свободы» в Украине – поправка к резолюции [Электронный ресурс] // Корреспондент. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1437716> (дата обращения: 17.07.2013).
- ²³ Украина учет обеспокоенность Израиля по поводу «Свободы» – МИД [Электронный ресурс] // Независимое бюро новостей. URL: <http://nbnews.com.ua/news/64082/> (дата обращения: 17.07.2013).
- ²⁴ Израильский политик призвала устроить бойкот партии «Свобода» [Электронный ресурс] // Подробности. URL: <http://podrobnosti.ua/power/2013/01/21/882911.html> (дата обращения: 17.07.2013).
- ²⁵ США зафиксировали всплеск антисемитизма на Украине [Электронный ресурс] // Информационное агентство Cursorinfo.IL. URL: <http://cursorinfo.co.il/news/world/2013/04/22/> (дата обращения: 17.07.2013).

- ²⁶ Мирошниченко назвал Милу Кунис «жидовкой» и попросил «не лепить ее к Украине» [Электронный ресурс] // Корреспондент. URL: <http://korrespondent.net/video/ukraine/1431139> (дата обращения: 17.07.2013).
- ²⁷ Ghosh P. Svoboda: The Rising Spectre Of Neo-Nazism In The Ukraine [Электронный ресурс] // International Business Times. URL: <http://www.ibtimes.com/svoboda-rising-spectre-neo-nazism-ukraine-974110> (дата обращения: 17.07.2013).
- ²⁸ Тягнибок попал в пятерку мировых антисемитов // Сайт газеты «Дело». URL: http://delo.ua/ukraine/193663/?supdated_new=1375111382 (дата обращения: 17.07.2013).
- ²⁹ Умланд А., Шеховцов А. Указ. соч. С. 171.
- ³⁰ Миллер А. Тень «Свободы» [Электронный ресурс] // Эксперт. 2012. № 45 (827). 9 нояб. URL: <http://expert.ru/expert/2012/45/ten-svobody/> (дата обращения: 18.07.2013).
- ³¹ Програма ВО «Свобода» (чинна): Програма захисту українців...
- ³² Арутюнян О., Сергунин А. Восточное партнерство ЕС: второе дыхание // Обозреватель – Observer. 2012. № 1. С. 90–96.
- ³³ Скрипін Р. «Я люблю українців. Я – український націоналіст» // Сайт «Радіо Свобода». URL: <http://www.radiosvoboda.org/articleprintview/1616359.html> (дата обращения: 18.07.2013).

И.А. Баскакова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В РАМКАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

В статье рассматривается опыт приграничного сотрудничества России и Казахстана, оценивается влияние Таможенного союза на развитие двусторонних контактов в приграничных регионах и анализируются иные способы увеличения объемов сотрудничества с учетом мирового опыта и специфики двух стран (создание макрорегионов, формирование инновационных кластеров).

Ключевые слова: Россия, Казахстан, Таможенный союз, приграничные регионы макрорегион, инновационный кластер.

Формирование Таможенного союза (ТС) трех государств – Белоруссии, Казахстана и России – стало настоящим интеграционным прорывом на постсоветском пространстве. Интеграция является актуальным трендом в развитии многих регионов мира, а постсоветское пространство до последнего времени в значительной степени было вне этого процесса (опыт СНГ и даже ЕврАзЭС вряд ли можно считать удачным). В полной мере нормативы и законодательные акты ТС начали применяться в июле 2010 г., когда во всех странах-участницах вступил в силу единый Таможенный кодекс (ТК), определяющий порядок и процедуры функционирования ТС. В соответствии с ТК в рамках ТС действует единая таможенная территория, в пределах которой во взаимной торговле участников не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера (за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер), а также используется единый таможенный тариф и другие меры регулирования торговли товарами с третьими странами¹.

Действие ТС, в результате организации которого был создан единый рынок емкостью 170 млн человек, способно стать мощным стимулом для дальнейшего развития экономики стран-участниц. Так, по оценкам Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, отмена пошлин и снятие внешнеторговых ограничений в пределах ТС обеспечат России, Белоруссии и Казахстану прирост ВВП примерно на 15 % в ближайшие 10 лет при одновременном существенном увеличении в них уровня деловой и инвестиционной активности².

Следующим этапом углубления интеграции стало формирование участниками Таможенного союза Единого экономического пространства (ЕЭП), в рамках которого будут действовать однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, единая транспортная, энергетическая и информационная инфраструктуры, согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика. В совокупности все это обеспечит условия для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы между государствами, входящими в ЕЭП. Планируется, что разработка правовой базы для перехода к Единому экономическому пространству в основном завершится к концу 2015 г. Создание ЕЭП ознаменует поступательное развитие экономической интеграции трех ведущих стран СНГ от зоны свободной торговли (беспошлинная торговля) через таможенный союз (единый таможенный тариф в отношении товаров стран, не входящих в союз) к общему рынку государств-участников.

При этом в некоторой степени Таможенный союз России, Казахстана и Белоруссии может рассматриваться как оборонительный инструмент внешних политик указанных стран. Россия, объявив постсоветское пространство сферой своих привилегированных интересов, выстраивает глубоко эшелонированную оборону. Казахстан проявляет заинтересованность в создании этой оборонительной системы не меньшую, чем Россия, хотя и пытается строить ее с учетом своих собственных интересов.

Для Казахстана это оборона от китайской экономической экспансии как на двустороннем уровне, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Напомним, что вступление Казахстана в ВТО откроет казахстанский рынок в первую очередь для китайских товаров. И именно Китай продвигает идею создания в рамках ШОС зоны свободной торговли³. Отчасти этим обусловлено желанием Киргизии, которая уже давно является членом ВТО, вступить в Таможенный союз⁴.

Кроме решения стратегических задач, Таможенный союз, разумеется, имеет и практические выгоды не только для российской, но и для казахстанской стороны. Москва получает два новых рынка сбыта сопоставимых по объемам с крупным российским федеральным округом⁵. Устранение лишней границы и увеличение грузопотоков будет выгодно также Казахстану и Белоруссии – странам-транзитерам для России. Экспортеры сырья, поставляющие продукцию российским переработчикам, тоже останутся в выигрыше – например, казахстанские угольщики, снабжающие уральские электростанции, и горняки, отсыпаящие руду российским металлургам.

Ряд казахстанских экспертов предупреждали об опасности роста цен вследствие вытеснения товаров из стран дальнего зарубежья их российскими аналогами. Но это может быть компенсировано увеличением числа совместных предприятий с российскими или белорусскими партнерами, тем более что в Казахстане более благоприятный налоговый режим, чем в РФ. Трудности ожидают лишь те предприятия, которые производят продукцию, аналогичную российской или белорусской, но с большими издержками. Хотя «если мы не сможем конкурировать в рамках трех государств, тогда нам ни к чему лезть в ВТО», считает член совета Форума предпринимателей Казахстана Евгений Бессонов⁶.

Из трех стран – участниц ТС именно Казахстан имеет ряд неоспоримых преимуществ для иностранных инвесторов.

- налогообложение в Казахстане значительно либеральнее, чем в остальных двух странах;
- Казахстан имеет преимущество по таким основным видам ставок налогообложения, как НДС, налог на прибыль (КПН) в виде дивидендов, полученных резидентом страны-участницы Таможенного союза, КПН нерезидентов от страхования, перестрахования и международных перевозок, налог на прибыль физических лиц. Наряду с этим только в Казахстане взимается социальный налог, который отменен в других странах-участниках союза;
- еще одним преимуществом Казахстана для привлечения потенциальных инвесторов является наличие Специальных экономических зон (СЭЗ). Условия осуществления деятельности в казахстанских СЭЗах являются более выгодными, чем в экономических зонах других членов Таможенного союза (участники СЭЗ Казахстана освобождены от всех видов налогов, тогда как в России взимается налог на прибыль, минимальный размер которого составляет 13,5%, а в Белорус-

сии взимается налог на прибыль и НДС – 12% и 10% соответственно. Также одним из ключевых отличий казахстанских СЭЗ от российских ОЭЗ является возможность разработки недр. В частности, в Кызылординской СЭЗ Казахстана работают совместные предприятия по добыче нефти и газа)⁷.

На данный момент уже очевидны позитивные изменения в объемах внешнеэкономической деятельности России и Казахстана в целом, ставшие результатом создания Таможенного союза. В период с января 2010 г. наблюдался устойчивый рост объемов взаимной торговли (исключая небольшое снижение в 1 квартале 2013 г.)⁸. Однако рост внешнеторгового товарооборота в период посткризисного восстановления мировой экономики наблюдался не только в рамках ТС, но и во всех странах мира. Намного важнее, что с начала 2011 г., т. е. в период после начала полноценного функционирования ТС, отмечался количественный и качественный прогресс большинства макроэкономических показателей, включая рост ВВП; инвестиционное сотрудничество со странами ТС; притока инвестиций в прогрессивные отрасли казахстанской экономики; уменьшение относительных размеров торгового дефицита Казахстана в торговле с Россией; замедление темпов инфляции; рост налоговых поступлений⁹.

За период с 2009 по 2012 г. количество предприятий с участием российского капитала в Казахстане выросло в два с половиной раза, с 4000 до 9700. За этот же период количество торгово-экономических миссий, проведенных с участием российских территориальных палат, увеличилось почти в 3 раза, с 12 в 2009 г. до 34 в 2012 г. Количество предприятий, зарегистрированных в Казахстане с российским участием, значительно превышает количество предприятий с участием других стран¹⁰.

Особое место в развитии казахстанско-российского сотрудничества занимают экономические связи между приграничными областями (считаем необходимым напомнить, что приграничными регионами являются 12 российских и 7 казахстанских областей, общая протяженность границы – 7512 км). Здесь действуют более 3100 совместных предприятий, включая такие крупные, как «Казросхим» и «Коксохим». Во многом развитие казахстанско-российского приграничного сотрудничества обязано тому вниманию, которое уделяют ему главы двух государств. Свидетельством этого являются проводимые ежегодно с 2003 г. форумы приграничных регионов Казахстана и России¹¹. На IX Форуме межрегионального сотрудничества в г. Павлодар (сентябрь 2012 г.) были подписаны четыре двусторонних международных документа и 27 договоров

по проектам на сумму около 2 млрд дол. (включая соглашение о реализации совместного проекта компаний «АзияАвто» (Казахстан) и «АвтоВАЗ» (Россия) по строительству нового автозавода в Казахстане, достижение договоренности о создании совместного предприятия по сборке гражданских вертолетов Ка-226)¹².

Вместе с тем развитие приграничных торгово-экономических связей в течение многих лет сдерживалось низким уровнем инвестиционного сотрудничества, отсутствием надежных механизмов взаиморасчетов и урегулирования экономических споров, а также высокими транспортными тарифами, различными требованиями к сертификации продукции, необорудованностью погранпереходов¹³. Значительная часть этих проблем была решена с созданием Таможенного союза.

Начало функционирования ТС и единой таможенной территории создало благоприятные условия для развития торгово-производственных связей приграничных регионов России и Казахстана:

- существенно упростился режим международной торговли, как двусторонней (между Россией и Казахстаном), так и с участием третьих стран. Для российских и казахстанских предприятий повысилась степень взаимной доступности национальных рынков двух стран и рынков за пределами ТС;
- возросла скорость транспортировки грузов и пассажиров;
- появились новые возможности для развития многоплановых кооперационных связей между российскими и казахстанскими предприятиями (создание совместных производств, рост объемов поставок сырья, комплектующих и готовой продукции). Созданы благоприятные условия для совместной эксплуатации, модернизации и увеличения мощности (пропускной способности) объектов инженерно-энергетической и транспортной инфраструктур, связывающих две страны;
- созданы важные предпосылки для улучшения хозяйственного климата и инвестиционной привлекательности приграничных регионов России и Казахстана, которые рассматриваются как главная зона углубления интеграционных процессов между двумя странами. В числе таких предпосылок можно отметить потенциально положительное значение конкуренции юрисдикций, позволяющее в рамках общего рынка выбирать более привлекательные условия ведения бизнеса, в том числе режим налогообложения¹⁴.

Тем не менее существенные торговые и структурные эффекты в приграничье РФ и Казахстана проявились пока не в полной мере.

Ассортимент и структура приграничного экономического взаимодействия не отличаются значительным разнообразием. Большая доля в приграничном сотрудничестве приходится на сырьевой сектор, экспортно-импортные операции с сырьем. В западных регионах Казахстана, граничащих с российскими территориями, это прокачка и поставки сырой нефти, очень существенное количество которой приходится на структуру Каспийского трубопроводного консорциума, проходящего с запада Казахстана до Новороссийского порта. Безусловно, физическая масса товарооборота есть, но в ограниченном ассортименте. Похожие выводы можно сделать, основываясь на примере Омской области. Основные показатели по взаимодействию Казахстана с Омской областью дает Омский НПЗ, который получает поставки казахстанского сырья. Показатели подобного рода подтверждают, что рост физического объема регионального сотрудничества наших государств достигается за счет сырьевого ассортимента.

Ситуация отличается только в Восточно-Казахстанской области, в которой сосредоточены основные промышленные гиганты Казахстана. В этом регионе местная администрация ориентирована на развитие более высокотехнологичных проектов, обмен готовыми изделиями и на привлечение российских инвестиций. В остальных случаях составляющая по расширению совместных технологических проектов ничтожно мала, что очень характерно для северных и восточных регионов Казахстана и граничащих с ними областей РФ. Аналогичной является ситуация в российских регионах, в сопредельных с Казахстаном, откуда экспортируется в основном агросырье и продукция для казахстанского машиностроения¹⁵. Также необходимо учитывать, что формальный уровень либерализации взаимного торгово-экономического сотрудничества был достаточно высок еще до создания Таможенного союза, поэтому в краткосрочной перспективе не следует ожидать радикальных изменений в условиях взаимного доступа стран-участниц ЕЭП на рынки друг друга.

Кроме общеэкономических рекомендаций по изменению ситуации – устранение имеющихся ограничений доступа на национальные рынки; проведение координированной макроэкономической, налоговой, денежно-кредитной, торговой, таможенно-тарифной политики; сближение национальных режимов стран-участниц ТС через унификацию национальных режимов, либо путем установления прямых норм в соглашениях ЕЭП и наднациональных регуляторов; создание единых транспортных, энергетических и информационных систем; разработка единых принципов и правил

конкуренции в рамках ЕЭП и др.¹⁶ большое значение для развития и качественного роста приграничного сотрудничества России и Казахстана мог бы иметь европейский опыт создания макрорегионов и формирования инновационных кластеров.

Идея создания макрорегионов основывается на примере еврорегионов, работающих в приграничных зонах европейских государств, где не только практически устраняются таможенные барьеры и препятствия для перемещения рабочей силы, но и создаются условия, позволяющие его участникам создавать совместные экономические структуры, развивать приграничную торговлю, реализовывать различные проекты в области туризма, экологии, спорта и культуры¹⁷. Со временем подобную систему можно создать и в рамках Таможенного или уже Евразийского союза. Хотя на данный момент даже в рамках российско-казахстанского сотрудничества рано говорить о формировании подобных макрорегионов. Поэтому повышение функциональности экономических связей российско-казахстанского приграничья является важным звеном инфраструктурного и иного развития как для двустороннего сотрудничества, так и для укрепления ЕЭП¹⁸.

Формирование в приграничных регионах инновационных кластеров логически связано с идеей макрорегионов. Под кластером в данном случае понимается, согласно определению Минэкономразвития России, совокупность размещенных на ограниченной территории предприятий и организаций (участников кластера), которая характеризуется наличием объединяющей участников кластера научно-производственной цепочки в одной или нескольких отраслях (ключевых видах экономической деятельности); механизма координации деятельности и кооперации участников кластера; синергетического эффекта, выраженного в повышении экономической эффективности и результативности деятельности каждого предприятия или организации за счет высокой степени их концентрации и кооперации¹⁹.

Кластеры лучше, чем отрасли, используют важные связи, взаимодополняемость отраслей, распространение технологии, опыта, а также лучшие осознают нужды потребителя. Кластер обеспечивает возможность ведения конструктивного диалога между компаниями, правительством, университетами и исследовательскими институтами. Участие в кластере дает преимущества в доступе к новым технологиям благодаря постоянным взаимоотношениям с другими участниками кластера. Именно поэтому необходимо повышать эффективность использования инновационных кластеров как одного из приоритетных направлений активизации интеграционных процессов²⁰.

Проекты по созданию и развитию инновационных кластеров уже реализуются в многих российских регионах²¹, в Казахстане начата подготовка концепции формирования национальных перспективных кластеров²², в ближайшие годы первый из них будет создан при Назарбаев Университете²³.

В этот процесс необходимо вовлечь приграничные регионы двух стран, например, предприятия из Саратовской, Самарской и Оренбургской областей в сотрудничестве с партнерами из Западно-Казахстанской области имеют значительный потенциал для создания инновационных кластеров в транспортно-логистической сфере, производстве нефтегазового оборудования и сельском хозяйстве. Объединив возможности предприятий и НИИ Алтайского края, Астраханской и Новосибирской областей и Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей можно сформировать крупный научный кластер, инновационный кластер в сфере машиностроения, туристический кластер а также другие.

Трансграничные кластеры способны обеспечить рост экспорта в двух странах (посредством реализации совместных программ маркетинга и сбыта продукции за рубежом), активизировать инновационно-инвестиционную деятельность в результате совместных инвестиционных проектов в рамках государственно-частного партнерства, увеличить привлекательность приграничных регионов для иностранных инвесторов и стимулировать деловую активность посредством реализации программ трансграничного сотрудничества²⁴.

В приграничных областях России и Казахстана накоплен значительный опыт экономического сотрудничества, однако создание Таможенного союза и Единого экономического пространства на данный момент оказало недостаточное влияния на развитие экономических связей в приграничном регионе. Поэтому в рамках развития интеграционных процессов необходимо стимулировать развитие макрорегионов и инновационных кластеров, способных стимулировать рост двухсторонних связей и экономической активности в соседних областях двух государств.

Примечания

- ¹ Таможенный союз и ЕЭП [Электронный ресурс] // Евразийское экономическое сообщество. URL: <http://www.evrazes.com/customunion/about> (дата обращения: 03.09.2013).
- ² Кондратов Д. Перспективы углубления экономической интеграции стран СНГ [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. URL: <http://www.>

- eabr.org/general/upload/СІІ - izdania/ЕвразЭкИнтеграция/номер 1_19_2013/EEI_2_2013_kondratov.pdf (дата обращения: 03.09.2013).
- ³ Движение важнее цели // Эксперт-Казахстан. URL: <http://expertonline.kz/a3888/> (дата обращения: 03.09.2013).
 - ⁴ Киргизия изучает возможность вступления в Таможенный союз [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/politics/20091203/196755757.html> (дата обращения: 03.09.2013).
 - ⁵ Каждому – по союзу [Электронный ресурс] // Эксперт-Казахстан. URL: <http://expertonline.kz/a3378/> (дата обращения: 03.09.2013).
 - ⁶ *Домнин С., Калабин В.* Таможенный союз сытых волков и целых овец [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1260162480> (дата обращения: 03.09.2013).
 - ⁷ Россия – Казахстан. Пути сотрудничества [Электронный ресурс] // ТПП-Информ. URL: <http://www.tpp-inform.ru/corpanalitic/7733.html> (дата обращения: 03.09.2013).
 - ⁸ Аналитические материалы [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.tsouz.ru/db/stat/Analitics_trade/Pages/default.aspx (дата обращения: 03.09.2013).
 - ⁹ *Додонов В.Ю.* Предварительные макроэкономические итоги участия Казахстана в Таможенном союзе // Таможенный союз и Единое экономическое пространство: проблемы экономической интеграции: Сб. науч. трудов. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2013. С. 68.
 - ¹⁰ Россия – Казахстан. Пути сотрудничества...
 - ¹¹ Форумы приграничных регионов России и Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Портал правительства Оренбургской области. URL: <http://www.orenburg-gov.ru/magnoliaPublic/regportal/forum/forumi.html> (дата обращения: 03.09.2013).
 - ¹² *Оразбаков Г.* Казахстан – Россия: стратегическое сотрудничество в новых условиях [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/15230/> (дата обращения: 03.09.2013).
 - ¹³ *Рахматулина Г.Г.* Влияние интеграционных процессов на развитие агропромышленного комплекса Республики Казахстан // Таможенный союз и Единое экономическое пространство... С. 143–166.
 - ¹⁴ Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. URL: http://www.eabr.org/general/upload/СІІ%20-%20izdania/Doklad_TS_RF_KR.pdf (дата обращения: 03.09.2013).
 - ¹⁵ *Исабеков Б.Н.* Исследование инноваций на уровне приграничных территорий Республики Казахстан и Российской Федерации [Электронный ресурс] // G-Global. URL: <http://www.group-global.org/publication/view/2028> (дата обращения: 03.09.2013).

- ¹⁶ Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России...
- ¹⁷ Aims and Tasks of AEBR [Электронный ресурс] // Site of Association of European Border Regions. URL: http://www.aebr.eu/en/profile/aims_tasks.php (дата обращения: 03.09.2013).
- ¹⁸ Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России...
- ¹⁹ Порядок формирования перечня пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. URL: [http://www.hse.ru/data/2012/07/12/1254653718/Порядок формирования перечня пилотных программ развития ИТК.doc](http://www.hse.ru/data/2012/07/12/1254653718/Порядок_формирования_перечня_пилотных_программ_развития_ИТК.doc) (дата обращения: 03.09.2013).
- ²⁰ *Тулепбекова А., Байтулаков А.* Перспективы формирования инновационных кластеров в приграничных регионах Казахстана и России // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 2 (19). С. 50.
- ²¹ Подробнее см.: Российская кластерная обсерватория [Электронный ресурс]. URL: <http://cluster.hse.ru/> (дата обращения: 03.09.2013).
- ²² Концепцию формирования перспективных кластеров распорядился разработать в Казахстане Назарбаев [Электронный ресурс] // Meta.kz. URL: <http://www.meta.kz/novosti/kazakhstan/763387-konceptsiyu-formirovaniya-perspektivnyh-klasterov-rasporyadilsya-razrabotat-v-kazahstane-nazarbaev.html> (дата обращения: 03.09.2013).
- ²³ В Назарбаев Университете будет создан интеллектуально-инновационный кластер [Электронный ресурс] // Zakon.kz. URL: <http://www.zakon.kz/4562917-v-nazarbaev-universitete-budet-sozdan.html> (дата обращения: 03.09.2013).
- ²⁴ *Тулепбекова А., Байтулаков А.* Указ. соч. С. 56.

III. 2. АМЕРИКА И МИР

И.Ю. Кравченко

«НОВЫЙ КУРС» Б. ОБАМЫ В ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОМ КОНФЛИКТЕ

Статья посвящена анализу внешней политики США в отношении палестино-израильского конфликта в период нахождения Б. Обамы на посту президента. Особое внимание уделяется новому вектору в переговорном процессе по ближневосточному урегулированию, который задал Б. Обама. Также делается акцент на специфике американо-израильских отношений и влиянии израильского лобби на процесс принятия политических решений в США.

Ключевые слова: США, Ближний Восток, внешняя политика, палестино-израильский конфликт.

Палестино-израильский конфликт по праву считается одним из самых затяжных в современной истории. Он приобрел региональный статус с появлением государства Израиль в 1948 г. и стал постоянным катализатором арабо-израильских противоречий.

Этот конфликт многогранен, а степень его агрессивности постоянно нарастет, что заставляет международное сообщество вновь и вновь обращаться к проблеме его мирного урегулирования.

Главным инициатором данного процесса выступают Соединенные Штаты. Благодаря их посредничеству был предпринят ряд шагов по урегулированию конфликта: саммит в Кэмп-Дэвиде 1978 г.¹, Мадридская конференция 1991 г.², соглашения Осло³, Каирское соглашение 1994 г.⁴, план «Дорожная карта» 2003 г.⁵ Первыми признав независимое Государство Израиль, США всячески поддерживали его, считая своим союзником на Ближнем Востоке.

С самого начала пребывания Барака Обамы на посту президента США на него возлагали надежды как на президента-реформатора.

Но каковы были и остаются его намерения относительно Ближнего Востока в целом и Государства Израиль в частности? Продолжает ли он сформировавшийся курс на поддержку Израиля или же осуществляет его реальное обновление?

В качестве исходной точки рассуждений можно обратиться к анализу речи Барака Обамы, произнесенной им в Каире 4 июня 2009 г. Тогда Обама призвал к обновлению отношений между США и мусульманами на основе «взаимного интереса и взаимного уважения». Он признал важный вклад, который они внесли в искусство, естественные науки, философию и медицину и пообещал бороться против негативных стереотипов в отношении исламского мира. Обама также подчеркнул необходимость проведения политики толерантности, направленной на сохранение этнокультурных различий в странах с преобладающим мусульманским населением. Но самое главное в речи президента США – это его стремление положить конец вражде между Израилем и палестинцами⁶.

Еще до знаменитой каирской речи Обамы прошли переговоры между США и Израилем на разных уровнях. 6 апреля 2009 г. состоялась первая после формирования нового правительства официальная встреча представителей США с премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху. Документы, обнародованные WikiLeaks, свидетельствуют об истинных намерениях США в отношении Израиля. Прежде всего следует упомянуть закон об иранском импорте нефтепродуктов, который рассматривался в Конгрессе. Представитель США дал понять, что нефтепродукты в Иран поставляют только четыре или пять компаний, и на большинство из них США могут оказать влияние⁷. Один из сенаторов, участвовавших в переговорах, добавил, что Европа на протяжении пяти лет пыталась убедить Иран, но это не помогло. И хотя президент Обама будет и дальше следовать идее урегулирования путем переговоров, они вряд ли увенчаются успехом⁸.

В документах, опубликованных WikiLeaks, говорится и об израильской позиции в переговорах с США по ближневосточному урегулированию. Так, в синопсисе к одному из секретных донесений подчеркивается, что Нетаньяху назвал разработку ядерного оружия событием настолько важным для мирового сообщества, что все остальные вопросы в сравнении с ним незначительны⁹. Касательно вопроса о Палестине премьер-министр Израиля обратил внимание на три аспекта – политический, экономический и вопрос о безопасности. Нетаньяху высказал готовность пересмотреть свою политику в отношении палестинцев. При этом, как он подчеркнул, правительство, а также 80% израильтян полагают, что у палестин-

цев должно быть право на самоуправление, но с ограничениями, обеспечивающими безопасность Израиля. Премьер-министр Израиля заявил, что разница между его подходом и подходом лидера оппозиции Ципи Ливни заключается только в формулировке конечной цели, а именно решения, подразумевающего существование двух государств.

Нетаньяху согласился с комментарием сенатора Сешенса о необходимости работающих судов, тюрем и полиции на палестинских территориях, в то же время настаивая на том, что если Израиль покинет Западный берег, ХАМАС¹⁰ захватит власть. Улучшение экономической ситуации не заменит политического урегулирования, но изменит обстановку и продемонстрирует палестинцам преимущества мирного решения конфликта. Нетаньяху также выдвинул одно условие: если у Ирана будет ядерное оружие, то попытки мирного урегулирования не приведут к реальным результатам¹¹. Предрекая, что его правительство приятно удивит многих критиков, Нетаньяху в заключение выразил надежду выработать подход к решению проблемы совместно с президентом Обамой.

Итог встречи говорит о том, насколько для Израиля проблема Палестинской автономии не является первостепенной: акцент делается все же на Иран. То есть получается, что Израиль вполне готов к переговорам о создании государства палестинцев. Заметим, он был к этому готов еще несколько лет назад.

23 февраля 2011 г. в Катаре спутниковый телеканал «Аль-Джазира» сообщил о получении доступа к более чем 1600 конфиденциальным файлам, имеющим отношение к палестино-израильским переговорам и охватывающим период с 2000 по 2010 г. Речь идет о стенограммах встреч, электронной переписке и других методах коммуникации между палестинскими, израильскими и американскими дипломатами. Эти источники никто так и не увидел.

Но если все же верить информации «Аль-Джазиры», то получается, будто палестинская делегация на переговорах объявила о готовности пойти на ряд уступок, в том числе признать законными все построенные на территории Восточного Иерусалима израильские поселения¹².

Вторая сенсация заключается в том, что власти ПНА¹³ предлагали израильтянам создать совместный комитет и передать в его ведение Храмовую гору, на которой находятся мусульманские и иудейские святыни – мечеть Аль-Акса и Стена Плача¹⁴.

«За нынешним скандалом не стоит большой политической игры. Вероятно, кто-то из секретарей или референтов нынешней ПНА решил подзаработать, чем не преминула воспользоваться

“Аль-Джазира”. Достоверность “уплывших” документов сомнения не вызывает. Но на самом деле в них нет ничего принципиально нового. Тот факт, что подобные переговоры велись, известен», – сообщил корреспонденту «Известий» президент Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановский¹⁵.

Из всего вышесказанного следует, что Израиль готов на определенные уступки или хотя бы на переговоры с палестинцами.

3 мая 2011 г. был подписан договор о примирении между представителями конфликтующих палестинских группировок ФАТХ¹⁶ и ХАМАС¹⁷. Речь идет о поворотном событии, удивившем не только международное сообщество, но, по некоторым утверждениям, и сам ФАТХ.

В соответствии с соглашением должно было быть создано временное правительство национального единства, состоящее из так называемых технократов, т. е. министров, не принадлежащих ни к одной из группировок¹⁸. Делалось заявление о намерении временного правительства заниматься исключительно внутренними вопросами и подготовкой к выборам. На самом же деле для палестинцев основным остается один вопрос – признание их «государства» мировым сообществом в лице ООН.

В сущности в 2010 г. Генассамблея уже рекомендовала создать палестинское государство и даже настаивала на границах 1967 г. 15 декабря 1988 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 177/43, которая одобрила «провозглашение палестинского государства» Ясиром Арафатом. Он сделал это заявление на заседании Палестинского национального совета в Алжире 15 ноября 1988 г.¹⁹

За эту резолюцию, признающую «необходимость дать палестинскому народу возможность осуществить свой суверенитет на территории, оккупированной в 1967 г.», проголосовали тогда 104 члена ООН. Израиль и США проголосовали против и 36 стран воздержались. С тех пор были приняты еще несколько резолюций, включая декабрьское решение 2008 г., признавшее право палестинцев на независимое государство. Но ни одна из них не создала новую юридическую реальность и не привела к изменению на местности²⁰.

Более сотни стран готовы к такому шагу, в том числе и в Европе. Более того, Всемирный банк, МВФ и ООН в опубликованных в 2011 г. докладах утверждают, что премьер-министру палестинского правительства Саламу Файяду удалось создать политические и экономические институты, необходимые для появления жизнеспособного государства²¹.

Согласиться с этим трудно. Опираясь на данные об уровне жизни, образовании и продолжительности жизни на палестин-

ских территориях, можно сделать вывод, что в будущей стране просто нет фундамента для создания по-настоящему независимого государства²². В таких условиях эйфория, которую вызовет подобное решение, довольно быстро пройдет, и наступит период тяжелейших социальных, экономических и политических потрясений. Угроза терроризма от радикальных исламистов не исчезнет, а может быть, даже увеличится. Все это может привести только к эскалации конфликта.

19 мая 2011 г. Барак Обама выступил с речью, посвященной ситуации вокруг Ближнего Востока и Северной Африки. В ней он уделил внимание и палестино-израильскому конфликту. Обама заявил: «США уверены, что в результате переговоров должны быть образованы два государства и установлены постоянные границы Палестины с Израилем, Египтом и Иорданией, а также постоянная граница между Израилем и Палестиной»²³.

Но самым важным в его речи было другое. Граница между Израилем и будущим палестинским государством, по словам президента, «должна пролегать по линиям 1967 г. при взаимно согласованном обмене территориями, таким образом, чтобы установить безопасные и признаваемые обоими государствами границы»²⁴. «Мечты о еврейском демократическом государстве не могут существовать одновременно с постоянной оккупацией», – резюмировал Обама.

Ответная реакция Израиля не заставила себя долго ждать. В заявлении Нетаньяху говорилось о том, что возвращение к границам 1967 г. угрожает безопасности Израиля²⁵. Он также подчеркнул, что данное решение не отвечает реалиям сегодняшнего дня, поскольку за все эти годы на так называемых оккупированных территориях обосновались десятки тысяч граждан Израиля, и уходить они явно никуда не собираются²⁶.

На следующий день после заявления Обамы Нетаньяху совершил заранее запланированный визит в США. Но в ходе переговоров по палестино-израильскому конфликту лидерам двух стран договориться не удалось. Нетаньяху заявил о готовности идти «на широкий компромисс» для достижения мира, однако делаться это будет, исходя из современных реалий²⁷. Он еще раз подчеркнул, что Израиль готов сесть за стол переговоров, но только при двух условиях: отказ Аббаса от переговоров с ХАМАС и отказ от идеи возвращения к границам 1967 г.²⁸

Однако мировое сообщество не согласилось с доводами израильского премьер-министра. Сначала инициативу Обамы поддержал ЕС, а затем и все остальные члены ближневосточного «квартета».

В заявлении, опубликованном на сайте ООН 20 мая 2011 г., говорится, что члены «квартета» выражают «решительную поддержку» Обаме, который 19 мая изложил свое видение путей разрешения палестино-израильского конфликта²⁹. Как подчеркнули авторы документа, решение территориальных споров, существующих между Израилем и палестинцами, является залогом урегулирования конфликта и обеспечения безопасности в регионе. «Квартет» призвал Израиль и Палестинскую автономию возобновить прямые двусторонние переговоры «без задержек и предварительных условий»³⁰.

Таким образом, члены ближневосточного «квартета» решили не упускать шанс разрешить конфликт в условиях, когда самый последовательный сторонник Израиля – США высказал идею о палестинском государстве и возврате к границам 1967 г.

Обама же вновь попытался урегулировать конфликт. 22 мая 2011 г. на ежегодном съезде АЙПАК³¹ он заявил, что американская администрация выйдет за рамки стандартного сотрудничества с Израилем в области обороны, дабы «поддержать качественное военное превосходство» еврейского государства³².

На встрече с представителями израильского лобби Обама заметил, что его позиция изначально была неверно истолкована. По его словам, он также предлагал Израилю и палестинцам произвести обмен территориями по взаимной договоренности. «В моем предложении не было ничего особенно нового», – заключил президент США³³.

Обама подчеркнул, что любая отсрочка в урегулировании конфликта с палестинцами подрывает безопасность Израиля. «Мы не можем себе позволить ждать еще 10 лет, или 20, или 30, чтобы достичь мира», – заявил американский президент³⁴.

На очередном съезде АЙПАК, состоявшемся 4 марта 2012 г., Обама заявил о своих намерениях без колебаний использовать силу для защиты интересов США, важной составляющей которых был и остается Израиль³⁵. Касаясь же вопроса об Иране, Обама выразил надежду, что «время дипломатии и мирного урегулирования еще не упущено»³⁶. Однако главной стала следующая мысль: «Моя администрация доказала, насколько важен для нас Израиль и его безопасность <...> Все действия США на протяжении этих лет доказали: мы никогда не отступимся от наших идеалов»³⁷. Тем не менее Обама напомнил о необходимости достижения мира, столь своевременного, в том числе и для Израиля, в связи с нестабильностью ситуации в связи с «Арабской весной».

При этом правомерно задать вопрос: «Приведет ли создание независимого палестинского государства к решению проблемы?» Это маловероятно, так как в рядах самих палестинцев немало сто-

ронников радикального решения израильского вопроса, а появление государства с таким контингентом у самых границ, а в случае с Иерусалимом и внутри Израиля, приведет лишь к возобновлению вооруженного противостояния.

В то же время попытки жесткого воздействия на Израиль заранее обречены на провал. Выселение более 300 тыс. человек с территорий, которые те обживали в течение 40 лет, может привести к народным волнениям в самой стране. Ведь по опросам более половины израильтян (в число которых входит и арабское население Израиля) против создания палестинского государства³⁸.

Известный востоковед Г.И. Мирский полагает, что создание единого государства для арабов и евреев – это утопия³⁹. При этом ученого беспокоит численное превосходство коренных жителей Палестины. Арабы будут требовать возвращения беженцев. А что это значит? Их два с половиной миллиона, они живут на соседних территориях. Но если даже половина из них согласилась бы вернуться, то через несколько лет государство Израиль было бы уже не еврейским, а арабско-еврейским (рождаемость арабов 3,2% в год, а евреев 2,6%). Ни одно израильское правительство на это не пойдет, поскольку это приведет к возникновению мощнейшего кризиса в стране⁴⁰.

Несмотря на довольно жесткие высказывания в отношении Израиля как Барака Обамы, так и Хилари Клинтон, особенно по вопросу о строительстве поселений, США продолжают следовать неизменному курсу и поддерживают Израиль. Это ясно показывает решение США воспользоваться правом вето при голосовании в Совете Безопасности ООН по вопросу о принятии резолюции, осуждающей строительство поселений Израилем. Произошло это 19 февраля 2011 г. Остальные 14 членов Совета Безопасности поддержали резолюцию, одобренную не менее 130 странами, а также Организацией освобождения Палестины⁴¹.

«Как мы неоднократно говорили, вопрос постоянного статуса [Палестины] может быть решен только путем переговоров, а не обращениями в Совет Безопасности. Резолюция только усложнит усилия по достижению этой цели», – заявила заместитель посла США в ООН Розмари ди Карло⁴².

Стоит отметить, что это – первое вето, наложенное администрацией президента Обамы, обещавшего улучшить отношения с мусульманским миром. И применение вето является не только доказательством преемственности курса в отношении палестино-израильского конфликта, но также прямое воплощение Стратегии национальной безопасности США от 2010 г.⁴³

В ней особо выделялся один региональный приоритет США в мире – «Большой Средний Восток», где Америка продолжит опираться на союз с Израилем и именно в этом сотрудничестве искать путь решения палестино-израильского конфликта⁴⁴.

В 2012 г., на волне революции, прокатившейся по арабским странам Северной Африки и Ближнего Востока, было подписано мирное соглашение между двумя противоборствующими блоками – ФАТХ и ХАМАС при посредничестве Египта⁴⁵. Договор стал возможным после того, как с поста президента Египта ушел Хосни Мубарак, а власть постепенно начали занимать радикальные военные «Братьев мусульман».

Администрация Б. Обамы занимала негативную позицию по отношению к ХАМАС, поскольку штаб-квартира группировки базировалась во втянувшейся в арабскую революцию Сирии. Израильское лобби не могло оставить историческую родину в кольце радикальных мусульманских режимов. Нетаньяху при поддержке США был вынужден требовать от Аббаса выбора из двух условий: мир с Израилем или мир с ХАМАС. В 2011 г. М. Аббас подал заявку в ООН о признании государства Палестины и одновременно определил свою участь. США твердо выступили против на голосовании ГА ООН о вступлении Палестины в члены ООН в качестве полноправного государства. Дискуссии ведутся до сих пор: меры, предпринимаемые Белым домом, являются шагами на пути к миру между Израилем и Палестиной, или хуже того – они работают против самого Израиля⁴⁶.

Сложная ситуация вокруг статуса Иерусалима не была поставлена в «повестку дня» американской администрацией, однако разговоры шли только о прекращении поселенческой деятельности. Негативным фактором, угрожающим безопасности Израиля, стало масштабное ослабление влияния блока ФАТХ во главе с М. Аббасом среди населения и возрастание влияния террористической группировки ХАМАС. В конечном счете политику Обамы можно назвать несостоятельной: шаги по «усаживанию» сторон за стол переговоров не были доведены до конца, что завершилось односторонними действиями Аббаса по вступлению в ООН⁴⁷. Израиль не намерен вести переговоры с палестинцами, пока они находятся в мирном соглашении с боевиками ХАМАС, не намерен освободить оккупированные территории 1967 г. Одновременно ХАМАС не собирается признавать существование Израиля, регулярно выпуская ракеты, нацеленные на израильские территории.

В настоящий момент в Конгрессе все чаще звучит мнение о том, что Обама утрачивает влияние на Ближнем Востоке. Так,

в октябре 2013 г. в статье «Обама теряет Ближний Восток и не защищает интересы США в регионе» сенаторы-республиканцы Джон Маккейн и Линдси Грэм заявляют: «Соединенные Штаты переживают серьезный провал своей политики и утрату авторитета на Ближнем Востоке. <...> События в этом регионе развиваются в опасном направлении, и практически нет оснований рассчитывать, что у администрации Обамы имеется стратегия защиты интересов и ценностей США в этой критически важной части мира»⁴⁸.

В целом ближневосточная политика Обамы отличается осторожностью, ведь изначально была поставлена задача улучшить американский имидж в мусульманском мире. Более того, в качестве приоритетных направлений рассматривалась гармонизация палестино-израильских отношений, а затем и разрешение остальных арабских конфликтов.

Многие президенты Соединенных Штатов, в том числе и Барак Обама, стремились стать личностью, благодаря которой было бы подписано мирное палестино-израильское соглашение. Каждый президент добивался тех или иных результатов разными методами, сохранявшимися в наследство следующему лидеру страны. Джордж Буш-мл. посеял «зерно раздора» среди арабских стран, проводя жесткую политику превентивных ударов и широкого распространения демократических идеалов на Ближнем Востоке. Вполне очевидно, что Обаме было необходимо выстраивать свой курс во взаимоотношениях со странами Ближнего Востока на основе мирных инициатив с целью создания базы для новых проектов. С этой точки зрения политика осторожности Обамы вполне объяснима. Хотя у такой политики были и есть критики, прежде всего из числа республиканцев-консерваторов и их сторонников. В своей статье эксперт Брукингского Института Майкл Доран заявил: «Доктрина Эйзенхауэра»⁴⁹ положила начало американскому лидерству на Ближнем Востоке, и каждый (американский. – И. К.) президент следовал этому курсу. Каждый, кроме теперешнего. <...> В отличие от своих предшественников Б. Обама уверен, будто для США лучшей политикой будет робко стоять в стороне»⁵⁰.

Таким образом, США вынуждены проводить политику лавирования между поддержкой интересов Израиля и ростом влияния в арабском мире. К приоритетным для Обамы задачам относится и сохранение поддержки израильского лобби внутри США. В то же время Белый дом придерживается жесткой позиции в отношении поселенческой деятельности Израиля и одновременно блокирует резолюции ООН об израильском строительстве на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме.

Выдвижение Вашингтоном условий вместо оказания реального давления на правительство Израиля является одним из аспектов, тормозящих процесс мирного урегулирования. Более того, можно говорить о том, что утопическое требование США полностью заморозить строительство поселений отстранило самого М. Аббаса от переговоров. Он был поставлен в сложное положение, при котором нельзя требовать от израильтян меньше, чем требует президент Соединенных Штатов. Идя на уступки, Аббас потерял бы лицо среди палестинского народа и вошел бы в историю как неудачный политик и дипломат. В итоге возник сложный клубок противоречий, распутывание которого на сегодняшний день остается самой сложной задачей.

Слабым звеном в концепции внешнеполитической деятельности Обамы был акцент на общественном мнении мусульманского мира при одновременном игнорировании общественных взглядов израильтян, на которые опирается Нетаньяху в проведении своей политики и благодаря поддержке которых ему удается столь жестко отстаивать национальные интересы.

Речь, произнесенная в Каирском университете, являлась единственным выступлением Обамы на Ближнем Востоке вплоть до 2013 г. Таким образом, он потерял возможность оказывать реальное влияние на израильское общественное мнение⁵¹. На этот факт ему неоднократно указывали и Дж. Байден, и Х. Клинтон, и Д. Росс. Успешно переизбравшись на пост главы государства в 2012 г., Барак Обама предпринял вторую попытку добиться мира на ближневосточном направлении.

В 2013 г. в своей поездке по Ближнему Востоку Обама сделал ставку на студенческую аудиторию Израиля, выступив в Университете Иерусалима. В своей речи президент США предложил избирателям активно участвовать в политической жизни государства, потому что от их мнения зависит будущее, и в первую очередь принятие соответствующих решений по созданию Палестинского государства⁵².

Барак Обама пытается оставить о себе память как о прогрессивном политике. Да и вручение Нобелевской премии обязывает. Американские войска были выведены из Ирака, начал осуществляться вывод войск США из Афганистана. Параллельно Обама взялся за решение «старого» палестино-израильского конфликта. Однако тут, к сожалению, дальше ярких речей дело пока не продвинулось. В настоящий момент сложилась такая ситуация, при которой ни израильтяне, ни палестинцы не могут пойти на необходимый для мирного процесса компромисс, даже если бы они могли согласовать формулировки соглашения. Несмотря на заявление Обамы о

важности Азиатского региона, США и впредь придется иметь дело с ближневосточным конфликтом, вызывающим резонанс далеко за пределами Ближнего Востока.

Примечания

- ¹ Camp David Accords, 17 Sep. 1978 [Электронный ресурс] // Israel Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/camp%20david%20accords.aspx> (дата обращения: 01.11.2013).
- ² The Madrid Framework, 28 Jan. 1999 [Электронный ресурс] // Ibid. URL: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/the%20madrid%20framework.aspx> (дата обращения: 01.11.2013).
- ³ *Tristram P.* Declaration of Principles On Interim Self-Government Arrangements. The Oslo Accords Between Israel and Palestine, Sept. 13, 1993 [Электронный ресурс] // About.com. Middle East Issues. URL: <http://middleeast.about.com/od/documents/a/Declaration-Of-Principles.htm> (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁴ 1994 Agreement on the Gaza Strip and the Jericho Area, May 4, 1994 [Электронный ресурс] // ProCon.org. URL: <http://israelipalestinian.procon.org/view.background-resource.php?resourceID=923> (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁵ The roadmap: Full text [Электронный ресурс] // BBC News. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/2989783.stm (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁶ Obama's Speech in Cairo [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2009/06/04/us/politics/04obama.text.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁷ WikiLeaks: Избранные материалы / Сост. В. Апанасик. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. С. 217.
- ⁸ Там же. С. 218.
- ⁹ Там же. С. 216.
- ¹⁰ ХАМАС – Исламское движение сопротивления, палестинское исламистское движение и политическая партия. ХАМАС признан террористической организацией во многих странах мира, включая США и Израиль.
- ¹¹ WikiLeaks: Избранные материалы... С. 218.
- ¹² «Аль-Джазира» раскрыла секретные детали палестино-израильских переговоров [Электронный ресурс] // Лента.Ру. URL: <http://lenta.ru/news/2011/01/24/leaked/> (дата обращения: 01.11.2013).
- ¹³ ПНА – Палестинская национальная администрация. Руководящие органы, созданные для управления территориями сектора Газа и частью территорий Западного берега реки Иордан.
- ¹⁴ *Сурков Н.* «Аль-Джазира» рискует похоронить мирный процесс [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/world/2011-01-25/7_al_jazira.html (дата обращения: 01.11.2013).

- 15 *Забродина Е.* Делится ли Храмовая гора? [Электронный ресурс] // Известия. URL: <http://www.izvestia.ru/world/article3150774/> (дата обращения: 01.11.2013).
- 16 ФАТХ – движение за национальное освобождение Палестины, палестинская военизированная организация и одна из основных политических партий Палестинской автономии.
- 17 Agreement between Fatah and Hamas, Cairo, 3 May 2011 [Электронный ресурс] // United Nations Peacemaker. URL: http://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/OPt_AgreementFatahHamas2011.pdf (дата обращения: 01.11.2013).
- 18 *Маген Цви.* Палестинское примирение: возможные последствия [Электронный ресурс] // Ежедневный журнал. URL: <http://ej.ru/?a=note&id=11006> (дата обращения: 01.11.2013).
- 19 A/RES/43/177. Question of Palestine [Электронный ресурс] // United Nations. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/531/56/IMG/NR053156.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.11.2013).
- 20 Правда и фантазии о признании палестинского государства в ООН [Электронный ресурс] // Израильское информационное агентство. URL: <http://www.zman.com/news/2011/05/05/100776.html> (дата обращения: 01.11.2013).
- 21 *Апри М.* Израиль опасается «дипломатического цунами» [Электронный ресурс] // Inopressa. URL: <http://www.inopressa.ru/article/15Apr2011/lefigaro/israel.html> (дата обращения: 01.11.2013).
- 22 Palestinian Central Bureau of Statistics, 2011. Palestine in Figures 2010 [Электронный ресурс] // Palestinian Central Bureau of Statistics. URL: http://www.pcbs.gov.ps/Portals/_PCBS/Downloads/book1749.pdf (дата обращения: 01.11.2013).
- 23 Obama's Speech on U.S. Policies in Middle East and North Africa [Электронный ресурс] // ИП Digital. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/text-trans/2011/05/20110519124857su0.5616201.html#axzz1Mv4EkmCT> (дата обращения: 01.11.2013).
- 24 Ibid.
- 25 Нетаньяху не поддержал предложение Обамы [Электронный ресурс] // SITEUA. Новостной портал. URL: http://siteua.org/Мир/259507/Нетаньяху_не_поддержал_предложение_Обамы (дата обращения: 01.11.2013).
- 26 Там же.
- 27 США – Израиль: разногласия по ближневосточному процессу остаются [Электронный ресурс] // Голос Америки. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/us-israel-relations-2011-05-20-122316449/234722.html> (дата обращения: 01.11.2013).
- 28 Там же.
- 29 Middle East Quartet fully supports U.S. President's vision for Israeli-Palestinian peace [Электронный ресурс] // United Nations. URL: <http://www.un.org/News/ossg/hilites.htm> (дата обращения: 01.07.2013).

- ³⁰ Ibid.
- ³¹ АЙПАК (АИРАС) – Американско-израильский комитет по общественным связям, американская общественная организация, целью которой является оказание влияния на проведение произраильского курса во внешней политике США.
- ³² Обама гарантировал Израилю «качественное военное превосходство» [Электронный ресурс] // Лента.Ру. URL: <http://lenta.ru/news/2011/05/22/obama/> (дата обращения: 01.11.2013).
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Obama's AIPAC speech [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/mar/04/obama-aipac-speech-read-text> (дата обращения: 01.11.2013).
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ 74% процента граждан Израиля против создания палестинского государства [Электронный ресурс]//9канал. URL:<http://9tv.co.il/news/2012/02/28/121358.html> (дата обращения 07.11.2013).
- ³⁹ Куда катится Газа? [Электронный ресурс] // Лента.Ру. URL: <http://www.lenta.ru/conf/mirskiy/> (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ США отклонили арабскую резолюцию по еврейским поселениям [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/02/110219_us_veto_arab_resolution.shtml (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁴² Там же.
- ⁴³ National Security Strategy, 2010 [Электронный ресурс] // The White House. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ *Игошина Ж.* ФАТХ и ХАМАС: долгожданное перемирие? [Электронный ресурс] // Новое Восточное обозрение. 2012. Май. URL: <http://www.ru.journalneo.com/node/117236> (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁴⁶ *Siniver A.* Change nobody believes in: Obama and the Israeli-Palestinian conflict [Электронный ресурс] // Taylor & Francis Online. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/09592296.2011.625825> (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁴⁷ *Сова Е.* Президент Обама: союз с Израилем вечен [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/03/130319_obama_israel_visit.shtml (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁴⁸ *McCain J., Graham L.* Obama is failing the Middle East, and U.S. interests there [Электронный ресурс] // The Washington Post. URL: <http://www>

washingtonpost.com/opinions/mccain-and-graham-obama-is-failing-the-middle-east-and-us-interests-there/2013/10/25/47e8f016-3d83-11e3-a94f-b58017bfee6c_story.html (дата обращения: 01.11.2013).

- ⁴⁹ «Доктрина Эйзенхауэра» была разработана в 1957 г. В соответствии с ней США приняли обязательство оказывать экономическую и военную помощь странам региона, становящимся объектом агрессии международного коммунизма. Она была негативно воспринята большинством арабских стран. Особенно резко против нее выступили, как и ожидалось, Египет и Сирия.
- ⁵⁰ *Doran M.* Is Obama Like Ike? [Электронный ресурс] // Commentary Magazine. URL: <http://www.commentarymagazine.com/article/is-obama-like-ike/> (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁵¹ *Индик М., Либерталь К., О'Хэнлон М.* Оценка внешней политики Обамы [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Otcenka-vneshnei-politiki-Obamy-15602> (дата обращения: 01.11.2013).
- ⁵² *Яковина И.* Крестовый поход Обамы [Электронный ресурс] // Лента.Ру. URL: <http://www.lenta.ru/articles/2013/03/25/obama/> (дата обращения: 01.11.2013).

Н.С. Самаркина

РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ ВООРУЖЕНИЙ В ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Основной целью данной статьи является исследование специфики российского экспорта вооружений в регион Латинской Америки. Для этого необходимо провести анализ геополитической ситуации в Латинской Америке, принимая в расчет политическую и экономическую ситуацию, а также исторические предпосылки для возникновения военно-технического сотрудничества между Россией и странами Латинской Америки, анализ реальных поставок и продажи российского вооружения по ключевым странам-импортерам данного региона.

Ключевые слова: геополитика, экспорт российского вооружения, продукция военного назначения, Латинская Америка.

В начале XXI в. Латинская Америка стала новым емким рынком для российского экспорта продукции военного назначения (далее: ПВН). Это стало возможным благодаря крупным геополитическим сдвигам в регионе. Наиболее важной обозначившейся тенденцией стал выход значительной части латиноамериканских государств из сферы влияния США. Латинская Америка, которая еще в 1990-е гг. воспринималась многими экспертами как «задний двор» Вашингтона, стала ареной бурных политических и социальных изменений. В целом ряде латиноамериканских государств к власти пришли леворадикальные и левоцентристские правительства, взявшие курс на отказ от неолиберальных экономических реформ и проведение независимой, часто антиамериканской внешней политики. Этот феномен получил название «левого поворота», охватившего такие страны, как Аргентина, Боливия, Бразилия, Никарагуа, Эквадор и др. Наибо-

лее ярким примером такого рода стало правление Уго Чавеса в Венесуэле (1998–2013 гг.).

Наряду с ростом независимости внешней политики многих государств Латинской Америки другой важной тенденцией начала XXI в. стало ослабление международной напряженности в регионе. Традиционные противоречия между странами (например, по линиям Аргентина – Бразилия, Боливия – Перу – Чили) стали уступать место растущему взаимному доверию, подкрепляемому совместным участием в деятельности региональных международных организаций.

Знаковым событием с точки зрения формирования новых структур безопасности в регионе стало образование в 2008 г. на базе объединения УНАСУР Южноамериканского оборонного совета (ЮОС)¹. Данный орган формируется из министров обороны стран-участниц УНАСУР и представляет собой форум для регулярных переговоров и консультаций.

Некоторая напряженность в геополитической ситуации в Латинской Америке продолжала сохраняться из-за имевших место территориальных споров между государствами, как, например, вооруженный конфликт между Перу и Эквадором в 1995 г. Освоение богатств океанского шельфа также привело к возросшему значению морских границ. Эти факторы определяли необходимость государств Латинской Америки надежно защищать свои границы и закрепить свои позиции, что стимулировало заметное увеличение оборонных бюджетов государств региона. Только за период с 2003 по 2008 г. военные расходы стран Латинской Америки выросли на 91% (с 24,7 до 47,2 млрд дол.)², а всего за период 2001–2008 гг. они составили 205,1 млрд дол. (2,52% общемировых)³. Однако вопреки опасениям экспертов речь шла не о начале региональной гонки вооружений, а о компенсации значительного снижения военных расходов, происшедшего после окончания холодной войны.

В первом десятилетии XXI в. большинство стран приступило к реализации программ модернизации своих военных arsenалов, представленных преимущественно старыми образцами вооружения и военной техники (ВВТ), эксплуатировавшимися с 1950–1960-х годов⁴. Общий уровень военных расходов в Латинской Америке оставался невысоким. Так, среди 12 стран – членов УНАСУР в 2006–2010 гг. только Эквадор имел военные расходы свыше 2% валового внутреннего продукта. Для Колумбии этот уровень составлял 1,9%, Суринама – 1,5, Чили – 1,4, Уругвая – 1,1, для прочих – менее 1% ВВП⁵.

Новой тенденцией в оборонном строительстве государств Латинской Америки стало формирование группы стран – перспективных импортеров крупных объемов ПВН. Во многом благодаря им импорт ВВТ Латинской Америкой вырос за 2005–2012 гг. с 1,247 до 6,37 млрд дол. (при этом общий объем, согласно Регистру ООН, составил 24,55 млрд дол.)⁶. Наиболее заметными представителями этой группы стали Бразилия, Чили и Венесуэла, имеющие максимальный объем спроса на ПВН.

Крупнейшим покупателем иностранных ВВТ в регионе за рассматриваемый период стала Венесуэла. Со скромных 39 млн дол. (2005 г.) ее импорт вырос до 2 671 млн дол. (2012 г.), а всего за восьмилетие на эту страну пришлось 32,7% всего латиноамериканского импорта ПВН (8,017 млрд дол.)⁷. Именно «венесуэльский феномен» стал определяющим при рассмотрении деятельности России по экспорту вооружений в Латинскую Америку в начале XXI в.

Второе место по импорту ВВТ в 2005–2012 гг. заняло Чили. На это государство пришлось 18,3% общерегиональных закупок (4,5 млрд дол.). Высокие показатели Чили были обусловлены особыми причинами. Начиная с 1958 г. в стране действовал так называемый «медный закон», устанавливавший фиксированный процент отчислений от продажи меди в пользу армии. Бурный рост цен на медь – основной экспортный продукт страны – повлек за собой и быстрое увеличение военных расходов. В 2002–2011 гг. они выросли на 72% (до 8 млрд дол. в 2011 г.) Благодаря «медному закону» военные Чили смогли провести перевооружение армии, нарастив импорт вооружений на 117%⁸.

На третьем месте в регионе оказалась Бразилия. За 2005–2012 гг. объем бразильского импорта ВВТ вырос с 530 до 1185 млн дол.⁹ Сравнительно скромные показатели этой крупнейшей латиноамериканской страны были связаны с ориентированностью на развитие национальных оборонных программ либо реализацию проектов совместного производства – освоение импортных военных технологий национальной промышленностью.

Остальные государства Латинской Америки в начале XXI в. уделяли сравнительно небольшое внимание импорту вооружений и не оказывали заметного влияния на статистику спроса на ПВН.

Таблица 1

Крупнейшие страны–импортеры ПВН
в Латинской Америке, 2005–2012 гг.

Место в рейтинге импортеров ПВН	Страна	Объем импорта ПВН, млрд дол.	Доля в общем импорте Латинской Америки, %
1	Венесуэла	8,017	32,65
2	Чили	4,498	18,3
3	Бразилия	4,268	17,4
4	Мексика	2,698	11,0
5	Колумбия	1,928	7,85
6	Перу	931	3,8
7	Эквадор	760	3,1
8	Боливия	358	1,46
9	Аргентина	288	1,17
10	Тринидад и Тобаго	162	0,66

Источник: ЦАМТО (Центр анализа мировой торговли оружием).

Прежде чем говорить о российском экспорте вооружений в Латинскую Америку, следует отметить, что отношения по линии военно-технического сотрудничества (ВТС) возникли еще в советское время. Правда, тогда значение данного рынка было невелико на фоне многомиллиардных поставок ПВН в Восточную Европу, на Ближний Восток и Африку. Основным партнером по военно-техническому сотрудничеству была Куба, армия которой оснащалась преимущественно советским оружием. В 1980-е годы отмечались поставки в Никарагуа и ряд других стран бассейна Карибского моря. Кроме того, СССР в ограниченных масштабах сотрудничал с рядом нейтральных государств Южной Америки (например, с Перу и Эквадором)¹⁰.

С распадом СССР и переходом российского оружейного экспорта на рыночные основы торговли значение Латинской

Америки еще более сократилось. В 1990-е годы российское присутствие здесь было минимальным, объем ВТС колебался на уровне 30–50 млн дол. в год. Ситуация стала меняться в начале XXI в. в связи с политическими и экономическими изменениями в регионе.

Начиная с 2005 г. основным покупателем российских вооружений в регионе стала Венесуэла. В предшествующие десятилетия власти этой страны уделяли небольшое внимание вопросам военного строительства. Вооруженные силы использовали устаревшее оружие преимущественно американского образца. Положение изменилось после прихода к власти У. Чавеса и развертывания в стране «бוליварианской революции». Потерпев неудачу в организации военного переворота в Венесуэле (2002 г.), Вашингтон стал наращивать политическое и экономическое давление на леворадикальный режим Чавеса. В числе прочих мер США ввели эмбарго на поставку ВВТ в Венесуэлу, включая сервисное обслуживание и поставку запасных частей, под предлогом того, что Каракас «не вносит достаточного вклада в борьбу с терроризмом»¹¹. Это поставило власти страны в сложное положение и подтолкнуло к активному поиску новых источников импорта вооружений. Эта задача облегчалась резким повышением мировых цен на нефть, сделавших Венесуэлу одним из наиболее платежеспособных клиентов.

Воспользовавшись осложнением отношений между режимом Чавеса и Вашингтоном, Москва сумела занять место основного партнера Венесуэлы в сфере ВТС¹². В 2005–2006 гг. были заключены контракты с Каракасом на общую сумму более 4 млрд дол. Они предусматривали поставку 100 тыс. автоматов Калашникова АК-103, 24 самолетов Су-30 и 53 вертолетов Ми-17¹³. В 2008 г. Венесуэла заняла четвертое место в экспорте российского вооружения (14% объема).

Новый импульс российско-венесуэльскому сотрудничеству в военной сфере был дан в 2009 г. Резкое обострение отношений между Венесуэлой и Колумбией побудило Чавеса вновь обратиться к России. Контракт 2009 г. оказался крупнейшим в истории Венесуэлы. В рамках контракта Россия предоставила Венесуэле кредиты в 2,2 млрд дол. (2010 г.) и 4 млрд дол. (2011 г.) на закупку вооружений¹⁴. Предусматривалось перевооружение венесуэльской армии на российскую технику. Поставки включали 57 танков Т-72 Б1В, 123 БМП-3, 36 РСЗО «Смерч» и БМ-21 «Град», а также САУ, БТР, минометов и другой техники для сухопутных войск. Для ПВО Венесуэлы были закуплены 18 ЗСУ-23 и несколько дивизионов ЗРК С-300ВМ и «Печора-2М». По состоянию на май 2013 г. объем заключенных контрактов в сфере ВТС достиг 11 млрд дол.¹⁵

Заключенные контракты последовательно выполнялись в 2010–2013 гг. В этот период была поставлена большая часть заказанных ВВТ, построены сервисные центры обслуживания российской техники. В 2011 г. Венесуэла вышла на второе место в мире среди импортеров российских ВВТ¹⁶. В конце 2013 г. должно было завершиться строительство завода по выпуску АК-103 производственной мощностью 25 тыс. автоматов и 60 млн патронов в год¹⁷.

Смерть У. Чавеса в марте 2013 г. и приход к власти его преемника Н. Мадуро не оказали заметного влияния на двусторонние связи с Россией в области ВТС. Согласно оценке ЦАМТО, в период до 2017 г. будет продолжаться реализация ранее заключенных контрактов. Их объем на четырехлетие 2013–2016 гг. оценивается в 3,269 млрд дол.¹⁸

Неустойчивая политическая ситуация в Венесуэле, возможность прихода к власти оппозиции делают перспективы дальнейшего поступательного развития российско-венесуэльского сотрудничества в сфере ВТС проблематичными. Однако в любом случае Россия получила прочные позиции в этой стране.

Вторым крупным партнером России в регионе стала Бразилия. С приходом к власти в 2003 г. левоцентристского правительства Лулы да Силвы эта страна стала активно развивать многовекторную политику и диверсифицировать свои контакты в сфере ВТС. Интенсивно развивающийся политический диалог и взаимные инициативы сторон по развитию экономического сотрудничества побудили Россию к активному продвижению ВВТ в Бразилию.

В конце 2006 г. Бразилия подписала контракт о поставке Россией военных вертолетов Ми-35 и Ми-171 на сумму более 400 млн дол.¹⁹ Это открыло России дорогу на бразильский авиационный рынок. В 2008 г. был оформлен дополнительный контракт на 12 Ми-35М, реализованный к концу 2012 г.²⁰ 14 декабря 2012 г. концерн «Ростехнологии» и бразильский холдинг «Oderbrecht Defesa e Tecnologia» подписали меморандум о сотрудничестве. Соглашение предусматривает совместную разработку вертолета Ми-171 и создание совместного производства по производству вертолетов, средств ПВО, морской техники и т. п.²¹

Крупнейшим потенциальным контрактом на бразильском рынке являлась программа F-X на поставку истребителей для ВВС страны. Тендер был объявлен еще в 2001 г. Россия представила для участия в нем истребитель Су-35²². После многолетних переговоров бразильские власти отложили принятие решения по программе, сославшись на отсутствие финансирования. В 2008 г. программа была возобновлена под новым наименованием F-X2,

однако Россия в списке участников уже не значилась. Конфликт интересов бразильских политиков и военных привел к новой отсрочке до 2014 г. В этих условиях Россия, используя свои связи с Бразилией в рамках нового формата БРИКС, предложила ей программу стратегического сотрудничества в виде подключения к программе разработки истребителя пятого поколения ПАК ФА. Как сообщил министр по стратегическим вопросам Бразилии Роберто Мангабейра Унгер, соответствующие переговоры стартовали в 2008 г.²³ Однако к середине 2013 г. никакого решения так и не было принято.

Интенсивные попытки России закрепиться в Бразилии дали лишь ограниченный результат. По состоянию на 2012 г. на эту страну пришлось всего 2% поставок российских ВВТ²⁴. Большую часть этого объема составили вертолеты Ми-35 и ПЗРК «Игла-С».

Наряду с прорывом в Венесуэле и ограниченным присутствием на бразильском рынке Россия стремилась расширить свои контакты и с другими государствами Латинской Америки. Однако результаты этой активности не слишком впечатляли. Как правило, речь шла о поставках небольших партий ВВТ либо о ремонте или модернизации ранее поставленной техники.

Так, в 2008 г. было заключен контракт с Перу по модернизации восьми истребителей МиГ-29С в вариант СМТ. В 2010 г. с этой страной было заключено дополнительное соглашение о поставках транспортных вертолетов (2 вертолета Ми-35П и 6 Ми-171Ш на сумму 89 млн долл.)²⁵. 31 марта 2013 г. стало известно о более крупной сделке – на 24 Ми-171 (на сумму 406 млн. дол. со сроками поставки в 2014–2015 гг.)²⁶.

Аналогично выглядела ситуация и с большинством других латиноамериканских стран. Наибольшим спросом у них пользовалась российская вертолетная техника. В 2009 г. был заключен контракт с Эквадором на 22 млн долл. (поставка транспортных вертолетов Ми-171Е). В 2010 г. Аргентина заключила договор на покупку трех Ми-171Ш. В ноябре 2011 г. удалось подписать соглашение с Мексикой о поставках трех Ми-17В-5 для ВМС страны.

Помимо вертолетов, спросом пользовались российское стрелковое вооружение, ПЗРК и автотранспорт. Примером могут служить поставки грузовиков «Урал» и автомобилей УАЗ (около 1 тыс. единиц) для уругвайской армии (контракты 2002 и 2004 гг.)²⁷. Предпринимались спорадические попытки продвинуть и более сложную технику. Так, 7 мая 2013 г. стало известно о российском предложении для того же Уругвая на приобретение нескольких единиц Су-30К²⁸.

Таблица 2

Поставки российской ПВН в страны
Латинской Америки (2005–2012 гг.)

Год	Объем поставок, млн долл.	Доля России в общих поставках ВВТ в страны региона, %
2005	3,0	0,25
2006	538	25,6
2007	1 025	40,8
2008	664	31,7
2009	707	28,7
2010	248	7,6
2011	845	18,8
2012	2 200	29,0
Итого	6 230	25,4

Источник: ЦАМТО.

Подводя итоги российской активности на рынке вооружений и военной техники в странах Латинской Америки, следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, прорыв экспорта ВВТ в 2006–2012 гг. (в сравнении с более ранними объемами поставок и взаимодействий). Если учитывать валютный объем только идентифицированных поставок обычных вооружений, то Россия поставила ПВН на сумму 6,23 млрд дол. (25,4% от всего объема экспорта ПВН в страны данного региона), заняв первое место среди всех экспортеров²⁹. Примечательно, что Россия далеко опередила США, занявшие лишь второе место на их традиционном рынке (3,887 млрд дол., или 15,83% общего экспорта ПВН в 2005–2012 гг.).

Во-вторых, согласно прогнозам ЦАМТО, российский экспорт ПВН на 2013–2016 гг. сохранит лидирующую позицию с приблизительным объемом поставок 4,2 млрд дол. (21,5% рынка региона), при условии, что действующие контракты с Венесуэлой и Бразилией будут реализованы.

Достигнутый менее чем за 10 лет результат можно назвать вполне успешным. Однако не стоит забывать и о некоторых осо-

бенностях: в основе этого успеха лежат крепкие политические взаимоотношения между РФ и Венесуэлой и привилегированное сотрудничество по линии экспорта ВВТ. Во многом именно от продолжения этого сотрудничества и от возможного расширения взаимодействия с Бразилией зависят перспективы российского экспорта ВВТ в регион Латинской Америки.

Примечания

- ¹ Южноамериканский оборонный совет (South American Defence Council) был создан в 2008 г. на саммите УНАСУР в Бразилии в качестве органа для осуществления регионального сотрудничества в сфере безопасности. См.: *Сольмирано К.* Регистр УНАСУР по военным расходам: на пути к транспарентности // Экспорт вооружений. 2013. № 3. С. 11.
- ² Страны Латинской Америки увеличили оборонные расходы [Электронный ресурс] // Международное военно-техническое обозрение. URL: <http://www.mil-tech.org/2009/01/30/balance/> (дата обращения: 15.10.2013).
- ³ Выставка вооружений FIDAE-2010 [Электронный ресурс] // Центр анализа мировой торговли оружием. URL: <http://www.armstrade.org/files/expo/FIDAE-1.pdf> (дата обращения: 15.10.2013).
- ⁴ Страны Латинской Америки увеличили оборонные расходы...
- ⁵ *Сольмирано К.* Регистр УНАСУР... С. 12.
- ⁶ Рынок вооружений стран Латинской Америки в 2005–2012 гг. и прогноз на 2013–2016 гг. [Электронный ресурс] // ВПК.name. URL: http://vpk.name/news/87678_ryinok_vooruzhenii_stran_latinskoj_ameriki_v_20052012_gg_i_prognoz_na_20132016_gg.html (дата обращения: 15.10.2013).
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Сольмирано К.* Военные расходы и закупки оружия странами Латинской Америки: современные тенденции // Экспорт вооружений. 2012. № 4. С. 3.
- ⁹ Рынок вооружений стран Латинской Америки в 2005–2012 гг...
- ¹⁰ *Кислов А.К., Фролов А.В.* Россия и международный рынок оружия. М.: Альфа-Браво, 2008. С. 125.
- ¹¹ Венесуэлу окружают. Растет количество американских военных баз [Электронный ресурс] // Stringer – информационный портал. URL: http://stringer.at.ua/news/venesuehlu_okruzhajut/2010-01-17-76 (дата обращения: 15.10.2013).
- ¹² Второе место среди основных поставщиков ВВТ в Венесуэлу в 2005–2012 гг. принадлежало Китаю.
- ¹³ Независимое военное обозрение. 2006. № 24. С. 34.
- ¹⁴ *Сольмирано К.* Военные расходы и закупки оружия... С. 4.

- 15 Основные события в области ВТС России в мае–июне 2013 г. // Экспорт вооружений. 2013. № 3. С. 73–74.
- 16 *Сольмирано К.* Военные расходы и закупки оружия... С. 4.
- 17 Готовность завода на 18 июня 2012 г. составляла 60%. См.: Основные события в области ВТС России в мае–июне 2012 г. // Экспорт вооружений. 2012. № 3. С. 66.
- 18 Рынок вооружений стран Латинской Америки в 2005–2012 гг...
- 19 Взгляд. Деловая газета. 2006. 11 дек.
- 20 Основные события в области ВТС России в июле–августе 2012 г. // Экспорт вооружений. 2012. № 5. С. 70.
- 21 Там же. С. 68.
- 22 *Гилов И.* Бразильский тендер по истребителям снова в тупике // Экспорт вооружений. 2011. № 1. С. 4.
- 23 Перспективный авиационный комплекс фронтовой авиации [Электронный ресурс] // Стелс машины. URL: <http://www.paralay.com/pakfasu.html> (дата обращения 15.10.2013).
- 24 *Фролов А.* Итоги ВТС России с иностранными государствами в 2012 г. // Экспорт вооружений. 2012. № 6. С. 17.
- 25 Основные события в области ВТС России в июле–августе 2012 г...
- 26 Перу купит у России 24 вертолета Ми-171 [Электронный ресурс] // Aviation Explorer. URL: <http://www.aex.ru/news/2013/4/1/104417/> (дата обращения 15.10.2013).
- 27 *Барбанов М.* Рынок вооружений Уругвая // Экспорт вооружений. 2012. № 4. С. 10.
- 28 Основные события в области ВТС России в мае–июне 2013 г. С. 75.
- 29 Рынок вооружений стран Латинской Америки в 2005–2012 гг. ...

ЯЗЫК ПРАВА РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье предпринята попытка компаративного анализа терминологического аппарата языка права в современных правовых системах России и Запада. Содержательной реинтерпретации были подвергнуты основные понятия, связанные с демократическими институтами государственного права.

Автор приходит к выводу, что быстрая и нередко поверхностная рецепция юридических терминов Запада лишила важнейшие институты государственного права России (демократическое государство, гражданское общество, права человека и т. д.) возможности их фактической адаптации в процессе глубокого осмысления традиций истории российского права.

Ключевые слова: язык права, мессианский язык, правовая система, (ре) интерпретация, ключевые понятия, правовое государство.

Язык права – это идеологическая
«обертка» правовой системы.

Аноним

В основе классификации правовых систем мира, как правило, заложены те или иные сравнительные критерии – религиозный, национальный, идеологический (Р. Давид), стилистический (К. Цвайгерт). Каждый из этих критериев преобладал в определенный исторический период: религиозный – в период Средневековья, национальный – в XIX в., идеологический – во время Второй мировой и Холодной войны, стилистический – после распада СССР.

Среди критериев сравнения правовых систем наибольший интерес представляет терминологический аппарат, используемый для обозначения основных (стилистических) правовых институ-

тов в различных правовых системах. Совокупность понятий терминологического аппарата конкретной правовой системы образует язык права. Однако способ обозначения правовых институтов каждой страны индивидуален. Например, правовым системам Англии и США свойственны такие понятия, как *доверие* (trust), *зло* (evil)¹, *право справедливости* (law of equity), *свобода* (freedom), *демократия* (democracy), *Бог* (God), *правило устранения зла* (Mischief Rule)² и т. д. Большинство перечисленных понятий характеризует язык права Англии и США как морально-этический, или мессианский язык.

Наиболее известным институтом английского (а впоследствии и американского) права является доверительная собственность, обозначаемая понятием «доверие» (trust). Траст строится по следующей схеме: лицо, учреждающее доверительную собственность, оговаривает, что некоторое имущество будет управляться одним или несколькими лицами в интересах одного или нескольких лиц — бенефициантов. Этот институт часто применяется в Англии для выполнения различных практических задач: охраны имущества недееспособных лиц, замужних женщин, ликвидации наследства и т. д. Часто эту форму используют и для организации и деятельности благотворительных и иных учреждений³. Таким образом, понятие «доверие» служит в английском языке обозначением как морально-этической нормы, так и правового института.

Что же делает язык права этих стран мессианским? По мнению автора, главным критерием, который придает английскому и американскому праву мессианский характер, является юридическая формула «Бог в праве». В подтверждение этой мысли известный американский политолог Дж. Най выдвинул на передний план в своей работе «Гибкая власть» (“Soft Power”) тему религии в мировой политике, проводя прямые параллели между верой, религиозной жизнью, с одной стороны, и экономикой, дипломатией — с другой⁴.

Но мессианский язык права представляет собой лишь частный случай языка права как такового. Мы же попытаемся проанализировать язык права как важнейший критерий сравнения правовых систем мира. Подобный анализ обязывает нас рассмотреть (или по крайней мере поставить) следующие три вопроса:

1) Насколько адекватен процесс обозначения того или иного правового института понятием, позаимствованным из религии, идеологии или морали?

2) Какие трудности он может создать во взаимоотношениях между государствами при использовании различных языков права?

3) Не приведет ли к языковой и смысловой путанице обозначение национальных правовых институтов латинскими либо иными иностранными правовыми терминами?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к опыту развития права в России (советского и постсоветского периода) и США.

В 90-е годы XX в. в России развернулся поиск наиболее приемлемой формы правовой системы. Однако вместо того, чтобы проанализировать предыдущий опыт отечественной правовой истории, постсоветские юристы (В.С. Нерсисянц, С.С. Алексеев, В.В. Лазарев и другие) попытались «внедрить» зарубежный опыт права в новой России (в частности, Конституция США стала основным источником для Конституции РФ 1993 г.). Переформулирование языка права сводилось к замене советских идеологических штампов (коммунизм, социализм, социалистическое правосознание, социалистическая собственность и т. д.) понятиями романо-германской и англо-американской правовых систем (правовое государство, демократическое государство, социальное государство, частная собственность и т. д.).

Российский лингвист и переводчик Д.Ю. Петров (совместно с журналистом В.Н. Борейко) в книге «Магия слова» характеризует языковые трансформации, предпринимаемые любой новой властью в результате смены политического режима, как первостепенные: «Представь себе ситуацию. В стране, не важно какой, в результате революции или мирным путем меняется власть. Новый режим приступает к управлению государством. Попробуй угадать с трех раз, какими будут первые шаги новой власти. – Экономические реформы? – Мимо. Реорганизация политического аппарата? – Это потом. – Тогда что же? – Переименование всего, что только возможно переименовать. Меняются названия должностей чиновников: был председатель горсовета – стал мэр или аким (как в Казахстане). Меняются названия городов и улиц»⁵.

Примеры, приведенные автором, свидетельствуют о том, что любая новоизбранная власть не желает быть связанной не только в своих последующих действиях и воззрениях, но и в языковых ассоциациях и наименованиях с властью предшествующей. Следовательно, переименование формально выступает как символ разрыва правопреемственности власти. Исключение здесь, пожалуй, составляет исторический опыт Великобритании, США и ряда исламских государств. В англо-американской правовой системе важнейшая роль до сегодняшнего дня принадлежит судебному прецеденту, выражающему правопреемственность судебных решений.

На государственном же уровне в качестве аналога судебного прецедента выступает легитимация власти. После победы в битве при Гастингсе (1055 г.) Вильгельм Завоеватель, не желая становиться узурпатором, объявил себя правопреемником англосаксонских королей. С тех пор его примеру следует вся государственная система Соединенного Королевства, неукоснительно придерживаясь принципа правопреемственности как в политике, так и в праве.

В России же только в XX в. сменилось три политических режима, каждый из которых не желал иметь с предыдущим ничего общего. После распада СССР новая российская политическая элита, уставшая от противостояния в холодной войне с США, решила на примирение посредством компромисса со своими недавними противниками. На политическом и юридическом уровнях таким стало переформулирование правовой системы вообще и языка права в частности. Причиной подобного переформулирования выступало желание российских политиков и законодателей поскорей перевести российскую правовую систему из недавнего советского прошлого в сферу цивилизованного права Западной Европы и США. Цель политики компромисса и породила неограниченное заимствование западных понятий и институтов и введение их в российскую правовую и политическую систему.

Вместе с тем представители российской политической элиты считали, что как только Россия позаимствует западный язык права в виде совокупности таких понятий, как «демократия», «правовое государство», «права человека», смысл этих понятий незамедлительно войдет в ее политическую, правовую и социальную действительность. Этого не произошло прежде всего потому, что способ интерпретации юридических институтов находится в непосредственной зависимости от правовой культуры, психологии и истории народа. Следствием нарушения данной зависимости выступает размежевание понятийного аппарата с его содержательно-смысловым комментарием. Как, например, интерпретируется в западных демократиях понятие «правовое государство»? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим опыт Германии, определяемой законодателем как правовое государство (ст. 20 Основного закона ФРГ) на основании «комментария» – «Философии права» Г.В.Ф. Гегеля. Автор «Философии права» выбирает в качестве исторического примера авторитарную Пруссию как воплощение правового государства потому, что последняя обладала наибольшим количеством законов (17 000 параграфов кодекса «Прусское земское право»!) по сравнению с другими странами Западной Европы⁶.

В России же «правовое государство» – понятие, не имеющее политико-правового прецедента в отечественной истории. При этом российские политики, апеллировавшие к опыту строительства правовых и демократических государств в Европе и США, не всегда удачно соотносили опыт развития зарубежного права с аналогичным опытом развития российской политико-правовой системы.

Результат заимствования терминологического аппарата языка права Франции, Германии, Англии и США без смысловых комментариев, присущих правовым системам данных государств, можно условно обозначить как *псевдозападный язык российского права*. Интерпретация же импортированного терминологического аппарата происходила за счет неточных, поверхностных и фрагментарных сведений, известных о западных правовых системах.

Важно отметить, что аналогичный процесс рецепции языка права имел место и во Франции, и в Германии, чьи правовые институты традиционно обозначались латинскими понятиями (*proprietas, ususfructus, culpa in contrahendo, ius abutendi, dominium directum, dominium utile* и т. д.). Однако разница между языковыми явлениями во Франции и Германии, с одной стороны, и в России – с другой, заключается в том, что французские и германские юристы более пяти столетий занимались приспособлением (адаптацией) институтов римского права к национальным правовым порядкам, а история развития английского и исламского права насчитывает не менее десяти столетий. Со времени же распада СССР в (1990–1991 гг.) прошло не более 25 лет – срок, в течение которого возможно провести лишь поверхностное заимствование, но не полноценную рецепцию конкретной зарубежной правовой системы. Кроме того, язык права Франции и Германии в значительной степени отличается от языка права Англии и США. В данной связи успех заимствования языка права и правовых институтов из отличных по своему характеру правовых систем (Англия, США, Франция, Германия) более чем сомнителен. *Взяв юридическую терминологию из этих правовых систем, Россия забыла и про их смысл, и про системные принципы и концепции, которые их скрепляют.* Например, доверительная собственность по своей структуре не может функционировать в российском праве так же, как в английском, поскольку в России отсутствует принцип деления права на прецедентное и статутное. Вызывал проблему для российского законодателя и выбор технического языка закона. Так, во Французском гражданском кодексе (1804 г.) используются простые, односложные предложения, для того чтобы каждый гражданин Франции мог понять содержание излагаемого. Иначе обстоит дело с Германским гражданским уло-

жением (1896 г.), чьи тексты, написанные сложным академическим языком, в состоянии понять только узкая целевая аудитория, какой являются юристы.

Вышеперечисленные трудности, с которыми столкнулась Россия при переформулировании правовой системы и языка права, объективно порождает вопрос о возможности частичного сохранения институтов и принципов уже сложившегося советского права. В результате Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. право России стало испытывать сильнейшее влияние со стороны новой *атеистической* идеологии – марксизма-ленинизма. Данная идеология обосновывала в качестве важнейшего принцип классовой борьбы и разделение всего мира на советский и капиталистический (буржуазный). Следовательно, возникшее советское право выдвигало на первый план *классовый характер* языка права. На основе данного принципа правовые институты советского права можно условно разделить на три группы.

Правовые институты первой группы представляли собой уникальные сочетания идеологических клише и терминологии рецепированной романо-германской правовой семьи. В результате совмещения по сути несовместимых понятий происходило искажение смысла каждого из них. В качестве примера можно привести словосочетания, имеющие место только в советском праве, а именно: *советская собственность, социалистическое сознание, социалистическая законность*.

Институты второй группы были заимствованы непосредственно из идеологии сталинизма и использовались, главным образом, в уголовном праве: *институт врага народа, вредитель, расхититель социалистической собственности, саботажник, кулак* и т. д.

Если институты первой и второй групп были так или иначе терминологически оформлены, институты третьей группы (пример – *культ личности*) существовали лишь в сознании советского законодателя, и под их влиянием создавались советские законы. Суть институтов третьей группы сводится к тому, что влияние вождя на профессиональное сознание советского законодателя было настолько велико, что процедура составления любого закона была невозможна без этого влияния.

Таким образом, официальное сохранение советского права оказалось невозможным в силу того, что системный принцип классовый борьбы – основа советского права – потерял актуальность и стал полностью неприменимым в новых реалиях 90-х годов XX в.

Таков в общих чертах опыт развития языка права Советской России. Характеристика отношений России (постсоветского пе-

риода) и США, а главное, влияние языка права (и политики) на эти отношения требуют от автора краткого экскурса в историю появления и развития некоторых юридических понятий в вышеозначенных странах.

Общеизвестным является факт рецепции английского права на Североамериканском континенте, традиционно использовавшего морально-этические и религиозные понятия для обозначения собственных правовых институтов. Рецепция иностранной правовой системы предполагает в первую очередь заимствование формулировок юридических норм и правовых институтов с оригинальными названиями. Следовательно, такое понятие как «траст» (trust), обозначающее как юридический, так и морально-этический институт, перешло на почву американского права, придавая ему мессианский характер первоисточника.

Наряду с «трастом» (заимствованным из английской правовой системы) в языке права США появился целый ряд исконно американских политико-юридических терминов, выстроенных на оппозиции «добро – зло», «свой – чужие», «демократия (свобода) – диктатура». В качестве примера рассмотрим, как интерпретируется понятие «зло» в американской правовой системе. Использование в политическом лексиконе США таких претендующих на истину в последней инстанции выражений, как «империя зла»⁷ в отношении СССР и «ось зла»⁸ в отношении Ирака, Ирана и Северной Кореи, имело целью обозначить данные государства как тоталитарные и при этом освобождало США от каких-либо объяснений на тему, что есть тоталитарное государство: зло есть зло.

В период холодной войны конфронтация между США и СССР была обусловлена различием их политических режимов. Вместе с тем с распадом СССР и появлением на его осколках Российской Федерации, объявившей курс на демократизацию, отношения с США не претерпели заметных улучшений. Одной из причин этого послужил тот факт, что утрата языком права России классового характера в 1990-е годы породила определенный *коммуникационный сбой* в отношениях между США и Россией. С 1990 г. Россия превратилась для США в непредсказуемое государство, чей военный и ядерный потенциал мог представлять угрозу их интересам в мире. Психология американской элиты, сформированная в годы холодной войны, воспринимала вновь созданные государства на территории бывшего СССР как правопреемников последнего, а проще говоря, как «части» Советского Союза. Вследствие этого отношения партнерства, на которые так рассчитывала Россия, подменялись отношениями власти/подчинения, обусловленными

использованием мессианского языка в формате «мессия–послушник». Возведенное в ранг политической идеологии (З. Бжезинский)⁹, миссионерство США традиционно определяется военным, экономическим и финансовым доминированием США в системе международных отношений.

Отсутствие политического диалога на равных привело в конечном итоге к взаимному коммуникационному противостоянию: мессианский и моралистический характер языка права США столкнулся с континентальным характером языка права России, ориентированным на партнерские отношения. Таким образом, стилистический характер языкового конфликта США и России является одной из причин их геополитического противостояния, продолжающегося со времен холодной войны до наших дней.

Мессианский характер языка права США традиционно доступен для понимания любым гражданином, в том числе малосведущим в области политики или юриспруденции. Однако техническое построение письменного языка права США (к примеру, языка Единообразного торгового кодекса США) обращено исключительно к профессионалам в области юриспруденции.

Наиболее развернутое и системное исследование происхождения и современного состояния письменного правового языка в США представлено в книге Д. Меллинкова «Язык права»¹⁰. Для него характерно присутствие множества слов и оборотов иноязычного (латинского и французского) происхождения, непонятных большинству носителей английского языка, так как для выражения тех же понятий в общеупотребительном языке используются другие слова. Кроме того, употребляется немало архаичных речений, взятых из древне- и среднеанглийского, множество технических терминов и слов из профессионального жаргона, для которых тоже существуют синонимы в языке «непосвященных». Еще одним атрибутом американского юридического языка является его многословие и – вопреки его претензиям на особую точность – смысловая непрозрачность. Проанализировав стандартную инструкцию для жюри присяжных, Меллинков заключает, что даже юридический текст, обращенный, на первый взгляд, к непрофессионалам, вовсе не рассчитан на понимание непосвященными, но адресован другим членам юридического сообщества. В то же время неопределенность смысла юридического документа гарантирует потребность в юристе как интерпретаторе текста, ибо недвусмысленный текст не требовал бы толкователя-специалиста. Подобные же замечания о специфике юридического языка США высказал в свое время американский политолог М. Эдельман: «Именно неопределенность

языка права наделяет юристов, судей и должностных лиц их политическими и социальными функциями, так как ясные правила – по определению – не требовали бы специальных процедур для установления своего значения»¹¹.

Профессионалы в области права (в лице адвокатов) стали «переводчиками» – посредниками между судебной системой США (включая суд присяжных) и клиентом-обывателем. Необходимость подобного «перевода» объясняется не только сложностью технического языка американских законов, но и приоритетами в деле. Как показывает практика, у судей и прокурора приоритеты в деле одни (письменные доказательства, показания свидетелей, грамотно оформленные аргументы сторон), а у суда присяжных, т. е. суда, состоящего из представителей народа, – другие¹². Однако вместе они – судьи, прокуроры и суд присяжных – образуют судебную систему Америки.

Тем не менее некоторые меры по упрощению языка права в США все-таки предпринимаются. Одна из таких мер – создание специальной лаборатории (Simplicity Lab), сотрудники которой разработали программу по выявлению наиболее трудных для понимания разделов в юридических документах. Программа позволяет не только проверить текст на сложность, но и произвести его упрощение с точки зрения структуры и словоупотребления. Однако процедуре тестирования и упрощения подвергаются лишь те документы (в основном это письма рядовым американцам из налоговой службы США), которые предназначены для неспециалистов.

Итак, традиционно широкая интерпретация правовых терминов, эмотивность их значений, намеренная усложненность юридических текстов – все это придает мессианскому языку Америки манипулятивный характер, что не может не сказаться на ее политике в отношении России.

Примечания

- ¹ Такое понятие религии и морали, как «зло» нередко используется президентами США в публичных выступлениях: «империя зла» в отношении СССР и «ось зла» в отношении Ирака, Ирана и Северной Кореи.
- ² Данное правило предусматривало в случае обнаружения какой-либо неясности текста или отдельных слов в законодательном акте право суда на обращение к праву, действовавшему до принятия закона. Таким образом, правило позволяло предупредить возможность неправильного применения законодательного

- акта в целом (*Романов А.К.* Правовая система Англии: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Дело, 2002. С. 150–153).
- ³ *Рене Д.* Основные правовые системы современности / Пер. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. С. 237–239.
 - ⁴ *Малуха М.* Бог в большой политике. Геополитическая реабилитация религии и будущее христианства в XXI веке [Электронный ресурс] // Religo.ru. URL: <http://religo.ru/journal/13907> (дата обращения: 15.06.2013).
 - ⁵ *Петров Д.Ю., Борейко В.Н.* Магия слова: Диалог о языке и языках / Предисл. И. Свиначенко, В. Григорьева. М.: ПРОЗАиК, 2012. С. 55–56.
 - ⁶ В берлинский период деятельности (с октября 1818 г.) политические воззрения Гегеля становятся более консервативными, о чем свидетельствует одна из последних работ Гегеля – «Философия права» (1821). Именно в этой работе Гегель идеализирует монархический строй полуфеодальной Пруссии, объявляет прусскую монархию воплощением абсолютной идеи, провозглашая тем самым прусскую действительность как бы высшим проявлением разумности. В предисловии к «Философии права» он выставляет свою знаменитую формулу «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно». Основанием государства у Гегеля служит власть разума, осуществляющего себя как волю. Таким образом, государство, по Гегелю, «есть действительность нравственной идеи, нравственный дух», в государстве сознательно соединяются частные и всеобщие интересы, а само оно выступает осуществлением всеобщей воли (Георг Вильгельм Фридрих Гегель [Электронный ресурс] // Алтайская государственная педагогическая академия. URL: <http://obs.uni-altai.ru/unibook/semihatova/1/gegel.htm> (дата обращения: 15.06.2013)).
 - ⁷ «Империя зла» (англ. evil empire) – литературное выражение, ставшее политическим клише благодаря президенту США Р. Рейгану и американским консервативным политическим кругам. В своем выступлении перед Национальной ассоциацией евангелистов США во Флориде 8 марта 1983 г. Рейган окрестил Советский Союз «империей зла» (а также «центром зла в современном мире») и объявил своей главной задачей борьбу с ним.
 - ⁸ Термин «ось зла» (англ. axis of evil) был использован президентом США Дж. Бушем в ежегодном обращении к Конгрессу 29 января 2002 г. для описания режимов, спонсирующих, по мнению США, терроризм или разрабатывающих оружие массового поражения и способных передать его террористам. В своей речи в качестве таких государств Буш упомянул Ирак, Иран и КНДР.
 - ⁹ Збйгнев Казймеж Бжезйнский – американский политолог, социолог и государственный деятель польского происхождения. Долгое время являлся одним из ведущих идеологов внешней политики США. Советник и член правления Центра стратегических и международных исследований при университете Дж. Хопкинса. Автор книги «Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы».

- ¹⁰ Цит. по: *Лезов С.В.* Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН АН СССР, 1986. С. 26.
- ¹¹ Там же.
- ¹² В качестве примера можно рассмотреть судебный процесс компании HealthSouth, описанный Ю. Сиговым в книге «Необычная Америка. За что ее любят и ненавидят». Основатель и главный держатель акций компании HealthSouth господин Р. Скраши, работающий в сфере здравоохранения, полгода находился под судом по обвинению в 36 случаях отмывания денег и уклонения от налогов. При проверке документооборота компании аудиторы недосчитались 2,7 млрд дол. и, соответственно, передали дело в суд. Суду господин Скраши заявил, что «в Америке все компании “играют” цифрами и нет ни одной структуры, которая котируется на Уолл-стрит и у которой все в порядке с финансовой документацией». Казалось бы, вот уголовно наказуемое заявление и можно смело отправлять 52-летнего миллиардера на долгие годы в тюрьму. Суд проходил в штате Алабама, где господин Скраши на всякий случай, словно предвидя неизбежное судебное разбирательство, ранее занимался благотворительностью в пользу церквей и приютов, главными клиентами которых были афроамериканцы. А они-то и составляли основу корпуса присяжных на суде, что в конечном итоге и помогло «отмазаться» «налогоукрывающемуся». Адвокаты подсудимого козыряли миллионными цифрами, которые компания HealthSouth и лично господин Скраши выделяли на помощь чернокожим беднякам и обездоленным. И присяжные, из которых самый образованный закончил среднюю школу, *не стали вдаваться во все подробности «отмывания» и приписок и оправдали бизнесмена-махинатора по всем пунктам* (Сигов Ю. *Необычная Америка. За что ее любят и ненавидят.* М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 100).

III.3. АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

А.А. Киреева

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ АКВАТОРИИ И ОСВОЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И ЯПОНИЕЙ

Статья посвящена проблеме делимитации морской границы в Восточно-Китайском море между Китаем и Японией в связи с территориальным спором вокруг островов Сэнкаку/Дяюйдао. Также рассматривается проблема совместного освоения энергетических ресурсов, расположенных в спорном районе, в особенности китайско-японское соглашение по совместному освоению Восточно-Китайского моря 2008 г. и развитие данного вопроса в результате эскалации конфликта вокруг спорных островов в 2012 г. Автор приходит к выводу, что совместное освоение энергетических ресурсов может стать путем снижения напряженности вокруг китайско-японского конфликта в Восточно-Китайском море.

Ключевые слова: Китай, Япония, Восточно-Китайское море, делимитация границы, энергетические ресурсы, острова Сэнкаку/Дяюйдао.

Восточно-Китайское море расположено между КНР и Японией (самыми южными островами Рюкю и Кюсю), на севере граничит с Желтым морем и Южной Кореей, а на юге с Южно-Китайским морем и Тайванем. Проблема делимитации Восточно-Китайского моря является одним из самых острых спорных моментов в отношениях между Китаем и Японией, так как усилившееся противостояние по поводу освоения энергетических ресурсов в этом районе серьезно препятствует улучшению отношений между странами¹. Эта проблема связана с конфликтом вокруг островов Сэнкаку (яп.) / Дяюйдао (кит.), которые фактически контролируются Японией, но суверенитет над кото-

рыми оспаривается Китайской Народной Республикой (КНР) и Китайской Республикой на Тайване. Хотя сами по себе острова Сэнкаку/Дяоюйдао не имеют никакой экономической ценности, суверенитет над ними имеет стратегическую и политическую важность, а также означает доступ к окружающему острова району, который предположительно содержит большие запасы газа и нефти, а также богат рыбными ресурсами².

В 1968 г. было обнаружено исследование Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), которое установило, что на материковом шельфе Восточно-Китайского моря около островов Сэнкаку/Дяоюйдао может находиться богатое месторождение нефти с потенциальными запасами от 10 до 100 млрд баррелей³. По данным Управления по энергетической информации США, запасы газа в Восточно-Китайском море составляют примерно 250 трлн куб. м⁴. Принимая во внимание, что Япония импортирует большую часть энергетических ресурсов и, как следствие, находится в большой зависимости от импорта, а также учитывая растущие потребности и Китая в энергетических ресурсах⁵, следует признать, что возможность освоения потенциальных запасов, расположенных близ островов Сэнкаку/Дяоюйдао, является одним из ключевых факторов, влияющих на эскалацию конфликта⁶.

Конфликт вокруг делимитации морской границы между Китаем и Японией в Восточно-Китайском море обострился в 1990-х годах, что связано с закреплением правовых позиций сторон в результате ратификации Конвенции ООН по морскому праву, принятой в 1982 г. и вступившей в силу в 1994 г.⁷ Конвенция устанавливает длину территориального моря в 12 морских миль (22,2 км) от исходной линии (линия наибольшего отлива вдоль берега) и суверенные права государства в отношении разведки и разработки природных ресурсов исключительной экономической зоны (части моря в 200 морских миль (370,4 км) от исходной линии) или аналогичные «суверенные права» на континентальном шельфе (естественное продолжение сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или до 200 морских миль, если границы подводной окраины материка не достигают этого предела), что включает в себя минеральные ресурсы дна и его недра⁸.

Используя различные трактовки, государству с большой прибрежной территорией выгоднее настаивать на делимитации морской границы, базируясь на принципе выделения континентального шельфа (позиция КНР), а государству-архипелагу – на определении максимально возможной исключительной экономической зоны (по-

зиция Японии). По Конвенции Китай и Япония обладают правом на 200-мильную зону от побережья (в случае Китая) или окончности островов (в случае Японии), но в Восточно-Китайском море расстояние между территориями двух стран не достигает 400 миль и составляет всего 360 миль⁹. Суверенитет над островами Сэнкаку/Дяоюйдао является фактором, существенно влияющим на расположение морской границы между Китаем и Японией¹⁰.

В 1992 г. в КНР была принята Декларация о территориальном море и прилегающей зоне, в которой указано, что территориальным морем КНР являются воды, примыкающие к территории КНР, состоящей из материковой части, Тайваня и всех прилегающих островов, в том числе Дяоюйдао, Пэнху (Пескадорские острова) и других¹¹. Приняв Конвенцию ООН по морскому праву, Япония в 1996 г. и Китай в 1998 г. образовали свои исключительные экономические зоны, в каждую из которых входят острова Сэнкаку/Дяоюйдао¹². При проблемах, связанных с определением морской границы в случае «перекрывания» исключительных экономических зон, Конвенция предполагает проведение переговоров и установление границы на основе принципа справедливости. В случае Китая и Японии попытки достичь компромисса по морской границе успеха не имели, и у каждой стороны существует свое понимание морской границы и, соответственно, размера исключительной экономической зоны.

Так, Япония, взяв за основу принцип равноудаленности, провела границу по медианной линии, которая делит Восточно-Китайское море ровно посередине между побережьем КНР и окончанием Японского архипелага. Китай же не признает эту срединную линию, и морская граница в понимании КНР проходит по границе континентального шельфа (что превышает 200 морских миль от исходной линии)¹³, значительно восточнее японской (в 340 морских милях от побережья КНР вплоть до Окинавской впадины (кит. Сиху), которая, по мнению китайской стороны, является природной морской границей, отделяющей Китай от Японии). Острова Сэнкаку/Дяоюйдао геологически расположены на азиатском континентальном шельфе и отделены от японских островов Рюкю Окинавской впадиной, что и дает китайской стороне основание выдвигать принцип пролонгации континентального шельфа при определении морской границы и китайской исключительной экономической зоны. Необходимо отметить, что также существует наложение морских границ Республики Корея, Китая и Японии и, естественно, Китайской Республики на Тайване, позиция которой идентична позиции КНР. Проблема КР на Тайване состоит в том, что, хотя КНР и не контролирует территориальные воды Тайваня,

все государства региона поддерживают официальные дипломатические отношения не с ним, а с материковым Китаем, что не позволяет им вступать в официальные переговоры с Тайванем по поводу делимитации морской границы¹⁴.

В 1997 г. между Китаем и Японией было подписано соглашение о рыболовстве, обходившее стороной вопрос о делимитации морской границы и о суверенитете над спорными островами¹⁵. А в середине 2000-х годов произошла эскалация китайско-японского территориального конфликта, связанная с интенсификацией соперничества за энергетические ресурсы¹⁶.

Необходимо отметить, что начиная с предложения лидера КНР Дэн Сяопина в 1994 г. о решении проблемы островов Спрагли и Сэнкаку/Дяоюйдао путем совместной разработки месторождений без обсуждения вопросов суверенитета, правительство КНР и китайские компании неоднократно проводили переговоры с японскими коллегами по вопросу совместного освоения энергетических ресурсов островов Сэнкаку/Дяоюйдао, но каждый раз получали отказ, так как японская сторона настаивала на необходимости сначала провести делимитацию морской границы или признать ее суверенитет над островами¹⁷. При этом КНР намного раньше Японии начала заниматься вопросами разработки и освоения месторождений на шельфе Восточно-Китайского моря. Представляется, что Япония долгое время воздерживалась от разработки месторождений в районе спорных островов для того, чтобышний раз не нагнетать обстановку вокруг данного вопроса, тогда как КНР с самого начала вела себя более уверенно в своей разработке энергетических ресурсов. Китайские компании начали проводить разведку уже в 1974 г., в 1983 г. было открыто месторождение Пинху, которое находилось в пределах 200-мильной исключительной экономической зоны Японии и в 70 милях от медианной линии, установленной Японией в качестве морской границы с Китаем, на китайской стороне. В 1996–1998 гг. при финансовом участии Японского банка для международного развития и японской стороны через Азиатский банк развития были построены платформы для добычи нефти и газа, а также трубопровод до терминала в Шанхае, а в 1998 г. месторождение Пинху было введено в эксплуатацию. Японское правительство, однако, настаивает, что месторождение находится в спорной зоне, так как делимитация границы между КНР и Японией до сих пор не проведена¹⁸.

В 1999 г. было обнаружено крупное месторождение Сиракаба (яп.) / Чуньсяо (кит.), а в 2002 г. на конференции, организованной Государственной плановой комиссией КНР, Китайская нацио-

нальная оффшорная нефтяная компания (CNOOC) и Китайская нефтяная и химическая корпорация (Sinopet) основали Совместный комитет по освоению природного газа в Восточно-Китайском море¹⁹. В 2003 г. они заключили контракт с иностранными компаниями Шелл (Royal Dutch Shell) и Юнокал (Unocal Corporation) о его совместной разработке, но иностранные корпорации в сентябре 2004 г. отказались от участия в проекте (официально «по коммерческим причинам», но в действительности, как считается, из-за рисков, связанных с юридически неурегулированным статусом данной зоны), и китайские компании инициировали деятельность по освоению месторождения самостоятельно. В мае 2004 г. в японских СМИ появилась информация о деятельности китайских судов по разведке газовых месторождений в Восточно-Китайском море вблизи от японской исключительной экономической зоны. Так как крупное месторождение Сиракаба (яп.) / Чуньсяо (кит.) и расположенные вблизи него три более мелких (Каси (яп.) / Тяньвайтянь (кит.), Кусуноки (яп.) / Дуаньцяо (кит.) и Кикё (яп.) / Цаньсюэ (кит.)) находятся всего в пяти морских милях к западу от медианной линии, которую Япония считает границей, разделяющей исключительные экономические зоны двух государств, японская сторона выразила обеспокоенность тем, что КНР может начать добычу газа из залежей, простирающихся под японской территорией, так как район добычи соединяется с участками японской исключительной экономической зоны. Несмотря на просьбу японских властей прекратить разведку, китайские компании начали строительство морских платформ для добычи газа на месторождении Сиракаба (яп.) / Чуньсяо (кит.)²⁰.

В ответ на эти действия японское правительство инициировало сбор своей собственной информации о потенциальных месторождениях нефти и природного газа на «своей стороне» медианной линии, чем с июля по октябрь 2004 г. занималась частная компания по поручению Министерства экономики, торговли и промышленности Японии²¹. Официальные представители КНР выразили протест, а перед японским посольством в Пекине прошла волна демонстраций против «нелегальной» разведки месторождений. В октябре произошел инцидент, когда один разведывательный и два боевых корабля ВМС КНР вынудили японское судно, проводившее геологические изыскания, покинуть спорный район. В октябре 2004 г. начались китайско-японские переговоры по совместному освоению Восточно-Китайского моря, продолжавшиеся до подписания соглашения в 2008 г. В апреле 2005 г., после выхода доклада, который подтвердил, что месторождения Сиракаба / Чуньсяо и Кусуноки /

Дуаньцяо расположены не только на китайской, но и частично на японской стороне медианной линии, японское правительство приняло решение выдать лицензию на геологоразведочные работы в Восточно-Китайском море, которую получила компания «Тэйкоку ойл». КНР мгновенно оценила действия японских властей как провокацию, цель которой – нарушить «суверенные права и интересы КНР и осложнить ситуацию в регионе»²². Эти события способствовали дальнейшей эскалации китайско-японского конфликта, а в 2005 г. в Китае прошли массовые антияпонские демонстрации, зачастую приобретавшие ярко выраженный агрессивный характер. Так, были совершены нападения на посольство Японии в Пекине и консульство в Шанхае²³.

Попытки продвинуться в решении проблемы совместного освоения энергетических ресурсов Восточно-Китайского моря были предприняты во второй половине 2000-х годов. Во время визита премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Китай в результате переговоров с главой правительства КНР Вэнь Цзябао была достигнута договоренность превратить Восточно-Китайское море в «море мира, сотрудничества и дружбы»²⁴. В мае 2008 г. премьер-министр Японии Ясуо Фукуда и председатель КНР Ху Цзиньтао пришли к соглашению по поводу совместной разработки газового месторождения Сиракаба / Чуньсяо²⁵. 18 июня 2008 г. по завершении 12-го раунда переговоров по совместному освоению Восточно-Китайского моря был подписано соглашение под названием «Китайско-японский принципиальный консенсус по вопросу Восточно-Китайского моря», в соответствии с которым китайская сторона приветствует участие японских компаний в разработке месторождения Сиракаба / Чуньсяо, а месторождение Асунаро (яп.) / Лунцзин (кит.) будет иметь статус «зоны совместного развития»²⁶. Стороны также договорились в будущем продолжать консультации по поводу сотрудничества в районе еще двух месторождений – Каси / Тяньвайтянь и Кусуноки / Дуаньцяо. Это дало многим экспертам основания полагать, что Китай фактически признал статус-кво, так как предоставил Японии право принять участие в разработке газовых месторождений и тем самым ушел от позиции утверждения исключительного суверенитета над островами²⁷. После консультаций по линии МИД Китая и Японии была достигнута договоренность, что в переходный период до завершения демаркации в Восточно-Китайском море необходимо наметить конкретную зону для реализации первого этапа совместного развития²⁸.

В продолжение достигнутого прогресса премьер-министр Японии Юкио Хатояма на встрече с председателем КНР Ху Цзиньтао

22 сентября 2009 г. заявил, что он хочет «превратить море проблем в море братства», и была достигнута договоренность начать переговоры по этому вопросу на рабочем уровне в ближайшем будущем²⁹. Тем не менее, несмотря на позитивную риторику, китайско-японское соглашение 2008 г. до сих пор не привело к реальным результатам по совместному освоению энергетических ресурсов Восточно-Китайского моря и договоренности о разработки «зоны совместного развития» так и не были реализованы. Вскоре после подписания стали очевидны различия в подходах китайской и японской сторон. Тогда как японская сторона настаивала на заключении отдельного «международного договора», более четко обозначающего права и обязанности сторон и имеющего юридически обязывающую силу, с точки зрения китайской стороны, этот документ сам по себе следует рассматривать как соглашение, а конкретные шаги следует обсуждать на рабочем уровне. Что касается различий в интерпретации соглашения, то китайская сторона после подписания соглашения сделала оговорку, что оно ни в коей мере не означает признание японской медианной линии, но лишь отражает желание китайской стороны идти на сотрудничество, а разработка «зоны совместного развития» (месторождение Асунаро / Лунцзин) отличается от предложения японской стороне участвовать в совместном освоении месторождения Сиракаба / Чуньсяо, так как последнее по соглашению должно проходить при соблюдении китайского законодательства, что означает юрисдикцию и суверенитет КНР над данным месторождением и привлечение японской стороны на условиях, аналогичных любым иностранным инвесторам. Японская же сторона считает, что японское участие в разработке месторождения Сиракаба / Чуньсяо по сути является совместным развитием данного месторождения, и не подлежит сомнению, что через него проходит медианная линия³⁰. Это объясняется различиями в подходах китайской и японской сторон к тому, какие месторождения должны быть «зонами совместного развития». Японская сторона считает, что это должны быть месторождения, находящиеся около медианной линии, которую она считает морской границей между странами, и китайские компании должны прекратить одностороннюю разработку. Так, в 2009 г. Япония выражала неоднократные протесты против односторонних разработок китайскими компаниями месторождений Сиракаба / Чуньсяо, затрагиваемого в соглашении 2008 г., и Каси / Тяньвай-тянь, не упоминавшегося в нем. Китайская сторона же полагает, что это должна быть территория к востоку от медианной линии, которую проводит Япония, до границы континентального шельфа,

которую Китай считает своей морской границей с Японией, включая зону островов Сэнкаку/Дяоюйдао³¹.

В настоящее время китайские компании добывают нефть и газ на трех месторождениях: Пинху, Сиракаба / Чуньсяо и Каси / Тяньвайтянь, и идет строительство морских платформ еще на нескольких месторождениях, включая Асунаро (яп.) / Лунцзин (кит.), Кикё (яп.) / Цаньсюэ (кит.) и Кусуноки (яп.) / Дуаньцяо (кит.). Если японская компания «Тэйкоку ойл», получившая лицензию от Министерства экономики, торговли и промышленности Японии, начнет разработку нефти и газа на японской стороне medianной линии, которую КНР не признает, то компании, скорее всего, понадобится участие береговой охраны или сил самообороны Японии для обеспечения безопасности на случай приближения ВМС Китая к месту разработки, что потенциально может привести к военным столкновениям³².

Японские эксперты также отмечают, что китайские нефтяные компании имеют собственные интересы по разработке месторождений энергетических ресурсов Восточно-Китайского моря, которые не всегда совпадают с интересами правительства КНР, и, будучи особой группой влияния, могут оказывать давление на политику китайского правительства. Например, СНООС, вложившая большое количество инвестиций в разработку месторождения Сиракаба / Чуньсяо, не приветствовала решение правительства КНР по осуществлению разработки этого месторождения совместно с Японией и в 2011 г. продолжила добычу газа в данном районе в одностороннем порядке. Существуют основания полагать, что действия СНООС по расширению добычи энергетических ресурсов не только в Восточно-Китайском, но и в Южно-Китайском море и в Бохайском заливе, являются одной из причин, приведших к формированию курса КНР, направленного на закрепление гегемонии Китая в прилегающих морях³³.

В 2012 г. в результате обострения конфликта вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао КНР предприняла ряд мер, направленных на международно-правовое признание ее позиции по поводу делимитации акватории Восточно-Китайского моря и закрепления суверенитета над спорными островами. 13 сентября 2012 г. постоянный представитель КНР в ООН Ли Баодун вручил Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну морскую навигационную карту, где отмечены исходные линии, от которых отсчитывается территориальное море островов Сэнкаку/Дяоюйдао³⁴. 14 декабря 2012 г. китайская делегация в ООН подала документы в Комиссию ООН по границам континентального шельфа с предложением по делимитации

тации внешней границы континентального шельфа за пределами 200-мильной морской зоны в Восточно-Китайском море, которое повторяет китайскую позицию о пролонгации континентального шельфа до внешней границы, чем является Окинавская впадина. На демаркационной карте, которую Китай представил в ООН, показано, что острова Сэнкаку/Дяюйдао находятся на континентальном шельфе Китая³⁵. В ответ на эти действия правительство Японии передало в секретариат ООН ноту протеста, потребовав не рассматривать китайское приложение, заявив, что Китай не может в одностороннем порядке устанавливать пределы континентального шельфа, а для делимитации морской границы между странами необходимо согласие обеих сторон³⁶.

На сегодняшний день проблема разграничения акватории Восточно-Китайского моря так и остается нерешенной. Эскалация конфликта вокруг спорных островов делает решение этого вопроса практически невозможным в ближайшей перспективе. Тем не менее оптимальным вариантом снижения напряженности вокруг островов Сенкаку/Дяюйдао и проблемы делимитации морской границы может быть совместное освоение энергетических ресурсов в Восточно-Китайском море и участие японского капитала в освоении месторождений, которые находятся в исключительной экономической зоне КНР, признаваемой Японией, и совместном освоении месторождений, которые находятся в спорном районе. Так как для японской стороны освоение энергетических ресурсов на ее стороне медианной линии является спорным с точки зрения экономической целесообразности и технологически сложным делом, то совместные усилия по деполитизации спора вокруг островов Сэнкаку/Дяюйдао и разработке месторождений могут принести прямую экономическую выгоду и КНР, и Японии. Реализация подобного сценария (с возможностью приглашения других заинтересованных стран, в частности США и Тайваня, в качестве ответственных стейкхолдеров) поможет превратить конфликт из «игры с нулевой суммой» в «ситуацию, когда обе стороны находятся в выигрыше» (win-win situation) и снизить вероятность военного конфликта³⁷.

Примечания

¹ *Rongxing G.* Territorial Disputes and Seabed Petroleum Exploration: Some Options for the East China Sea [Электронный ресурс] // The Brookings Institution. URL: http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2010/9/east%20china%20sea%20guo/09_east_china_sea_guo.pdf (дата обращения: 14.03.2013). P. 5.

- ² *Pan Z.* Sino-Japanese Dispute over the Diaoyu/Senkaku Islands: The Pending Controversy from the Chinese Perspective // *Journal of Chinese Political Science*. 2007. Vol. 12. № 1. P. 71–72.
- ³ *Koo M.G.* The Senkaku/Diaoyu dispute and Sino-Japanese political-economic relations: cold politics and hot economics? // *The Pacific Review*. 2009. May. Vol. 22. № 2. P. 213.
- ⁴ East China Sea [Электронный ресурс] // US Energy Information Administration. URL: <http://www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?fips=ECS> (дата обращения: 13.03.2013).
- ⁵ В 1993 г. Китай стал нетто-импортером нефти, а в 2013 г. вышел на первое место по импорту нефти в мире. См.: China overtakes US as world's top oil importer [Электронный ресурс] // CNN. URL: <http://edition.cnn.com/2013/03/04/business/china-u-s-oil-importer> (дата обращения: 05.03.2013).
- ⁶ *Uryu S.* Sovereign Rights and Territorial Space in Sino-Japanese Relations: Irredentism and the Diaoyu/Senkaku Islands. Hawaii: University of Hawaii Press, 2000. P. 12–13.
- ⁷ *Koo M.G.* Op. cit. P. 222–223.
- ⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. 1982 г. [Электронный ресурс] // ООН. URL: http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 02.02.2013).
- ⁹ *Pan Z.* Op. cit. P. 83–84.
- ¹⁰ *Su S.W.* The Territorial Dispute over Tiaoou/Senkaku Islands: An Update // *Ocean Development & International Law*. 2005. Vol. 36. P. 46; *Liao J.X.* Sino-Japanese Energy Security and Regional Stability: The Case of the East China Sea Gas Exploration // *East Asia*. 2008. Vol. 25. P. 61.
- ¹¹ Law on the Territorial Sea and the Contiguous Zone of 25 February 1992 [Электронный ресурс] // United Nations. URL: http://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/CHN_1992_Law.pdf (дата обращения: 14.03.2013).
- ¹² *Pan Z.* Op. cit. P. 75.
- ¹³ В подобном случае государство должно проинформировать Комиссию ООН по границам континентального шельфа, созданную на основе Конвенции ООН по морскому праву о границе континентального шельфа за пределами 200 морских миль. Комиссия должна дать рекомендации государству о делимитации морской границы.
- ¹⁴ *Pan Z.* Op. cit. P. 84; *Gau M.S.* Problems and Practices in Maritime Delimitation in East Asia: With Special Reference to Taiwan // *Maritime Delimitation & Taiwan*. 2011. Vol. 4. P. 388–391, 396–398; *Liao J.X.* Op. cit. P. 62.
- ¹⁵ *Koo M.G.* Op. cit. P. 224.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 225.
- ¹⁷ Интересно, что в 1974 г. Япония и Республика Корея подписали соглашение о создании «зоны совместного развития» в северной части Восточно-Китайского

моря, что вызвало протест со стороны КНР. Однако это соглашения так и не было реализовано, так как в этой части моря не было найдено экономически выгодных для освоения энергетических ресурсов. Подробнее см.: *Rongxing G.* Op. cit. P. 28–29.

18 *Drifte R.* Japanese-Chinese territorial disputes in the East China Sea – between military confrontation and economic cooperation // Asia Research Centre Working Paper 24. L., 2008. P. 14–17.

19 *Rongxing G.* Op. cit. P. 29–30.

20 Ibid. P. 30; *Liao J.X.* Op. cit. P. 59–60.

21 Необходимо отметить, что японская сторона в 2003 г. запросила геологическую информацию по поводу месторождения Сиракаба / Чуньсяо у КНР, но китайская сторона отказалась предоставлять какие-либо сведения.

22 *Drifte R.* Op. cit. P. 18–19; *Rongxing G.* Op. cit. P. 30.

23 *Koo M.G.* Op. cit. P. 225–226.

24 *Ryosei K.* Indirect support from Japan is key to China's reform [Электронный ресурс] // The Global Forum of Japan. URL: <http://www.gfj.jp/eng/commentary/070726.pdf> (дата обращения: 25.01.2013).

25 Сиракаба гасудэн кёдо кайхацу тайсё кайики цумээ... ниттю сюно кайдандэ какунин (На китайско-японской встрече на высшем уровне было подтверждено намерение начать консультации по поводу совместной разработки месторождения Сиракаба) [Электронный ресурс] // Yomiuri Online. URL: <http://www.yomiuri.co.jp/politics/news/20080508-OYT1T00162.htm?from=main3> (дата обращения: 05.05.2010).

26 2008 China-Japan Principled Consensus on the East China Sea Issue [Электронный ресурс] // National University of Singapore. Centre for International Law. URL: <http://cil.nus.edu.sg/rp/il/pdf/2008%20China-Japan%20Principled%20Consensus%20on%20the%20East%20China%20Sea%20Issue-pdf.pdf> (дата обращения: 20.01.2013).

27 *Hughes C.W.* Japan's response to China's rise: regional engagement, global containment, dangers of collision // International Affairs. 2009. Vol. 85. № 4. P. 844.

28 МИД КНР о достигнутых между Китаем и Японией договоренностях относительно проблемы Восточно-Китайского моря [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-06/18/content_654239.htm (дата обращения: 10.05.2010).

29 Хагояма сюсё синакайо юайнокайни ниттю сюно кайдандэ тэйгэн (Заявление премьер-министра Японии на китайско-японской встрече на высшем уровне «Превратить Восточно-Китайское море в море братства») [Электронный ресурс] // The Asahi Shimbun Company. URL: <http://www.asahi.com/seikenkotai2009/TKY200909220112.html> (дата обращения: 02.02.2013).

30 *Zhang X.* Why the 2008 Sino-Japanese Consensus on the East China Sea Has Stalled: Good Faith and Reciprocity Considerations in Interim Measures Pending a Maritime Boundary Delimitation // Ocean Development & International Law. 2011. Vol. 42. P. 53, 57.

- ³¹ Ibid. P. 54; *Rongxing G.* Op. cit. P. 6–7.
- ³² *Rongxing G.* Op. cit. P. 7.
- ³³ Эндо А. Синакайниокэру югасу кайхацутто соно хайкэй – «риэки сюдан» товварэру туюоку кайё сэкию сокоси (CNOOC) но якувари (Разработка нефти и газа в Восточно-Китайском море – роль Китайской национальной оффшорной нефтяной компании (CNOOC) как группы влияния) // Кайканко сэньяку кэнкю (Japan Maritime Self-Defense Force Staff College Review). 2012. Май. Т. 1. № 2. С. 107–108.
- ³⁴ Japan opposes China's Diaoyu map bid at UN [Электронный ресурс] // Xinhua. URL: http://news.xinhuanet.com/english/world/2012-09/25/c_131871430.htm (дата обращения: 02.02.2013).
- ³⁵ China reports to UN outer limits of continental shelf in East China Sea [Электронный ресурс] // People's Daily Online. URL: <http://english.people.com.cn/90883/8059712.html> (дата обращения: 14.03.2013).
- ³⁶ Сэйфу, туюокуно тайрикудана энтё синсэйни ханрон. Кокурэн дзимукёкуни кодзёсё (Правительство Японии выступило с критикой китайского предложения о пролонгации континентального шельфа и передало ноту протеста в секретариат ООН) [Электронный ресурс] // Nikkei Inc. URL: http://www.nikkei.com/article/DGXNASFS2802M_Y2A221C1PP8000/ (дата обращения: 14.03.2013).
- ³⁷ *Rongxing G.* Op. cit. P. 25–26.

IV. Международные отношения и зарубежное регионоведение как научно-образовательный проект

Д.А. Журавлев

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ: МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Статья посвящена различным аспектам преподавания проблематики международного терроризма. Предлагаются методические разработки по проведению занятий в активных и интерактивных формах, способствующих развитию всего комплекса компетенций. Особое внимание уделено проблеме информационно-коммуникативного измерения международного терроризма.

Ключевые слова: международный терроризм, активные и интерактивные формы, ролевая игра, круглый стол, методические рекомендации, компетенции.

Рассмотрение проблематики международного терроризма представляется необходимым при обучении по различным направлениям подготовки бакалавриата и магистратуры: «Политология», «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «История», «Востоковедение и африканистика». Информационно-коммуникативная доминанта современного международного терроризма актуализирует необходимость его изучения при подготовке по направлениям «Реклама и связи с общественностью», «Журналистика», «Культурология».

Проблематика предложенного курса способствует реализации основных положений «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» 2009 г.¹

Как глобальная, транснациональная, меж- и трансдисциплинарная проблема международный терроризм представляет собой уникальное явление, изучение которого предполагает необходимость применения целого комплекса подходов.

В данных методических разработках, выполненных в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов 3-го поколения, предлагается сочетание как содержательной части (в виде знаний о международном терроризме и навыков его анализа), так и активной / интерактивной формы проведения занятий². Данная комбинация позволяет развивать и профессиональные (профессионально-дисциплинарные), и общекультурные компетенции.

Высказываемые в данной методической статье идеи применительно к международному терроризму были апробированы на спецкурсах по специальности и направлению подготовки «Международные отношения» на отделении международных отношений и зарубежного регионоведения РГГУ. Также они заложены в УМК по дисциплинам направления подготовки «Зарубежное регионоведение». Конкретные формы проведения занятий были также апробированы в магистратуре по направлению подготовки «Международные отношения» («Анализ и экспертное комментирование международных процессов»).

Общая аудиторная трудоемкость на усвоение предлагаемой программы составляет от 16 до 44 часов, т. е. от 1 до 3 зачетных единиц. Проблематика международного терроризма может быть рассмотрена самостоятельно в виде модуля более общего курса, а также в рамках научно-исследовательского семинара магистратуры.

Основной акцент в данной публикации сделан на использование инновационных образовательных технологий.

Структура дисциплины (тематический план)
(указывается общее аудиторное количество часов,
которое может распределяться на лекционные
и семинарские занятия в зависимости от требований ФГОС
и конкретной ситуации, количество часов на освоение
каждой темы может варьироваться)

Темы	Ауд. ч.	Формы контроля
Введение в историю терроризма и теорию Terrorism studies	4	Семинар-дискуссия
Леворадикальный терроризм середины XIX – начала XX вв.	2	Семинар
Современный международный терроризм до Аль-Кайеды: региональные измерения	4	Семинар
Современный международный терроризм: глобальные измерения. Возрождение религиозного терроризма:	4	Семинар
– возрождение религиозного терроризма: от Братьев-мусульман к Аль-Кайеде	2	
– региональные пространства глобального терроризма	2	
Измерения террористической деятельности	2	Аналитическая работа
Информационно-коммуникативное измерение международного терроризма	4	Круглый стол
Терроризм как инструмент внешней политики	4	Круглый стол
Проблема сочетания террористических и политических методов борьбы	4	Круглый стол
Противодействие терроризму. Дилеммы демократий в противодействии терроризму	4	Ролевая игра
Терроризм в искусстве: кино и литература. Терроризм и компьютерные игры	4	Круглый стол
Промежуточная аттестация (суммируются баллы за ролевую игру и аналитическую работу)		Ролевая игра, аналитическая работа
Итого	36	

Ориентировочное распределение баллов: семинары и семинар-дискуссия – 20 баллов (по 5 баллов); круглые столы – 40 баллов (по 10 баллов каждый); ролевая игра – 30 баллов; аналитическая работа – 10 баллов.

Содержание дисциплины

Раздел 1. Введение в историю терроризма и теорию Terrorism studies

История возникновения понятия. Террор и терроризм: общее и особенное. Типология терроризма. Отличие терроризма от партизанских действий и обычной преступности. Проблемы правового определения на международном уровне. “One man’s terrorist is another man’s freedom fighter” – проблема разведения понятий.

Терроризм – state-sponsored terrorism – террор.

Case-study. Подходы к периодизации международного терроризма: теория «четырех волн» международного терроризма Д. Рапопорта.

Case-study. Терроризм как коммуникация.

Раздел 2. Леворадикальный терроризм середины XIX – начала XX в.

Тираноборчество в России. Народовольцы и убийство Александра II. Нигилизм.

Предреволюционный период в России. Первая русская революция и терроризм. Деятельность боевой организации партии социалистов-революционеров (БО ПСР).

Анархистская традиция терроризма. Убийства членов королевских семей в Европе. Теракт Хеймаркете в США. Убийство президента У. Маккинли в США.

Case-study. Параллельные традиции в терроризме: анархистская и революционная традиции в российском терроризме.

Case-study. Проблема сочетания террористических и политических способов деятельности: БО ПСР и Дума.

Case-study. Внутренний терроризм и внешние международные конфликты: проблема взаимодействия: терроризм в Российской империи и Первая мировая война.

Раздел 3. Современный международный терроризм до Аль-Кайеды: региональные измерения

Информационно-коммуникативная доминанта современного международного терроризма.

Тема 3.1. Латинская Америка

Зарождение городской герильи. Специфика террористических организаций в Латинской Америке.

Тема 3.2. Палестинский терроризм

Еврейский терроризм в подмандатной Палестине. Взрыв в отеле «Царь Давид».

Case-study. Внутренний терроризм и внешние международные конфликты: проблема взаимодействия; терроризм в подмандатной британской Палестине и Вторая мировая война.

Зарождение палестинского терроризма, направленного против Израиля.

Отличительные черты современного терроризма. Угоны самолетов. Терракт на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 г. Почему терроризм действует (пример Палестины)?

Case-study. Трансформации терроризма. Палестина: от марксизма через этносепаратизм к исламу.

Тема 3.3. Этносепаратистский терроризм в Европе

Великобритания. Деятельность Ирландской республиканской армии (ИРА) в Великобритании. Терракты Аль-Кайеды в Лондоне.

Case-study. Проблема сочетания террористических и политических способов деятельности: процесс политического урегулирования в Ольстере.

Case-study. Параллельные традиции в терроризме: ЭТА и исламистский терроризм в Испании.

Case-study. Почему терроризм действует? Терракты в Мадриде и участие Испании в глобальной войне с терроризмом.

Тема 3.4. Леворадикальный терроризм в Европе

Леворадикальный терроризм в Западной Европе. «Ветер 68-го». Леворадикальные группы в ФРГ. Деятельность «Фракции Красной Армии» (РАФ) в ФРГ. «Поколения» лидеров РАФ и трансформация организации. Деятельность «Аксбон Директ» (Action Directe) во Франции. Другие европейские террористические группировки.

Тема 3.5. Соединенные Штаты Америки и международный терроризм до 11 сентября 2001 г.

Войны против международного терроризма до 2001 г. Америка как объект атаки террористов: причины повышенного внимания.

Терроризм в США. Локальные группы. Радикалы, противники аборт, сторонники прав животных. Экотеррористы. Предвестник

грядущего – теракт во Всемирном торговом центре 1993 г. «Домашний» терроризм – взрыв в Оклахома-Сити 1995 г.

Проблематика терроризма во внешнеполитических стратегиях США до 2001 г.

Тема 3.6. Проявления терроризма в Азии и Африке

Антиколониальные движения в межвоенный период и в первые годы после Второй мировой войны.

Война за независимость в Алжире. Влияние террористической деятельности в Алжире на развитие терроризма. Тигры освобождения Тамил-Илама (тамильские «тигры»): специфика деятельности.

Раздел 4. Современный международный терроризм: глобальные измерения. Возрождение религиозного терроризма

Тема 4.1. Возрождение религиозного терроризма: от Братьев-мусульман к Аль-Кайеде.

Братья-мусульмане: причины зарождения, основные направления и формы деятельности. Война СССР в Афганистане. Моджахеды: источники пополнения рядов. Последствия войны в Афганистане: раскол среди моджахедов. Переход от «ближнего врага» к «дальному». Движение «Талибан» в Афганистане.

Возникновение Аль-Кайеды. Теракты против американских посольств в Кении и Танзании 1998 г. Взрыв эсминца «Коул» в 2000 г.

Теракты 9/11 и начало глобальной войны с терроризмом. Операция коалиционных сил в Афганистане. Война США и их союзников против Ирака.

Глобальное информационно-коммуникативное пространство джихада.

Тема 4.2. Региональные пространства глобального терроризма Афганистан, Ирак (типология повстанческих движений), Пакистан, Индонезия, страны Магриба, страны Африканского Рога. Теракты на Бали 2002 г. Теракт в Мумбаи 2008 г.

Франшизы Аль-Кайеды: Аль-Кайеда как зонтичная структура или бренд.

Деятельность террористических групп в рамках «арабской весны». «Братья мусульмане» в контексте внутривосточных трансформаций в Египте. Джихадисты и конфликт в Ливии. Кризис в Сирии и взаимодействие террористических группировок.

Чеченский терроризм в России. Причины сепаратизма в Чеченской республике. Первая чеченская война. Хасавюртовские соглашения. Контртеррористическая операция в Чечне.

Case-study. Трансформации терроризма: Чеченский терроризм: от регионального сепаратизма к включению в глобальную сеть.

Case-study. Терроризм на Ближнем Востоке

1. Взаимодействие локальных и глобальных проявлений терроризма: инкорпорация или конфликт? Палестина и Ливан; повстанцы Ирака; кризис в Сирии.
2. Проблема сочетания террористических и политических способов деятельности: деятельность ХАМАС в Палестине и Хезболлы в Ливане.
3. Старые друзья – новые враги: взаимодействие ХАМАС, Хезболлы, джихадистов (Аль-Кайеды) и иных групп в рамках сирийского кризиса.

Раздел 5. Измерения террористической деятельности

Психология терроризма и террористов. Источники финансирования. Организационная структура террористических организаций. Способы вербовки. Технологические аспекты.

Case-study. Измерения международного терроризма: иерархия vs сеть в террористической деятельности.

Раздел 6. Информационно-коммуникативное измерение международного терроризма

Хронология развития терроризма исходя из этапов эволюции СМИ и СМК.

Печатный станок и динамит, телеграф и пресса: информационно-коммуникативные стратегии анархистов, народовольцев и БО ПСР.

Этап массовой прессы и неспутникового телевидения: зарождение современного терроризма, этносепартистский антиколониальный терроризм.

Конец 1960-х годов: факторы рубежности в развитии международного терроризма.

«Палестинская поэзия» в международном информационно-коммуникативном пространстве. Поэтика терроризма. Романический ореол терроризма.

ТВ-терроризм. Эффект CNN в ситуациях международного терроризма.

Интернет как инструмент террористической деятельности. Глобальный альтерсистемный коммуникационный проект Аль-Кайеды. Виртуальная умма. Основные формы деятельности террористов в Интернете. Кибертерроризм – реальна ли угроза?

Case-study. TV-spectaculars: теракт в Мюнхене vs 9/11: сравнительная характеристика освещения.

Ограничения в освещении терроризма в СМИ: основные подходы. Свобода слова vs право на жизнь.

Типология аудиторий информационно-коммуникативных стратегий террористических организаций. «Старые» vs «новые» СМИ, сравнительная характеристика.

Факторы освещения террористической деятельности. Недоосвещение террористической активности. Эффекты освещения терроризма в СМИ. Баланс террора. Спираль насилия. Эффект иммунизации – обудничивание терроризма.

Case-study. Международный терроризм vs глобальный терроризм через призму коммуникации.

Раздел 7. Терроризм как инструмент внутренней и внешней политики

«Карта терроризма» в политическом процессе. Терроризм и политические манипулятивные технологии.

Понятие «state-sponsored terrorism». Достоинства и недостатки использования терроризма как инструмента внешней политики. «Советский след» в деятельности повстанческих и антиколониальных движений, а также леворадикальных террористических групп. Штази и РАФ.

Case-study. Терроризм как инструмент внешней политики: Иран и Хезболла; Ливия; Действия США в Латинской Америке: контраст.

Раздел 8. Проблема сочетания террористических и политических методов борьбы

Реальность целей террористической деятельности. Проблемы артикуляции политического послания. «Крылья» и легальная политическая активность. Влияние фактора инкорпорации движений в политическую жизнь на террористическую деятельность.

Case-study. Проблема сочетания террористических и политических способов деятельности: БО ПСР и Дума; процесс политического урегулирования в Ольстере; деятельность ХАМАС в Палестине и Хезболлы в Ливане.

Раздел 9. Противодействие терроризму. Дилеммы демократий в противодействии терроризму

Международно-правовые акты по противодействию терроризму. Национальное законодательство по противодействию терроризму: сравнительный анализ. USA PATRIOT Act vs. гражданские права и свободы.

Дилемма демократий в противодействии терроризму.

Глобальная война с терроризмом: теория и практика.

«Перегибы» в войне с терроризмом: Абу-Грейб и Гуантанамо.

Раздел 10. Терроризм в искусстве: кино и литература. Терроризм и компьютерные игры

Особенности восприятия терроризма. Массовая культура и политический процесс. Стереотипизация изображения политических конфликтов. Фреймы в репрезентациях терроризма. Разница в изображении «домашнего» и международного терроризма.

Предложенные «Case-study» могут быть использованы для докладов в рамках круглых столов и в качестве тем аналитической работы.

Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

Источники

Качински Т. Манифест Унабомбера: Индустриальное общество и его будущее [Электронный ресурс]. URL: <http://imperativ.narod.ru/bib/manifesto1.html>.

Майнхоф У. От протеста – к сопротивлению: Из литературного наследия городской партизанки. М.: Гилея, 2004. 192 с.

Маригелла К. Краткий учебник городского партизана [Электронный ресурс]. URL: http://yar.anarhist.org/library/practice/p_pr_15.htm.

Нечаев С.Г. Катехизис революционера. [Электронный ресурс] // МГУ. Исторический факультет. URL: www.hist.msu.ru/ER/Text/nechaev.htm.

Савинков Б. Воспоминания террориста // Савинков Б. Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 507 с.

Савинков Б. Конь бледный // Там же.

Это я виноват...: эволюция и исповедь террориста: письма Егора Созонова с комментариями. М.: Языки славянской культуры, 2001. 520 с.

Художественные фильмы

- Статский советник (желательно 4-серийный вариант для ТВ). Реж. Ф. Янковский.
- Дорога на Арлингтон (Arlington Road). 1999. Реж. М. Пеллингтон.
- Карлос (Carlos) (мини-сериал). 2010. Реж. О. Асаяс.
- Комплекс Баадера–Майнхофа (Der Baader Meinhof Komplex). 2008. Реж. У. Эдель.
- Мюнхен (Munich). 2005. Реж. С. Спилберг.
- Осада (The Siege). 1998. Реж. Э. Цвик.
- Родина (Homeland) (сериал). 2011–2013. Реж. Г. Гордон, А. Ганза.
- Скала (The Rock). 1996. Реж. М. Бэй.

Художественная литература

- Акунин Б.* Статский советник. Любое издание.
- Клэнси Т.* Радуга шесть. Любое издание.

Научная литература

- Haenni P.* Video Games in the Arab World and beyond: Interview with Vit Sisler [Электронный ресурс] // Digital Islam. URL: <http://www.digital-islam.eu/article.do?articleId=2320>.
- Hoffman B.* Inside Terrorism / Rev. and expanded ed.; Bruce Hoffman. N. Y.: Columbia University Press, 2006. 432 p.
- Kaplan J.* Terrorism's Fifth Wave: A Theory, a Conundrum and a Dilemma [Электронный ресурс] // Perspectives on Terrorism. URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/26/html>.
- Peleg S.* One's Terrorist is Another's Blockbuster: Political Terrorism in American vs European Films. [Электронный ресурс] // Safe Democracy Foundation. URL: http://english.safe-democracy.org/documents/ONES_TERRORIST_IS_ANOTHERs_BLOCKBUSTER.pdf.
- Rapoport D.C.* Fear and Trembling: Terrorism in Three Religious Traditions // The American Political Science Review. 1984. Sep. Vol. 78. № 3. P. 658–677.
- Rapoport D.C.* Four waves of modern terrorism. [Электронный ресурс] // UCLA International Institute. URL: <http://www.international.ucla.edu/burkle/article.asp?parentid=47153>.
- Sedgwick M.* Inspiration and the Origins of Global Waves of Terrorism // Studies in Conflict & Terrorism. 2007. Vol. 30. P. 97–112.
- Sisler V.* Digital Intifada. [Электронный ресурс] // Digital Islam. URL: <http://www.digitalislam.eu/article.do?articleId=1419>.
- Wolfsfeld G.* Political Waves and Democratic Discourse: Terrorism Waves During the Oslo Peace Process // Mediated politics: communication in the future of democracy / W. Lance Bennett & Robert M. Entman, eds. N. Y.: Cambridge University Press, 2001.

- Базаркина Д.Ю.* Ультралевый терроризм в ФРГ: основные направления деятельности «Фракции Красной Армии» (РАФ) и ее коммуникационное сопровождение (1971–1992 гг.). М.: Международный центр социально-политических исследований и консалтинга; Слово, 2010. 276 с.
- Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 400 с.
- Вейг Т.* Телемечтатели: Фракция Красной Армии: 1963–1993. Гродно: Гродненская типография, 2004. 128 с.
- Дершовиц А.* Почему терроризм действует. М.: РОССПЭН, 2005. 256 с.
- Журавлев Д.А.* Демографические и миграционные стратегии современного международного терроризма через призму коммуникации // Глобальные демографические проблемы современности: Миграции и миграционная политика: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Минаев; Сост. В.Б. Жиромская. М.: РГГУ, 2011. С. 34–53.
- Журавлев Д.А.* Коммуникационный аспект терроризма в постмодернистской системе: театр террора и общество спектакля // Вестник РГГУ. 2012. № 7 (87). Серия «Международные отношения. Регионоведение». С. 163–185.
- Журавлев Д.А.* Международный терроризм и СМИ: эволюция коммуникационного взаимодействия // Вестник РГГУ. 2009. № 14. Серия «Международные отношения. Регионоведение». С. 157–169.
- Журавлев Д.А.* СМИ и международный терроризм // Международная жизнь. 2009. № 4. С. 130–141.
- Журавлев Д.А.* СМИ и терроризм // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 71–80.
- Журавлев Д.А.* Сравнительный анализ коммуникативных стратегий террористов // Сравнительная политика. 2011. № 1. С. 89–98.
- Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. 468 с.
- Кёнен Г.* Веспер, Энслин, Баадер: немецкий терроризм: начало спектакля. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2004. 480 с.
- Кожушко Е.П.* Современный терроризм: анализ основных направления. Минск: Харвест, 2000. 448 с.
- Коллакиди А.* Краткий курс истории RAF [Электронный ресурс]. URL: <http://mikeshuv.narod.ru/Istorija/raf.html>; <http://mikeshuv.narod.ru/Istorija/raf2.html>; <http://mikeshuv.narod.ru/Istorija/raf3.html>.
- Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: радикальный мирокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
- Морозов И.Л.* Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики // Полис. 1998. № 3.

- Орлов А.А. Проблема терроризма в Испании. ЭТА – ударный отряд баскского сепаратизма. М.: Русская панорама, 2009.
- Петухов В.Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 208 с.
- Природа этнорелигиозного терроризма / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2008. 365 с.
- Райт Л. Аль-Каида. М.: Geleos Publishong House; Кэпитал Трейд Компании, 2010. 416 с.
- Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008. 216 с.
- Тарасов А. Вьетнам близко, или Партизанская война на берегах Рейна. [Электронный ресурс]. URL: <http://saint-juste.narod.ru/vietman.htm>.
- Трансграничный терроризм: угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества: латиноамериканский вектор. М.: Наука, 2006. 237 с.
- Требин М.П. Терроризм в XXI в. Минск: Харвест, 2003. 816 с.
- Фоллейн Д. Шакал: тайная война Карлоса Шакала. СПб.: Лимбус Пресс, 2002. 432 с.
- Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М.: Ультра.Культура, 2003. 264 с.
- Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 224 с.

Справочная литература

- Кожушко Е.П. Терроризм и террористы: Исторический справочник. Минск: Харвест, 1999. 606 с.

Образовательные технологии

В качестве темы аналитической работы каждый слушатель курса выбирает одну из тем case-study.

Лекции дают общетеоретическое представление об обсуждаемых проблемах. Тематика лекций сопряжена с тематикой семинаров, что позволяет при параллельном проведении лекционных и семинарских занятий обеспечить микромодульный двухуровневых подход к обучению: лекции закладывают общетеоретические аспекты проблематики, которые затем обсуждаются (в теоретическом и практико-прикладном аспектах) на семинарских занятиях. Лекции сочетают в себе проблемный и дискуссионный подходы. На лекциях формулируются вопросы, ответы на которые будут найдены во время семинаров.

Семинар-дискуссия предусматривает более свободный характер обсуждения проблем, чем на семинаре, и направлен на выявление

личного мнения студентов (независимо от степени его научной обоснованности) с последующим критическим анализом высказанных идей с научных позиций. Таким образом, семинар-дискуссия сочетает в себе формат классического семинара с форматом «мозгового штурма», во время которого студенты выступают в качестве экспертов, продуцирующих и критически анализирующих высказываемые идеи. Семинар-дискуссия открывает семинарские занятия, поэтому задания к нему сформулированы в виде ключевых вопросов, вокруг которых выстраивается дискуссия.

Семинар-дискуссия. Введение в историю терроризма и теорию Terrorism studies

Что такое терроризм? Отличительные признаки терроризма.

Что такое международный терроризм?

“One man’s terrorist is another man’s freedom fighter” – проблема разведения понятий.

Case-study. Подходы к периодизации международного терроризма: теория «четырех волн» международного терроризма Д. Раппопорта.

Case-study. Терроризм как коммуникация.

Семинары выстроены в соответствии с проблемным принципом. На семинарах активно используется диалоговый подход. В тематике семинаров отсутствуют вопросы к занятиям, а указаны основные проблемы, вокруг которых будет строиться обсуждение. На семинарах не поощряются развернутые ответы, студенты высказывают свои идеи по поводу обсуждаемых проблем, которые затем суммируются преподавателем. Поощряется развитие дискуссии и споров, таким образом организуются ситуативные «мозговые штурмы». Во время семинаров используется метод «заранее запланированных ошибок», применяя который преподаватель может формулировать ошибочные выводы. Они затем должны быть подвергнуты обоснованной критике со стороны студентов. При этом на семинарах происходит продуцирование нового для студентов знания, а не простое воспроизведение полученной информации. Отдельные проблемы, вынесенные на семинарские занятия, требуют в обязательном порядке поиска дополнительных материалов, что способствует выработке навыков самостоятельного поиска информации у студентов. Все это позволяет формировать взаимосвязанные микромодули знаний, умений и навыков студентов по изучаемой дисциплине, которые создают ее общее компетентностное пространство. Таким образом, семинар выступает не только в качестве образовательной единицы, но и как форма аттестации по отдельным разделам и темам

курса. Семинары служат базой для круглых столов, где обсуждение проблематики выносится на более высокий научный уровень.

Задания к семинарским занятиям и семинару-дискуссии совпадают с соответствующими разделами «Содержания дисциплины». В целях экономии места и отражения внутренней логики взаимосвязи образовательных технологий списки литературы к семинарам приводятся в разделе «Круглые столы».

В рамках данного курса предполагается проведение четырех *круглых столов и ролевой игры*.

Круглый стол № 1. «Проблема сочетания террористических и политических методов борьбы». Суммируются знания и навыки, приобретенные в рамках первых трех семинаров, добавляется проблематика, которая рассматривается в восьмом разделе курса. В рамках круглого стола запланировано три доклада по трем предложенным case'am. Каждый из них оппонируется одним из студентов. На доклад отводится 10 минут, на оппонирование – 5. Дискуссия после каждого доклада должна занимать 5 минут. Общая дискуссия и подведение итогов – 10 минут.

Доклад. Во время доклада необходимо проанализировать изменения в тактике применения террористических методов борьбы, связанные с трансформацией политической ситуации: была ли свернута террористическая деятельность, почему было принято именно такое решение, какое влияние на трансформацию (раскол) группы имело включение всей партии в политический процесс, как изменились отношения политического и боевого крыла. Все доклады отправляются преподавателю, на групповой почтовый ящик и оппоненту. Текст, полученный преподавателем, расценивается как окончательный. Любое фактическое или смысловое изменение приводит к потере 5 баллов. К снижению баллов приводят: фактические ошибки (– 1 балл), нарушение причинно-следственных связей (–1 балл), отсутствие в выступлении необходимых компонентов ответа (смысловые «лакуны») (–1 балл), превышение времени ответа более чем на 15 секунд (–1 балл за первую минуту превышения, –3 балла за вторую и –5 баллов за третью). Доклад должен в обязательном порядке содержать указания на источники и литературу (из списка к семинарам/круглым столам в обязательном порядке). В противном случае докладчик может потерять 3 балла. Если текст доклада скачан из Интернета без оформления сносок, докладчик теряет 5 баллов. Все потери баллов суммируются. После отзыва оппонента докладчик может ответить на замечания.

Оппонирование. Во время оппонирования необходимо отметить: насколько репрезентативна источниковая и историографиче-

ская базы доклада, наличие фактических ошибок, нарушение логики, аргументированность выводов. Полнота раскрытия каждого из названных пунктов отзыва оценивается по двухбалльной системе: недостаточно раскрыт – 0 баллов, – достаточно раскрыт – 1 балл, полностью раскрыт – 2 балла. Незамеченная фактическая ошибка приводит к потере 1 балла, незамеченное нарушение причинно-следственных связей и незамеченные смысловые «лакуны» в каждом случае приводит к потере 1 балла. В конце отзыва оппонент рекомендует оценку (по 10-балльной шкале). Отзыв посылается преподавателю минимум за 36 часов до начала круглого стола. В том случае, если итоговая оценка, поставленная преподавателем, более чем на два балла отличается от оценки, предложенной оппонентом, последний за каждый балл разницы теряет 1 балл.

Участие в дискуссии. Найденная ошибка в выступлении докладчика или оппонента, а также обоснование собственного суждения по этому поводу позволяют набрать 3 балла: найденная ошибка в выводах и обоснование их ошибочности – 4 балла, заданный вопрос – 2 балла, развернутое дополнение или комментарий к докладу или ответу на вопрос – 5 баллов, критический комментарий по докладу или ответу на вопросы – 5 баллов. Все вопросы и ответы должны быть сформулированы кратко и емко.

Case-study. Проблема сочетания террористических и политических способов деятельности: БО ПСР и Дума; процесс политического урегулирования в Ольстере; деятельность ХАМАС в Палестине и Хезболлы в Ливане.

Базовые семинары для подготовки к круглому столу

Семинар 1. Леворадикальный терроризм середины XIX – начала XX века

Источники

Нечаев С.Г. Катехизис революционера. [Электронный ресурс] // МГУ. Исторический факультет. URL: www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm.

Савинков Б. Воспоминания террориста // Савинков Б. Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 507 с.

Савинков Б. Конь бледный // Савинков Б. Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 507 с.

Это я виноват...: эволюция и исповедь террориста: письма Егора Созонова с комментариями. М.: Языки славянской культуры, 2001. 520 с.

Литература

- Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 400 с.
- Литвинов Н.Д.* Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ). М.; Воронеж: ВИ МВД России, 1999. 224 с.
- Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: радикальный мирокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
- Щербакова Е.И.* «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 224 с.

Семинар 2. Современный международный терроризм до Аль-Кайеды

Общая литература

- Морозов И.Л.* Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики // Полис. 1998. № 3.
- Фоллейн Д.* Шакал: тайная война Карлоса Шакала. СПб.: Лимбус Пресс, 2002. 432 с.
- Хоффман Б.* Терроризм – взгляд изнутри. М.: Ультра.Культура, 2003. 264 с. Гл. 2: Постколониальная эпоха: этнонациональный / сепаратистский терроризм. С. 49–77; Гл. 3. Интернационализация терроризма. С. 77–103; Гл. 4. Религия и терроризм. С. 103–159; Гл. 7. Настоящее и будущее терроризма. С. 227–253.

Источники и литература по регионам и странам

Палестина

Литература

- Дершовиц А.* Почему терроризм действует. М.: РОССПЭН, 2005. 256 с. В особенности глава 2.

Латинская Америка

Литература

- Маригелла К.* Краткий учебник городского партизана. [Электронный ресурс]. URL: http://yar.anarhist.org/library/practice/p_pr_15.htm.

Европа: РАФ (Фракция Красной Армии (ФРГ))

Источники

Майнхоф У. От протеста – к сопротивлению: Из литературного наследия городской партизанки. М.: Гилея, 2004. 192 с.

Литература

Базаркина Д.Ю. Ультралевый терроризм в ФРГ: основные направления деятельности «Фракции Красной Армии» (РАФ) и ее коммуникационное сопровождение (1971–1992 гг.). М.: Международный центр социально-политических исследований и консалтинга; Слово, 2010. 276 с.

Вейг Т. Телемечтатели: Фракция Красной Армии: 1963–1993. Гродно: Гродненская типография, 2004. 128 с.

Кёнен Г. Веспер, Энслин, Баадер: немецкий терроризм: начало спектакля. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2004. 480 с.

Колтакиди А. Краткий курс истории RAF. [Электронный ресурс]. URL: <http://mikeshuv.narod.ru/Istorija/raf.html>; <http://mikeshuv.narod.ru/Istorija/raf2.html>; <http://mikeshuv.narod.ru/Istorija/raf3.html>.

Тарасов А. Вьетнам близко, или Партизанская война на берегах Рейна. [Электронный ресурс]. URL: <http://saint-juste.narod.ru/vietman.htm>.

Европа: ЭТА (Страна басков, Испания)

Литература

Орлов А.А. Проблема терроризма в Испании. ЭТА – ударный отряд баскского сепаратизма. М.: Русская панорама, 2009.

Соединенные Штаты Америки

Источники

Качински Т. Манифест Унабомбера: Индустриальное общество и его будущее [Электронный ресурс]. URL: <http://imperativ.narod.ru/bib/manifesto1.html>.

Фильмы

Осада (The Siege). 1998. Реж. Э. Цвик.

Скала (The Rock). 1996. Реж. М. Бэй.

Семинар 3. Глобальный терроризм

Литература

- Hoffman B.* Inside Terrorism / Rev. and expanded ed.; Bruce Hoffman. N. Y.: Columbia University Press, 2006. 432 p. Ch. 5. Suicide Terrorism. P. 131–173; Ch. 9. Terrorism Today and Tomorrow. P. 257–297.
- Rapoport D.C.* Fear and Trembling: Terrorism in Three Religious Traditions // The American Political Science Review. 1984. Sep. Vol. 78. № 3. P. 658–677.
- Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. 468 с.
- Райт Л.* Аль-Каида. М.: Geleos Publishong House; Кэпитал Трейд Компании, 2010. 416 с.
- Сейджман М.* Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008. 216 с. 1: Истоки Джихада. С. 10–32; 2: Эволюция Джихада. С. 32–69; 5: Социальные сети и джихад. С. 145–183.
- Трансграничный терроризм: угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества: латиноамериканский вектор. М.: Наука, 2006. 237 с.

Круглый стол № 2. «Информационно-коммуникативное изменение международного терроризма» Круглый стол состоит из двух секций, в каждой из которых запланировано три доклада (по 20 минут каждый) и обсуждения (по 30 минут после каждой из секций).

С докладом выступает команда из двух-трех человек. Один-два человека зачитывают текст доклада, но не имеют права отвечать на вопросы и критику со стороны аудитории. Третий член команды только отвечает на вопросы, адресованные команде и принимает участие в дискуссии. Оставшиеся члены студенческих групп играют роль аудитории, чья задача – инициирование дискуссии и участие в ней (выступление с критикой подходов и выводов докладчиков, вопросы, а также аргументированные дополнения и комментарии к докладам). Доклад в обязательном порядке должен завершаться выводами, состоящими из 3–5 пунктов и занимающими от 1–1,5 минут.

Участники команд оцениваются по следующей схеме: общее выступление команды, индивидуальное выступление докладчика, а также работа «ответчика» оцениваются по 10-балльной шкале. При этом участник не может получить оценку более чем на 1 балл превышающую общую оценку команды. В случае если докладчики выступают два человека, каждый из них оценивается индивидуально по 5-балльной шкале.

К потере баллов приводят: фактические ошибки (– 1 балл), нарушение причинно-следственных связей (– 1 балл), смысловые

«лакуны» (– 1 балл), превышение времени ответа более чем на 15 секунд (снижение общекомандной оценки на 1 балл за первую минуту превышения, на 3 балла за вторую и на 5 баллов за третью).

Участие в дискуссии оценивается по следующей схеме: найденная ошибка в выступлении и обоснование ошибочности суждений докладчика (3 балла), найденная ошибка в выводах и обоснование их ошибочности (4 балла), заданный вопрос (2 балла), развернутое дополнение или комментарий к докладу или ответу на вопрос (5 баллов), критический комментарий доклада или ответа на вопросы (5 баллов).

Участие «ответчика» оценивается по той же схеме, что и участников дискуссии.

Ключевые проблемы для обсуждения (якорные гипотезы):

One man's terrorist is another man's freedom fighter.

Terrorism is theatre.

Case-study: TV-spectaculars: теракт в Мюнхене vs 9/11: сравнительная характеристика освещения.

Тематика докладов

Сравнительная характеристика технологических аспектов освещения событий в 1972 г. и 2011 г.

Особенности освещения теракта в Мюнхене.

Теракт 9/11 как глобальная постановка.

Case-study: Международный vs глобальный терроризм через призму коммуникации.

Тематика докладов

1. Особенности взаимодействия террористов и «традиционных» СМИ.

2. «Новые» СМИ – новые возможности для коммуникации со стороны террористов.

3. Структурные трансформации террористических организаций в связи с эволюцией средств коммуникации.

Основная литература

Hoffman B. Inside Terrorism / Rev. and expanded ed.; Bruce Hoffman. N. Y.: Columbia University Press, 2006. 432 p. Ch. 6. The Old Media, Terrorism, and Public Opinion. P. 173–197; Ch. 7. The New Media, Terrorism, and the Shaping of Global Opinion. P. 197–229.

Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М.: Ультра.Культура, 2003. 264 с. Гл. 5: Терроризм, СМИ и общественное мнение. С. 159–191.

При подготовке к данному круглому столу необходимо изучить основные работы по курсу, а также статьи автора данных методических разработок, основные положения которых излагаются в лекционной части курса.

Круглый стол № 3. Терроризм как инструмент внешней политики. Формат соответствует круглому столу № 1. Время на выступление – 10 минут, на оппонирование – 5 минут, на дискуссию после каждого доклада – 10 минут, на общую дискуссию и подведение итогов – 15 минут.

Литература

Дершовиц А. Почему терроризм действует. М.: РОССПЭН, 2005. 256 с. Особенно гл. 3, 4, 5.

Фильмы

Осада (The Siege). 1998. Реж. Э. Цвик.

Круглый стол № 4 Терроризм в искусстве – кино и литература. Терроризм и компьютерные игры. Он предполагает выбор нескольких произведений, знакомство с содержанием которых обязательно. Определяются темы выступлений (возможны групповые проекты). Формат зависит от количества докладов. Несколько докладов должно быть непосредственно по выбранным произведениям, остальные – по их сравнению с другими.

Возможные темы докладов

1. «Я поклялся защищать свою страну от внешних врагов, сэр, и внутренних» – генерал Хэммонд и заявление сержанта Броуди.
2. Морпех против террориста.

Литература

Haenni P. Video Games in the Arab World and beyond – Interview with Vit Sisler. [Электронный ресурс] // Digital Islam. URL: <http://www.digital-islam.eu/article.do?articleId=2320>.

Peleg S. One's Terrorist is Another's Blockbuster: Political Terrorism in American vs European Films. [Электронный ресурс] // Safe Democracy Foundation. URL: http://english.safe-democracy.org/documents/ONEs_TERRORIST_IS_ANOTHERs_BLOCKBUSTER.pdf.

Sisler V. Digital Intifada. [Электронный ресурс] // Digital Islam. URL: <http://www.digitalislam.eu/article.do?articleId=1419>.

Петухов В.Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 208 с.

Фильмы

Статский советник (желательно 4-серийный вариант для ТВ). Реж. Ф. Янковский.

Дорога на Арлингтон (Arlington Road). 1999. Реж. М. Пеллингтон.

Карлос (Carlos) (мини-сериал). 2010. Реж. О. Ассаяс.

Комплекс Баадера–Майнхофа (Der Baader Meinhof Komplex). 2008. Реж. У. Эдель.

Мюнхен (Munich). 2005. Реж. С. Спилберг.

Осада (The Siege). 1998. Реж. Э. Цвик.

Родина (Homeland) (сериал). 2011–2013. Реж. Г. Гордон, А. Ганза.

Скала (The Rock). 1996. Реж. М. Бэй.

Ролевая игра

Тема ролевой игры определяется на групповой консультации студентов с преподавателем. В качестве таковой может быть выбрана деятельность какой-либо террористической группировки в определенный период времени либо представлена гипотетическая ситуация, связанная с терроризмом.

Команды: правительство; террористы; СМИ; структуры гражданского общества; «мировое сообщество» (несколько групп, представляющих страны и организации в зависимости от темы игры). Цель террористов – достичь поставленных задач; правительства – уничтожить террористов. Оптимальный состав групп – 3–4 человека, поскольку в результате действий игроки могут быть выведены из игры полностью или на время.

Преподаватель выступает в качестве «мастера игры», направляя процесс, отслеживая выполнение всех пунктов сценария, определяя эффективность действий.

Пример групп по теме «Чеченский терроризм в России»: правительство; военные и спецслужбы; чеченские террористы; СМИ России, СМИ западных стран; мирные жители Чечни; мирные жители России; «мировое сообщество» – США, Великобритания, Испания; международные неправительственные организации.

Игра состоит из воспроизведения ситуаций. После каждой из них преподаватель может запросить обоснование того или иного действия (задать вопросы, на которые члены команды должны дать свой ответ), дает комментарий и выставляет баллы либо минусует их. Также он по своему усмотрению либо с помощью генератора случайных чисел определяет эффективность действия. В случае

использования игровых костей эффективность распределяется следующим образом: 1 – полный провал (например, террористы уничтожены, не успев совершить атаку, при этом улики выводят правительственные силы на след террористов и т. п.); 2 – провал, однако террористам удалось избежать серьезного вреда для организации; 3 – «пиррова победа» – совершение задуманного, однако ценой чрезмерных потерь; 4 – успех с допустимыми потерями, 5 – успех с незначительными потерями; 6 – полный успех (террористы не только совершают задуманное, но и получают «бонус»). По такой же схеме определяется эффективность действий правительственных сил. По каждому результату преподаватель дает пояснения. Если выбран случай двойного броска, то засчитывается наибольшее число очков. В данном случае игра строится по модели с открытым результатом и элементом случайности, свойственным реальной жизни, что способствует развитию мотивации у студентов.

Цель игры: для «террористов» – добиться достижения своих целей; для «правительства» – снизить угрозу терроризма; для «гражданского общества и НПО» – добиться соблюдения прав человека, политических и экономических прав отдельных социальных групп. Кроме того, «общество» может преследовать специфические цели в зависимости от отыгрываемой ситуации. «Иностранные государства» стремятся достичь собственных целей.

Игра состоит из следующих ситуаций (*помечены те пункты, которые сохраняются втайне (т. е. они обсуждаются только командой и преподавателем, хотя после игры возможен анализ данных ситуаций всей группой)).

1. Обоснование позиции «террористов». В данном случае необходимо обосновать причины своей деятельности, выстроить иерархию врагов, определить цели. Также описывается структура группы.

2. Восприятие. В случае если отыгрывается реальная ситуация, другие команды дают свои комментарии о деятельности «террористов». Если воображаемая – комментарий дается по поводу отношения тех или иных участников к «делу» террористов.

3. Система контртерроризма. «Правительство» описывает существующую систему противодействия терроризму и ограничений в его освещении в СМИ.

4. СМИ дают комментарий о принципах своей работы в случае террористического акта, а также по поводу существующей системы противодействия терроризму в государстве.

5. *Атака. «Террористы» вместе с преподавателем должны выбрать цель и способ атаки. Определяется эффективность подго-

товительного этапа. Определяется двумя бросками – выбирается максимальный вариант. Определяется эффективность атаки.

а. Взрыв. Пункты 6–8 затем 17.

б. Захват заложников. Пункты 6–16.

6. Освещение. СМИ должны выступить с новостью о ситуации.

7. Комментарий «правительства». Представитель «правительства» выступает с публичным заявлением.

8. Восприятие. Представители «общества» и «иностранных государств» дают комментарии или воздерживаются от них.

9. Заявление «террористов».

10. Совещание «правительства». *Команда «правительства» принимает решение по поводу ситуации.

с. Штурм. Переход к пункту 11.

d. Выжидание. Переход к пункту 15.

11. Штурм: приготовления. В случае решения о штурме определяется, удалось ли сохранить приготовления в тайне (двойной бросок).

12. Освещение. Если «представители» СМИ видят приготовления (определяется генератором случайных чисел либо по договоренности), они решают, выдавать ли информацию в эфир или нет.

13. Штурм: действия. Определяется эффективность штурма.

14. Повторение пунктов 6–9, затем – 17.

15. Выжидание. «Правительство» может начать переговоры с террористами. Начинается торг.

16. Повторение пунктов 6–10. Пункты отыгрываются циклически до момента разрешения ситуации (штурм, «террористы» сдаются либо скрываются). Затем – 17.

17. *Совещание правительства. «Правительство» совещается по поводу ситуации и выбирает необходимые меры по противодействию терроризму.

18. Комментарий правительства. Представитель «правительства» выступает с публичным заявлением.

19. Восприятие. Представители «общества» и «иностранных государств» дают комментарии или воздерживаются от них.

20. Заявление террористов.

21. Контртеррористические действия. Если «правительство» выбрало активные действия, определяется их эффективность (двойной бросок). В результате активных действий могут проводиться обыски подозреваемых в терроризме, их аресты (массовые либо индивидуальные) и т. п. Если выбраны пассивные меры (например, введение металлодетекторов в аэропортах), то при следующей атаке «террористов», если она будет совершена на дан-

ные объекты, определяется эффективность работы избранных мер (двойной бросок), что учитывается при расчете общей эффективности атаки.

22. Второй виток. Повторяются пункты 3–5 и далее в зависимости от выбранных способов действия, либо «террористы» принимают решение приостановить деятельность.

23. Данные действия продолжаются до тех пор, пока либо «террористы» не будут уничтожены, либо «правительство» не пойдет на уступки (включение в политический процесс), либо пока «террористы» не одержат победу. Общественное мнение (как внутри страны, так и извне) может оказывать давление на «правительство».

Члены команд вольны предпринимать различные действия в любые моменты времени: идти на переговоры, созывать пресс-конференции, устраивать демонстрации, проводить дополнительные теракты и т. п. Качество игры во многом зависит как от знаний студентов, так и от их желания творчески разыгрывать сценарий. Успех или неудача действий определяется броском либо двойным броском по решению преподавателя.

Каждое действие, как правило, сопровождается обыгрыванием пунктов «заявление правительства», «освещение» и «восприятие».

В частности, при арестах «правительство» может захватить как «террориста», так и «мирного жителя». К нему могут быть применены различные юридические и в неюридические процедуры.

Каждое правильное действие оценивается в 1 балл. В случае неверности принятого решения оценивается то, как команда будет действовать дальше: придерживаться ошибочного решения, постарается обратить его в свою пользу и т. п. Оригинальные действия могут быть оценены в большее число баллов.

Основания для снижения баллов: нарушение исторического контекста, нетипичное поведение (без обоснования), противоречие программы и действий.

При подготовке к игре каждая из команд должна определить свой образ действия, цели и задачи; понять, нужно ли эти цели озвучивать; просчитать последствия своих действий в той или иной ситуации. Учитывая общую трудоемкость игры, предполагается проведение ее в течение 3–4 занятий, возможно, в несколько дней. Студентам предоставляется сценарий игры заранее. По желанию группы возможно внесение некоторых изменений в сценарий. В ролевой игре могут принимать участие группы с различных направлений подготовки и курсов. В ряде случаев представляется целесообразным выделить группу наблюдателей («экспертов»), которые будут оценивать действия команд вместе с преподава-

телем. По окончании игры обязательно проводится детальный разбор всех ее компонентов, в том числе и «закрытых» ситуаций.

В качестве заключения необходимо подчеркнуть, что использование инновационных активных и интерактивных форм закрепления компетенций студентов позволяет не только развить коммуникативные навыки студентов, но и максимально глубоко рассмотреть изучаемую проблематику. В случае с международным терроризмом актуализируется весь блок общекультурных, гуманистических, проектных и исполнительских компетенций, а также тех из них, которые связаны с инициацией позитивных перемен, умениями не только работать в команде, но и взять на себя роль лидера, находить нестандартные интерпретации информации и пути решения проблем.

Рассмотрение проблематики международного терроризма в рамках образовательных программ высшего профессионального образования отвечает необходимости научного изучения данного феномена (в рамках научного обеспечения противодействия терроризму)³, реализации комплекса мер по его предупреждению (профилактике), особенно в части действий в информационной и культурно-образовательной сферах⁴.

Примечания

- ¹ См.: Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации / Утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2009/10/20/zakon-dok.html> (дата обращения: 08.10.2013).
- ² Рекомендации по использованию инновационных образовательных технологий в учебном процессе. М.: РГГУ, 2011. [Электронный ресурс] // Российский государственный гуманитарный университет. URL: http://www2.rsu.ru/binary/object_8.1321273246.44436.doc (дата обращения: 11.04.2013).
- ³ Особенно см.: ст. 30, 36, 45 // Концепция противодействия терроризму...
- ⁴ П. д, г, ст. 21 // Концепция противодействия терроризму...

О.Б. Игнаткин

УЧЕБНИК ОКСФОРДА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Книга «Учебник Оксфорда по международным отношениям»¹ – во многом уникальный пример собрания текстов по ключевым международно-политическим проблемам; изучения теорий реализма, неореализма, идеализма, транснационализма, марксизма, неолиберального институционализма, нового либерализма, конструктивизма, английской школы, постмодернизма, феминизма. Книга содержит вопросы, дающие ответы на важные проблемы современной международно-политической науки: проблемы определения метода, рассмотрения существования политической морали и политического действия, международного права, соотношения старых теорий и новых подходов.

Как пишут авторы, данный учебник – «это все это вместе и что-то более»². Он может служить полезной книгой в изучении международных отношений и глобальной политики как для молодых, так и более зрелых исследователей, способствовать улучшению их понимания различных перспектив и подходов, которые определяют их сферу деятельности³.

Необходимо отметить, что в книге сочетаются два подхода. С одной стороны, делается особый акцент на рассмотрении теоретических проблем, концепций международных отношений в качестве дисциплины, на соперничающих идеях, представляющих теоретический прогресс, и на методологических идеях, которые помогают в изучении мировой политики. Это происходит потому, что, по мнению авторов, теоретические предположения определяют контуры предметного поля дисциплины и представляют важную информацию даже для самого серьезного эмпирического исследования⁴. С другой стороны, в данной работе серьезное внимание уделяется рассмотрению эмпирических проблем. Особенностью

учебника является рассмотрение нормативных и эмпирических проблем вместе, что может привести к очень важным результатам: в исследовании теории значительное внимание уделяется критике действий ряда стран в войне в Югославии и в Ираке; рассмотрение основных теорий происходит в исторической и нормативно-правовой перспективе; связь нормативного и эмпирического подходов крайне важна в понимании глобальных процессов и проблем, осознании и решении новых вызовов и угроз, возникающих перед государствами и иными государственными и негосударственными участниками мировой политики.

Обязательная сторона международной политики в качестве практического дискурса объясняет его необходимость как в эмпирическом, так и в нормативном смыслах. Авторы, чьи статьи представлены в данной книге, пытаются ответить на вопросы политической теории, осмыслить основные теоретические перспективы, проанализировать методы, построить границы теоретического знания между различными направлениями теорий, рассмотреть вопросы связи теоретической науки и практической политической деятельности, рассмотреть политическую науку с точки зрения политического плюрализма, а также старых и новых подходов.

Так, во второй (и в первой после введения) основной части главное внимание уделяется анализу теоретических основ данных дисциплин. Д. Лейк, М. Барнет, К. Сиккинк, Р. Кокс, Ф. Дарби посвятили свои статьи теоретическим основаниям дисциплины, рассмотрению истории развития международных отношений по направлению к глобальному сообществу, вопросам трансформации теории и критике современного состояния теоретической науки.

В третьей части рассматриваются основные теоретические перспективы: У. Уолфорти Дж. Доннели – реализм, Б. Тешке и Н. Реннгер – марксизм, А. Стейн – неолиберальный институционализм, Дж. Ричардсон и Э. Моравчик – новый либерализм, М. Кохран и Й. Херд – конструктивизм, Р. Прайс и Р. Шэпкот – критическую теорию. Данные статьи не только освещают теоретические направления и содержание основных парадигм, но и раскрывают практическое содержание теорий.

В четвертой части, которая называется «Вопрос метода», в статьях Э. Кидда, Ф. Краточвила, Дж. Голдгейтера и Ф. Теллока, Э. Мэнсфилда и Дж. Пивхауза, Э. Беннета и К. Элмана анализируются основные проблемы методологии, группы методов и направления изучения методологических приемов.

Пятая часть посвящена так называемым пограничным наукам, которые оказывают значительное влияние на теорию международ-

ных отношений: международной политической экономике (International Political Economy (IPE) (Дж. Ревенхилл), стратегическим исследованиям (Р. Эйсон), теории принятия внешнеполитических решений (Foreign-policy Decision-making) (Д. Стюарт), международной этике (Т. Нардин), международному праву (М. Байерс).

В следующих двух частях книги собраны крайне интересные работы по проблеме взаимодействия научной и государственной политики, а также рассматривающие проблемы плюрализма и представление различных теорий на практическом уровне в международных отношениях. В работах известных ученых и исследователей по теории международных отношений Г.Р. Нау, Дж.С. Ная-мл., Д.Л. Блейни, Н. Инаятуллы, Р. Литтла дается анализ проблем в современной западной науке относительно разрыва, который существует между теоретическим знанием и практическим опытом⁵. Также серьезное внимание уделяется критическому изучению теории международных отношений в Великобритании⁶.

Наконец, в последней, восьмой части рассматриваются общие проблемы международных отношений, которые остаются актуальными по настоящий момент: проблемы концептуализации власти в дисциплине международных отношений (Дж.Б. Мэттерн), проблемы морали в международных отношениях (Т. Эрскин), общие проблемы международных отношений и изучения мировой политики (Р. Кеохайн), изучение динамичных подходов в международных отношениях (Р. Роузкранс), критика в отношении релевантности международных отношений (С. Смит).

Подводя итог такому краткому обобщению, хотелось бы еще раз отметить, что «Учебник Оксфорда по международным отношениям» представляет собой фундаментальное исследование, в котором в разноплановом ключе рассматриваются проблемы мировой политики, теоретические и практические подходы к изучению международных проблем. Подобная книга является крайне актуальной как для студентов, только начавших изучать международные отношения, так и для профессиональных исследователей, для которых требуется постоянное внимание к осмыслению новых тенденций, подходов, направлений изучения мировой политики.

Примечания

¹ The Oxford Handbook of International Relations / Ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford: Oxford University Press, 2010.

² Ibid. P. 3.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 5.

⁵ *Nye J.S., jr.* International Relations: The Relevance of Theory and Practice // The Oxford Handbook of International Relations. P. 650–659.

⁶ *Little R.* International Relations Theory from a Former Hegemon // The Oxford Handbook of International Relations. P. 675–687.

Abstracts

B. Antonov

LANGUAGE OF LAW IN RUSSIA AND IN THE UNITED STATES: COMPARATIVE ANALYSIS

The paper is an attempt to undertake a comparative analysis of legal terminology (language of law) in the contemporary legal and political systems of Russia and the West. The author focuses on reinterpreting the key concepts of democratic institutions. It is concluded that the reception was too swift and superficial and has not resulted in the substantial factual transformations of the Russian political and legal institutions.

Key words: language of law, messianic language, legal system, (re) interpreting, key concepts, legal state.

I. Baskakova

PROSPECTS OF RUSSIA-KAZAKHSTAN BORDER COOPERATION WITHIN THE CUSTOM UNION

The article focuses on the border cooperation between Russia and Kazakhstan. It also estimates the Custom Union influence on bilateral border cooperation and analyses other ways of cooperation improvement taking into consideration the world experience as well as peculiarities of two countries (macro-regions, innovation clusters).

Key words: Russia, Kazakhstan, Custom Union, border regions, macroregion, innovation cluster.

O. Ignatkin

THE IDEAS OF POLITICAL REALISM IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

The article is devoted to the key issue of contemporary International Relations – evaluation of the ideas of Realism and Neo. The article considers main versions of Realism as well as its classic and contemporary concepts. The author defines the prospects of the

theory, which up to now represents one of the leading schools in the political thought.

Key words: political realism, H. Morgentau, G. Kennan, K.N. Waltz.

A. Kireeva

MARITIME BOUNDARY DELIMITATION BETWEEN CHINA AND JAPAN IN THE EAST CHINA SEA AND THEIR JOINT DEVELOPMENT OF HYDROCARBON RECOURCES

The article focuses on maritime boundary delimitation in the East China Sea between China and Japan concerning a territorial dispute around Senkaku/Diaoyu Islands. The scope of the article also includes the problem of joint development of hydrocarbon resources located in the disputed region of the East China Sea, particularly 2008 China-Japan Principled Consensus on the East China Sea Issue and the impact of Senkaku/Diaoyu Islands conflict escalation in 2012. The author draws the conclusion that joint development of energy resources can pave the way for de-escalating the China-Japan conflict in the East China Sea.

Key words: China, Japan, East China Sea, maritime boundary delimitation, energy resources, Senkaku/Diaoyu Islands.

I. Kravchenko

NEW DEAL OF BARACK OBAMA IN THE ISRAELI-PALESTINIAN CONFLICT

The author analyses the U.S. foreign policy in the Israeli-Palestinian conflict during the presidency of Barack Obama. Particular attention is paid to the new vector of the negotiations in the Middle East. The article also focuses on the peculiarities of US – Israel relations as well as the role of the Israeli lobby in the decision-making process in the United States.

Key words: USA, Middle East, foreign policy, Israeli-Palestinian conflict.

A. Levchenkov

RELATIONS OF UKRAINE WITH THE PARTICIPANTS
OF THE CENTRAL EUROPEAN INITIATIVE
IN THE CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION

The article is devoted to the relations among Ukraine and the participants of the Central European Initiative in the context of cooperation with the European Union. The author compares the European integration course of Kiev with Ukraine attitude to the integration on Post-Soviet space.

Key words: Ukraine, Post-Soviet space, integration, Central European Initiative, European Union, Free trade zone.

О.В. Павленко

МИССИЯ РОССИИ В МИРЕ:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

Статья посвящена анализу основных геополитических концепций российских политиков, ученых и экспертов 1990–2000-х годов, нацеленных на осмысление роли России в мире после окончания «холодной войны».

Ключевые слова: геополитика, национальная идентичность, западники, антизападники, почвенники, евразийство, национальная идентичность.

E. Pivovarov, A. Guschin

POST-SOVIET INTEGRATION IN RUSSIAN
HISTORIOGRAPHY: KEY TRENDS AND APPROACHES

The article is devoted to the development of national historiography dedicated to the integration and regionalization of the Post-Soviet space at the beginning of the 21st century. Attention is focused on the works that define the main trajectory of Post-Soviet integration along with comprehensive analysis of various factors that affect the activity of integration organizations. Authors make the conclusion that the phenomenon of Post-Soviet integration has not been studied thoroughly and comprehensively. Further academic discussion of this problem will give an opportunity to formulate necessary criteria and terminology.

Key words: historiography, integration, post-Soviet space, regionalization, CIS, EurAsEC, the Customs Union, the Union State of Russia and Belarus, the Eurasian Economic Union.

N. Samarkina

RUSSIAN ARMS EXPORT TO LATIN AMERICA: GEOPOLITICAL ASPECTS

This article focuses on the peculiarities of the Russian arms export to Latin America in the context of geopolitical situation in Latin America, historical background of military and technical cooperation between Russia and Latin American countries, and the dynamics of the Russian arms supplies to the key importers of this region.

Key words: Geopolitics, Latin America, Russian arms export, products for military purposes.

A. Senokosov

THE ROLE OF LIBERAL-PACIFISTS IN FOREIGN POLICY OF GREAT BRITAIN ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR

The article is devoted to the study of so-called “liberal pacifists”, who influenced the content and direction of British foreign policy on the eve of the First World War. The author analyses the composition of the group of “liberal pacifists”, their objectives, methods and specific activities and assesses the degree of their influence on British foreign policy in 1911–1914. Special attention is paid to the influence of “liberal pacifists” upon Anglo-German relations of given period.

Key words: The Entente, Foreign Office, Radicals.

P. Simonov

RELIGIOUS ISSUE OF SOVIET-AMERICAN RELATIONS IN THE 1920s (BASED ON THE CENTRAL CHURCH RENOVATORY PERIODICALS, PUBLISHED IN THE USSR)

For the first time in the historiography author analyzes central church renovatory periodicals, published in the USSR, in order to

reconstruct the different aspects of the religious question in the context of Soviet-American relations in the 1920s.

Key words: Soviet-American Relations, the Russian Orthodox Church, the Metropolitan Platon Rozhdestvensky, Patriarch Tikhon, Archbishop John Kedrovsky, USA, USSR.

M. Sirotynskaia

EUROPEAN MID-NINETEENTH-CENTURY REVOLUTIONS AND THE US REVOLUTIONARY EXPERIENCE: DISCOURSE OF “YOUNG AMERICA”

Discussion of European mid-nineteenth-century revolutions by the advocates of “Young America” often revived memory of their own revolutionary experience. The American Revolution was seen, on the one hand, as the war for national identity – and that made it analogous to the contemporary national movements in the Old World, and, on the other hand, as the struggle for republicanism, for universal principles of human rights. At that time, as it seems, its “nationalist” and “universalist” images were quite complementary. Authors of the “Democratic Review”, the organ of “Young Americans”, even after the defeat of the revolutionary movement in Europe viewed the events of 1848–1849 in the light of their own legacy. Some of the “Young Democrats” felt they were part of the transatlantic community, maintained the idea of the “Atlantic Revolution”, as we would call it now. In their representation, the Atlantic Ocean was “the highway of nations”.

Key words: “Young America”, European mid-nineteenth-century revolutions, American revolution.

K. Solovyov

THE WEST UKRAINIAN NATIONALISM IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS

The article analyzes the contemporary West Ukrainian nationalism, its role in the political life of Ukraine, and its impact on the relations between Russia and Ukraine. Author makes the conclusion that nationalism has become one of the considerable political powers in Ukraine that can hinder the rapprochement between Russia and Ukraine and increase the inner instability in Ukraine as well as the international tensions in the region on the whole.

Key words: nationalism, Russophobia, Western Ukraine, All-Ukrainian Union “Svoboda”, Russian-Ukrainian relations.

A. Voskressenskiy

HISTORICAL EVOLUTION OF INTERNATIONAL SOCIETY AND ITS INFLUENCE ON THE FORMATION OF REGIONAL SUB-SYSTEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS

The main principles of modern international system were formed at the turn of the 20th century. After World War II the decolonizing and modernizing Asia must choose between two versions of European model of modernization and development. The model of development within the old technological stage was exhausted at the end of the 20th century. Non-Western countries based on the Western model of market economy but with national characteristics put forward their own models of modernization and managed to “catch up” with the leaders of world systems. These factors challenged the Western mode of post-industrial development. Thus the modern model of high competition in modernization and development was created. This model requires education and training of a new generation of professionals through “responsible internationalization” of future Russian political elite.

Key words: international society, regional sub-systems of international relations, models of modernization and development, education and training of political elite.

D. Zhuravlev

INTERNATIONAL TERRORISM IN THE NETWORKING OF WORLD POLITICS

Article deals with the problem of nets and networking in world politics. International terrorism is studied from viewpoints of different concepts of network structures formation. Special attention is paid to the information and communicative aspects of international terrorism. Conclusion is made on a hybrid (hierarchical-network) character of modern global terrorist organization.

Key words: international terrorism, hierarchy, net, world politics, communication.

D. Zhuravlev

INTERNATIONAL TERRORISM AS AN OBJECT OF STUDY AND TEACHING: METHODOLOGICAL ISSUES

Article deals with the methodological issues of teaching international terrorism. Different active and interactive forms are proposed as methods of developing all the specter of competences. Special attention is paid to the information and communicative aspects of international terrorism.

Key words: international terrorism, active and interactive forms, methodology, competences.

V. Zhuravleva

AMERICAN CORN IN RUSSIA: LESSONS OF THE PEOPLE-TO-PEOPLE DIPLOMACY AND CAPITALISM

This article is devoted to the «corn diplomacy» in the context of Russian-American relations from the late of the 19th century until the Cold war period. The author focuses her attention on three cases relative to the American attempts to export their corn and secrets of corn production to the Russian Empire and the Soviet Union. These thematic priorities give her the brilliant opportunity to analyse two dimensions of American messianic feelings determined the stable long-term perception trends of Russia in the American society. The economic one arose from the attractive prospects of exports of goods, capital, and technologies into Russian markets (Russia was supposed to learn “the lessons of American capitalism”). The humanitarian one turned a famished and backward Russia into the object of aid from the rich and prosperous America and the Americans – into “international philanthropists”. At the same time one of the main author’s conclusions is that the “corn diplomacy” played an important role in promoting better understanding between the Russians and the Americans and became the equivalent of the people-to-people diplomacy.

Key words: Russian-American relations, Soviet-American relations, the Cold war, People-to-people diplomacy, “Corn diplomacy”, Russian Famine of 1891–1892, Nikita Khrushchev in the United States.

Сведения об авторах

Антонов Борис Александрович – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, heidel@rambler.ru

Баскакова Ирина Андреевна – преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, irenthe1st@yandex.ru

Воскресенский Алексей Дмитриевич – д-р полит. наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), главный редактор журнала «Сравнительная политика», главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, sravnitpolit@mail.ru

Гущин Александр Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, aguschin78@mail.ru

Журавлев Денис Александрович – канд. полит. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, zhuravlev.denis@gmail.com

Журавлева Виктория Ивановна – д-р ист. наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, руководитель Научно-образовательной программы по американистике РГГУ, замруководителя Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, zhuravlevavic@mail.ru

Игнаткин Олег Борисович – канд. полит. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, oignatkin2001@yahoo.com

Киреева Анна Андреевна – преподаватель кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России, a.kireeva@my.mgimo.ru

Кравченко Илья Юрьевич – преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, ilius1@mail.ru

Левченков Александр Станиславович – канд. ист. наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, bohem2001@mail.ru

Павленко Ольга Вячеславовна – канд. ист. наук, доцент, завкафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, руководитель Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, olgaravlenko@mail.ru

Пивовар Ефим Иосифович – д-р ист. наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор РГГУ, завкафедрой стран постсоветского зарубежья РГГУ.

Самаркина Нина Сергеевна – аспирантка кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, аспирантка

Института геополитики Университета Париж-8, nina-samarkina@
 Rambler.ru

Сенокосов Алексей Георгиевич – канд. ист. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, senokosov@inbox.ru

Симонов Павел Константинович – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, dps250184@ Rambler.ru

Сиротинская Мария Моисеевна – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, masha_sirotinskaia@mail.ru

Соловьев Кирилл Андреевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, kirsolnat@mail.ru

General data about the authors

Antonov Boris A. – LL.M., senior lecturer, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, heidel@rambler.ru

Baskakova Irina A. – lecturer, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, irenthe1st@yandex.ru

Guschin Aleksander V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities, aguschin78@mail.ru

Ignatkin Oleg B. – Ph.D. in Politics, associate professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, oignatkin2001@yahoo.com

Kireeva Anna A. – lecturer, Department of Asian and African Studies, Moscow State Institute (University) of International Relations, a.kireeva@my.mgimo.ru

Kravchenko Ilya Yu. – lecturer, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ilius1@mail.ru

Levchenkov Alexander S. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities, bohem2001@mail.ru

Pavlenko Olga V. – Ph.D. in History, associate professor, head, Department of Area Studies and Foreign Policy, director, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, olgapavlenko@mail.ru

Pivovarov Efim I. – Dr. in History, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Rector of the Russian State University for the Humanities, head, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities.

Samarkina Nina S. – postgraduate student, Department of the Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; postgraduate student, the Institute for Geopolitics, Université Paris-8, nina-samarkina@rambler.ru

Senokosov Alexey G. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, senokosov@inbox.ru

- Simonov Pavel K.* – postgraduate student, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, dps250184@rambler.ru
- Sirovinskaia Maria M.* – Ph.D. in History, senior researcher, Center for North American Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; associate professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, masha_sirovinskaia@mail.ru
- Solovyov Kirill A.* – Ph.D. in History, senior lecturer, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, kirsolnat@mail.ru
- Voskressenskiy Alexey D.* – Dr. in Politics, professor, Ph.D. in Government Studies/Political Science from the University of Manchester; editor-in-chief, Russian journal “Comparative Politics”; chief researcher, Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, sravnitpoli@mail.ru
- Zhuravlev Denis A.* – Ph.D. in Politics, associate professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, zhuravlev.denis@gmail.com
- Zhuravleva Victoria I.* – Dr. in History, professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, director of the Program on American Studies, vice-director, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, zhuravlevavic@mail.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Н.П. Гаврикова*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,8. Уч.-изд. л. 18,6.
Тираж 1050 экз. Заказ № 10

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru